

Наши кони скачут всё быстрее...

Вениамин Смахов: жизнь в гостях и в 80 лет продолжается **стр. 16**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 190

№ 32–33

(6748)

5–25 августа 2020

www.lgz.ru

Выходит по средам

Основана в 1830 году при участии А.С. Пушкина. Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. Горького

В НОМЕРЕ

3 Диплом онлайн?

Начавшийся два года назад эксперимент по использованию в вузах интернет-технологий помог пережить пандемию и спровоцировал поток исследований, доказывающих преимущества онлайн-образования перед образованием традиционным. Но есть ли какие-то преимущества, помимо экономии средств?

18 И восторг, и полное отрицание

В Сети появился сериал Эдуарда Оганесяна «Чики» с участием Ирины Горбачёвой и других талантливых артистов. История о том, как четыре провинциалки организовывали фитнес-центр, вызвала интерес и противоречивые отклики.

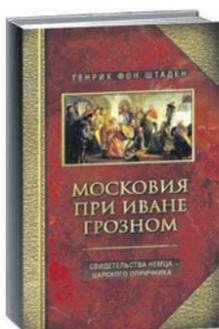
20 • 21 Поклон за Победу

В Киеве вышла антология украинской поэзии о Великой Отечественной войне. Предисловие написал академик, герой публикаций «ЛГ» Пётр Толочко.

Уважаемые читатели!
Следующий номер «ЛГ»
выйдет в среду, 26 августа.
До встречи!

КНИГА НЕДЕЛИ

Генрих фон Штаден.
Москва при Иване Грозном.

— М.: Центр-полиграф, 2020.

— 191 с. —
1500 экз.

Немецкий искатель приключений, живший в Московской Руси в XVI веке, оставил редкие исторические свидетельства. Особенно они ценны тем, что он находился в гуще происходящего и даже, по его утверждению, лично встретился с государем. ■

ЭПОХА

Мастер чувствует во всём

В Доме русского зарубежья открылась выставка живописи и графики Александра Бенуа

Один из организаторов и идеологов художественного объединения «Мир искусства», основатель одноимённого журнала, один из самых значительных художественных критиков начала XX века, художественный руководитель легендарных дягилевских «Русских сезонов», куратор картинной галереи «Эрмитажа», книжный и театральный художник и режиссёр — вот лишь часть «послужного списка» Александра Бенуа.

Экспозиция «Радостный труженик» приурочена к 150-летию со дня его рождения и является продолжением цикла выставок, организованных на базе коллекции галереи «КабинетЪ», — «Два брата Бенуа» и «Чудотворения». Среди представленных работ есть поистине уникальные, например впервые демонстрирующийся «Альпийский пейзаж в окрестностях Люцерны» (1936) из собрания Дома русского зарубежья или платье,

сшитое из ткани, выполненной по эскизам Бенуа...

Выставка, занимающая один зал, получилась очень репрезентативной, отражающей разные грани художественного таланта Александра Бенуа. Здесь представлены полные солнечного света акварельные городские пейзажи, на которых художник запечатлел «парадные виды» Петербурга и провинциальные уголки Европы.

Окончание на стр. 2

**Льготная
подписка
на «ЛГ»-2020 —**

ВЫГОДНО И УДОБНО!

ДЛЯ ВСЕХ РЕГИОНОВ РФ

С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

130 руб.

СТОИМОСТЬ
ПОДПИСКИ
НА МЕСЯЦ

на сайте
www.lgz.ru

2 СОБЫТИЯ И МНЕНИЯ

ЕСЛИ ПО-ЧЕСТНОМУ

Вероника Крашенинникова, политолог

В поисках позитива

Если по-честному, завершающую сезон колонку хотелось написать в позитиве. Отправиться в отпуск с зарядом доброго и оптимистичного.

Но где его найти?

Новости из Минска о задержании 33 «богатырей» показывают, что опять бездарно вляпались — настолько примитивно, прямо как первоклассники. Какую интерпретацию ни бери и сколь ни удивишься «ходить» Лукашенко, поражаешься чьей-то фантастической способности организовывать стране провалы.

В Хабаровске люди четвертую субботу подряд выходят на митинги. Задаёшься вопросом: какой же там видят Москву, если в пике центра даже всерьёз подозреваемого готовы защищать? Москва тем временем не показывает признаков обеспокоенности ситуацией, перебросив «горячий картофель» молодому кадру ЛДПР, басовитость и медлительность речи которого инструментом решения проблем точно не являются.

Под Екатеринбургом в Среднеуральском женском монастыре послушниц, выяснилось, принято пороть ремнём или кабелем в зависимости от тяжести «проступка» — вопросов и сомнений, которые они высказывают. Подростку могут вколоть опиумный наркотик своего производства. Документальный фильм «Монастырь особого назначения» ярко отражает жизнь при православном фундаментализме. Дальше — больше. РПЦ вяло реагирует робкими заявлениями, а уполномоченная по делам детей Анна Кузнецова находит информацию «противоречивой» — видимо, в силу корпоративной солидарности. Компетентных правоохранительных органов будто и вовсе нет.

В Вашингтоне администрация «друга Дональда» принимает очередной пакет санкций против главного российского проекта «Северный поток-2». Политическая цель — снизить доходы в российский бюджет и ослабить наше сотрудничество с Европой. При этом Трамп заверяет, что у него «на самом деле очень хорошие отношения» с российским президентом. Дальше, как принято, хуже — российские гос. СМИ продолжают славить Трампа в предвыборное время.

Но ведь должно же быть и что-то хорошее! Хотя бы из соображений равновесия в природе! Ищем.

Правительство разрешило гражданам путешествовать в трёх направлениях. Турцию открыли для масс, чтоб выдохнули после карантина на пляжах (а не на уличных протестах). Великобританию — для чиновников и других «элит», чтоб навести свои самые ценные ЗД (деньги, дети, дом). А Танзанию для кого? Вот загадка! Видимо, некто статусный собрался на охоту в национальный парк Серенгети.

А теперь серьёзно. Всё хорошее, что происходило в эти месяцы, связано с людьми. Россияне прошли острый период пандемии достойно, поддержав врачей и нуждавшихся в особой заботе. Выдержка и организованность наших людей заслуживает всяческой похвалы. В сложный момент, как профессионалы, так и граждане, собрались, мобилизовались, делали всё как надо. Даже западные журналисты, живущие в Москве, удивлялись самообладанию россиян в контрасте с часто истеричными и нервными реакциями людей в своих странах.

Многие даже извлекли пользу от карантина — прочитали книги, ждавшие на полках годами, обучились чему-то новому, притормозили обычную жизненную суету, оглянулись вокруг себя и пересмотрели приоритеты в жизни. Роскоши человеческого общения, конечно, не хватало — но ничего, восполним.

Наверное, впереди немало испытаний. Однако способность наших людей смыкать ряды в сложный момент, подставлять друг другу плечо и вместе проходить через трудности — главная гарантия побед и успеха страны.

Россия держится на народе. Горжусь нашими людьми и верю в российский народ. ■

ЭПОХА

Мастер чувствуетея во всём

Окончание. Начало на стр. 1

Есть и книжная графика (уникальные экземпляры «Азбуки в картинах», «Медного всадника», «Пиковой дамы»), и эскизы костюмов и декораций к театральным постановкам Сергея Дягилева, балетам «Щелкунчик», «Жизель», «Свадьба Амура и Психеи».

Можно увидеть на выставке и личные вещи художника: книги из его библиотеки, в том числе именное издание каталога «Эрмитаж»; его письма друзьям, фотографии и портреты, выполненные современниками художника Георгием Верей-

Михаил Сеславинский на открытии выставки

ским, Сергеем Ивановым, Львом Бакстом.

Большая часть экспонатов — из частных коллекций (Константина Журомского, Михаила Сеславинского и других), так что выставка — уникальная возможность увидеть их.

Экспозиция, оформленная с большим вкусом, понравится как знатокам творчества Александра Бенуа, так и тем, кто только открывает для себя его художественный мир. Выставка будет работать в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына до 27 сентября.

Людмила Тарасова

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Михаил Сеславинский, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям:

— Эта выставка — дань уважения великому человеку Александру Николаевичу Бенуа, который был, с моей точки зрения, своеобразным Леонардо да Винчи русского мира. Он занимался искусством живописью, театром, живописью, пропагандой искусства, был куратором «Эрмитажа», и, конечно, особое место в его творчестве занимала книжная графика... Мастер чувствуетея во всём: не только в полномасштабных иллюстрациях, но и в каждой буквице и маленькой заставочке. Мы очень благодарны Александру Бенуа за то, что он сформировал искусство книги в Серебряном веке и сделал многое для того, чтобы наша жизнь была прекраснее.

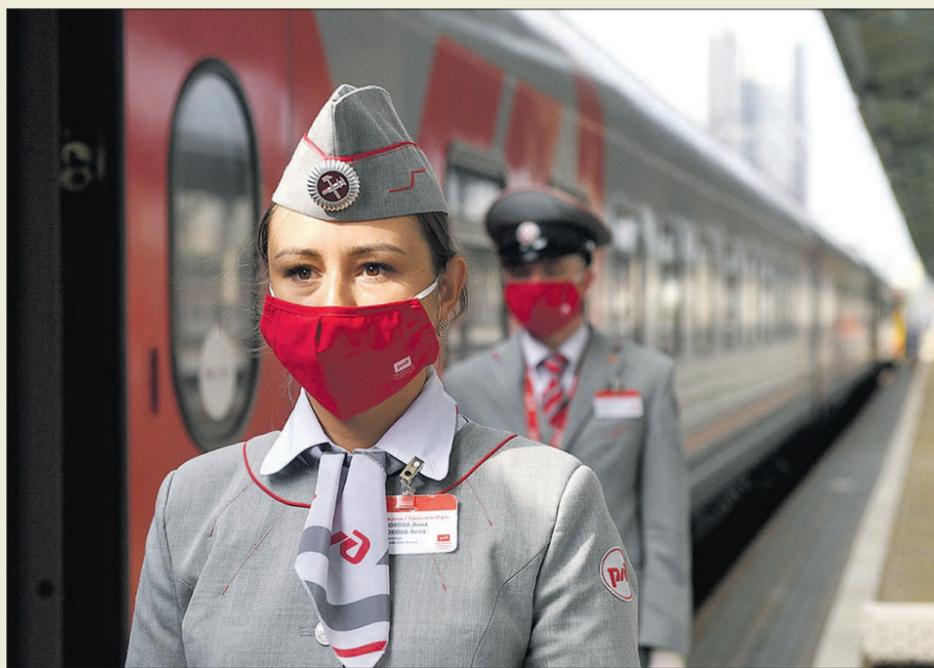
Александр Кибовский, руководитель Департамента культуры Москвы:

— Бенуа — удивительная личность, человек, который при жизни стал символом эпохи. Я очень благодарен всем, кто принял участие в создании выставки. Да, есть работы, которые мы знаем, которые хранятся в музеях, но всегда очень важно увидеть те крупницы творческого наследия художника, которые находятся в частных коллекциях. А уж возможность собрать их вместе и показать — бесценна, потому что когда мы увидим их ещё раз, тем более в таком «соборном комплексе», — большой вопрос. Это прекрасный подарок к 150-летию со дня рождения Александра Бенуа. И мне очень приятно, что выставка проходит в Доме русского зарубежья, который в том числе для таких проектов и создавался.

Виктор Москвин, директор Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына:

— Выставка готовилась ещё с прошлого года, и мы собирались открыть её 4 мая, в день рождения Бенуа. Эпидемиологическая ситуация заставила нас перенести открытие, но при первой возможности мы всё же решили провести выставку не онлайн, как это сейчас привычно, а офлайн. Экспозиция занимает один зал. Мы постарались отобрать лучшие работы Бенуа, представляющие все периоды его творчества и все жанры, в которых работал художник. На выставке есть и экспонаты из коллекции Дома русского зарубежья, но подавляющее большинство работ — из частных собраний.

ФОТОГЛАС

Владимир Путин поздравил работников и ветеранов железнодорожного транспорта с Днём железнодорожника: «Этот праздник объединяет огромное количество людей в нашей стране — представителей самых разных специальностей и сфер деятельности». Тех, кто своим ежедневным трудом обеспечивает стабильное бесперебойное функционирование комплекса. С радостью присоединяемся к поздравлениям и благодарим за сотрудничество ОАО «РЖД» — нашего надёжного партнёра и друга.

ВАЛЕРИЙ МЕЛЬНИКОВ / РИА НОВОСТИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 1971 1979
Председатель редакционного совета
ЮРИЙ ПОЛЯКОВ
Главный редактор
МАКСИМ ЗАМШЕР
Заместители главного редактора:
Леонид Колпаков, Анастасия Ермакова
Ответственный секретарь **Сергей Колпачки**

Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Б. Никитская, д. 50а/5, стр. 1
Отделы: **Политика и экономика** politec@lgz.ru
Общество т. 8-499-788-02-05, mazurova@lgz.ru
Искусство klv2004@bk.ru **Литература и библиография** т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru
Клуб 12 стульев satira@lgz.ru
ТелевЕдение televed@mail.ru
Литературная ярмарка т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru
Эл. почта litgazeta@lgz.ru
Перепечатка и цитирование только с разрешения редакции.

Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-70388 от 13.07.2017 г.
Председатель совета АНО **Андрей Тимохин**
Генеральный директор **Андрей Матвеев**
Тираж **113 800** экз.
Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт», 127247, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.
Номер подписан к печати 4 августа 2020 г. Зак. № 1515
Подписные индексы: 50067, 34189, 11717 — годовая подписка, ПР-381 — годовая подписка, ПР-195 — подписка на 1-е полугодие
Подписка и распространение: т. 8-499-788-01-12

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Офлайн, онлайн или дистанция?

Что скрывается за красивыми названиями и как эта «эквилибристика» терминов вредит нашему образованию?

Чем быстрее жизнь возвращается в «докарантинное русло», тем очевиднее чудовищность подмены понятий: утверждение, что дистанционное обучение и онлайн-обучение – это разные названия одного и того же. Для профессионалов очевидно: это принципиально разные системы.

После вынужденной многомесячной изоляции, вызванной пандемией COVID-19, стали появляться многочисленные исследования, претендующие на аналитические прогнозы и доказывающие преимущества «онлайн-образования» как новой и прогрессивной формы перед традиционным «офлайн-образованием». По сути, объявляется новый курс, которого должна будет придерживаться вся российская высшая школа.

В марте все вузы одновременно перешли на дистанционное обучение. Заметьте: именно «перешли на дистанционное обучение», а не «ушли в онлайн». За несколько месяцев была фактически разработана и апробирована принципиально новая система, аналогов которой не было ранее нигде. Многие решения, найденные для дистанционных подходов, могут быть приняты в традиционном образовании и таким образом сделать всю систему эффективнее.

Дистанционный курс может стать хорошим дополнением к традиционным программам. Особенно в тех случаях, когда студент по какой-либо причине не смог завершить обучение (например, декретный отпуск). Не многие девушки найдут в себе силы, а их семьи – средства после существенного перерыва вернуться к прерванному очному обучению. И здесь дистанционные курсы если не восполнят процесс полностью, то, по крайней мере, помогут поддерживать себя в форме. При этом полноценной альтернативой традиционной форме обучения дистанционный курс априори не станет.

Давайте называть вещи своими именами. Выдаваемое за принципиально новую форму «онлайн-образование» – это заочная форма, лишённая качественной составляющей. Традиционная система предполагала в заочном образовании обязательные экзаменационные сессии и контроль выполнения текущих заданий, и именно очно. Преподаватель непосредственно контролировал уровень знаний своих студентов. И в реальности срок, затраченный на получение образования в такой форме, существенно превышает сроки очного обучения. При этом речь идёт не о продолжительности программы, а о периоде освоения этой программы.

В традиционной системе, чтобы приступить к освоению какого бы то ни было курса, нужно продемонстрировать наличие определённых знаний и навыков. Для этого существует отработанная веками система контроля: экзамены, зачёты, контрольные, коллоквиумы и пр. Предполагалось, что массовое введение ЕГЭ в средней школе заменит вступительные экзамены в вуз. Однако практика доказала ошибочность этого утверждения, и вступительные экзамены последние годы всё увереннее возвращаются в высшую школу. Никакие тесты не могут проверить наличие музыкального слуха, чувства языка, способностей к рисованию и т.п. Даже

Цифровые технологии, безусловно, благо, но живого общения они заменить не могут

самая лучшая тестовая система контролирует только наличие определённой суммы знаний, но не может проверить степень прочности этих знаний, их качество, то есть способность к анализу и интерпретации. Ни один тест сегодня не может проверить способность человека думать, творчески подходить к решению стандартной задачи, а как следствие решать и задачу нестандартную. А именно способность и готовность студента решать нестандартную задачу и определяет качество высшего образования как системы профессионально ориентированной подготовки.

Онлайн-курсы, предоставляющие возможность всем «изучать» что угодно, когда угодно, как угодно, контролем качества знаний не озадачиваются. Главное – быстро и относительно дешево. Платишь денежки в кассу, и справочка в виде сертификата об окончании соответствующих курсов будет в кармане через 1–2 месяца, а можно и быстрее.

Только ни один серьёзный специалист по кадрам не примет на работу с дипломом «МВА за 2 месяца, онлайн-курс», или «Дизайн архитектурной среды для всех за 3 месяца». Хорошо, что ещё не встречаются (возможно, пока) в интернете предложения типа «марафон: хирургия онлайн за 1 неделю» или «онлайн-интенсив: вся стоматология за 3 дня». Претенденты, имеющие только онлайн-образование, в принципе не рассматриваются при приёме на работу на технические специальности, в IT-технологиях, областях, связанных с использованием, разработкой и внедрением искусственного интеллекта, во всех областях медицины. Охотно принимается онлайн-подготовка в event-индустрии, в области PR, SMM, маркетинге и продюсировании. Другими словами, в тех сферах, где практический опыт ценится значительно больше, чем профильное образование.

Ещё один существенный нюанс: попытка отождествления понятий «онлайн-образование» и «онлайн-курс». Образование – это система последовательно изучаемых и взаимосвязанных курсов. Наиболее известная образова-

тельная онлайн-платформа Coursera предлагает набор авторских курсов, разработанных профессорами ведущих западных университетов. При этом сертификат о прохождении одного или нескольких таких курсов не приравнивается к диплому соответствующего университета.

Возможно, онлайн-курсы могут рассматриваться как форма повышения квалификации или переподготовки в рамках родственных профессий, но отнюдь не как форма получения образования в том смысле, который мы привыкли вкладывать в это понятие.

Кроме того, пугает полная бесконтрольность этой сферы. Если для традиционных форм образования существует отлаженная и постоянно совершенствуемая многоуровневая система контроля качества, то онлайн-структуры, разрастающиеся как грибы после дождя, контролируются в лучшем случае только налоговыми органами. В онлайн-сфере

КСТАТИ

В этом году летнюю сессию студенты большинства крупных российских вузов сдавали в режиме онлайн. Проверяли их добросовестность с помощью прокторинга – системы наблюдения, которая позволяет исключить подсказки и списывание.

Появляющиеся сообщения о полном переходе вузов на дистанционный формат глава Минобрнауки Валерий Фальков назвал спекулятивными. Однако, если набрать в поисковой строке «Яндекса» фразу «высшее образование онлайн», появятся десятки предложений поучиться, не вставая с дивана, с последующим получением диплома государственного образца. Причём и с платой за обучение, и на бюджетной основе.

Речь идёт о традиционном заочном обучении или начавшийся два года назад эксперимент по замене очных лекций онлайн-курсами не канул в Лету и нас всё же ждёт очередная реформа?

личность педагога имеет такое же значение, как и в традиционной системе. И в онлайн-образовании должно быть хотя бы лицензирование. В противном случае логопед, не выговаривающий половину алфавита, будет заниматься коррекцией речевых дефектов по телефону под названием «Онлайн-марафон «Риторика».

Агрессивно-активное обращение к западному, а прежде всего американскому опыту как эталону и образцу для подражания вызывает беспокойство. Американская образовательная система всегда считалась не самой удачной, чтобы не сказать отсталой. По статистическим данным, 60% американских школьников не заканчивают среднюю школу, а в районах с преобладанием цветного населения – 80%.

Япония, единственная страна в мире, установившая всеобщее обязательное высшее образование, никогда не скрывала, что в определённый момент за образец взяла советскую систему. Тот же первоисточник называют и другие лидеры в образовательной сфере, Норвегия и Финляндия.

Но на родине самой передовой системы пытаются улучшить её директивным снятием калыки почему-то именно с весьма спорной американской системы, умалчивая, что западные системы образования проводят чёткое разграничение на образование для развитых экономических стран (метрополий), которое называют элитарным, и образование для колониальных стран. Для последних проповедуются постулаты типа: «образование – это не для всех», «стране нужны рабочие руки», «онлайн – массовое образование» и т.п.

Если внимательно рассмотреть модные современные западные теории, то становится понятно: это адаптированный перевод отечественных психологов и педагогов П.Я. Гальперина (1955), Н.Ф. Талызиной (1969), В.П. Беспалько (1977) и др. Многократные потери содержания при переводах с русского на английский и обратно приводят к чудовищному искажению сути этих теорий, а как следствие – явно не способствуют улучшению качества образования.

Наша профессура, привыкшая рассуждать по принципу «хоть горшком назови, только в печь не сажай», сохраняя интеллигентное молчание, терпеливо переводит свои программы с русского на чиновничий в угоду новомодным требованиям. Но сейчас название имеет значение, так как речь идёт именно о содержании образования. И именно для изменения содержания, а точнее сказать, для выхолащивания его сути планомерно вводятся красивые термины, отнюдь не способствующие укреплению системы образования.

Времени на молчаливое пожимание плечами уже не осталось. Если сегодня внятно и громко не заявить, что традиционная система образования – это не выключенное (дословный перевод термина «офлайн») образование, то завтра «исключённой» может стать высшая школа как таковая. И наивно думать, что будут вузы, которых это не коснётся.

Наталья Шкинёва,
профессор Московского
архитектурного института
(МАРХИ)

4 ОБЩЕСТВО

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Неутихающий Хабаровск

Чем разогревается протестный котёл

Третью неделю в Хабаровске не утихают уличные протесты. По вечерам в них вливаются сотни хабаровчан, а днём по субботам на улице Муравьёва-Амурского выплёскивается человеческая лавина разных возрастов и профессий.

Видишь открытые русские лица, много молодёжи, ощущаешь невероятную энергетику. Трудно судить, насколько протестующие закулисно организованы, но неприятие многих составляющих официального курса, наверное, спланирует сильнее любых «засланных казачков», которые тоже при деле — кое-кого знаю лично.

Далеко не все были в восторге от работы Фургала, имеют к нему претензии. Но даже их он привлекал как открытый политик, вникавший в проблемы людей, чуждый показухи и надувания щёк. Многие связывали с ним надежды на будущее, и вдруг его арестовывают. Что ещё нужно для идеального шторма?

В гущу собравшихся на площади Ленина задаю вопросы. Большинство, выясняется, не приемлют сепаратизма и за реальный федерализм. Встречаю лишь двоих, считающих, что «без России» Хабаровску будет лучше. Пытаюсь переубедить. Но и они солидарны со скандирующими «свободу Фургалу!» в том, что русских отсюда выталкивают нищетой, тарифами, ценами, искусственной безработицей, завозом мигрантов и что в сырьевой вахтовой экономике им ничего не светит.

Общая позиция митингующих: только отстаивание своих прав может изменить ситуацию в интересах большинства. Вот на днях в Хабаровске министр энергетики Новак и врио губернатора Дегтярёв обсуждали необходимость газификации региона. Хотя сплошную газификацию предприятий и посёлений следовало начать минимум лет пятнадцать назад, когда газ пошёл с Сахалина. Увы, «Газпром» отказался двинуть трубу и в соседнюю Еврейскую область. Всё на экспорт! Вместе с лесом, рыбой, нефтью, углём, электроэнергией. При равнодушии к простым людям, мол, стерпят. Несколько лет назад из-за хамского поведения клерка «Крайгаза» я потребовал встречи с его директором Георгием Шперлингом (ныне возглавляет «Газпром газораспределение Дальний Восток»). Вместо извинений и беседы со Шперлингом меня встретил ЧОП, потом даже вызвали вооружённый наряд полиции, которая, к её чести, не нашла причин для моего ареста.

Подобные случаи самоуправства авторитет государства не укрепляют, недовольство растёт. Но, что тоже заметно, конструктивных инициатив хабаровская массовка не выдвигает, всё сводит к Фургалу, хотя подплёка манифестаций на 90% — во всевластии монополий и компрадорских олигархических групп при упадке местного самоуправления, ухудшении экологии, несправедливых налогах. Очевидно, что без разумного перераспределения финансов и полномочий непосредственно в города, районы, посёлки центростремительные тенденции будут усиливаться. Ещё одного «чемоданного поколения» наш Дальний Восток может не пережить.

Ситуацию чуть разрядил музыкант Шнур, который, похоже, десантировался связником между Дегтярёвым и горожанами — сравить пар «прикольными» эмоциями. Здесь же узнаваемые лица из «Эха Москвы», «Комсомолки», туча блогеров, системных и несистемных оппозиционеров, представителей зарубежных СМИ. Даже «Нью-Йорк Таймс» прислал репортёров.

Всё весьма серьёзно. Кто-то смакует уголовное дело Фургала, кто-то предсказывает «распад империи», а кто-то за сугубо силовую зачистку. В любом случае, полагаю, на местечковой самостоятельности и тем паче на голой силе уж точно дальше очередной выбоины не уедем. Если не хотим майдана и антимайдана, то накопившийся хабаровский негатив лучше всего лечить правдой и созиданием. Без маскировки самых острых углов. В этом бюрократическая вертикаль не очень сильна — в отличие от вечного народно-государственного организма, который нам ещё предстоит возродить. Ради процветающей великой вольной России. Иначе получим очередную пшик.

Виктор Марьясин,
собкор «ЛГ», Хабаровск

ДРАМАТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА

Праздновать рано

Врач — о буднях в «красной зоне», оптимизации, будущем здравоохранения и смягчении карантинных мер

Ирина Николаевна Лисина — терапевт, заведует отделением в московском Госпитале для ветеранов войн №2. Указом президента награждена орденом Пирогова — за особые заслуги в борьбе с новой коронавирусной инфекцией.

— Вы практически с первого дня находились в эпицентре борьбы с коронавирусом. Как это произошло?

— Денис Проценко, главный врач ГКБ №40, обратился за помощью к главным врачам нескольких стационаров. Нужно было усилить клинику, которую первой сориентировали на ковид... Время было тяжёлое, и я, конечно, не отказалась.

— А можно было отказаться?

— Не знаю, наверное. Говорили, что возраст «60+» опасный, поэтому дома была небольшая паника.

— Не было страшно?

— Нет. Но волновалась, конечно, ведь предстояло работать в новом коллективе, с инфекцией, о которой мы ничего не знаем. Накануне ночь не спала. Ездить было далеко — 26 остановок на метро и ещё 20 минут пешком. Приходилось вставать в полпятого, и работали мы где-то до восьми вечера.

— Сразу ли у врачей возникло понимание, с чем столкнулись?

— Не сразу. Первые поступления были из аэропортов — люди, которые возвращались с отдыха. С температурой, с симптомами ОРВИ. Молодые, загорелые, с чемоданами. Они не понимали, почему оказались в больнице, многие вполне нормально себя чувствовали. Но у них был положительный тест на ковид.

А дальше поехали уже тяжёлые больные — возрастные, пожилые. Потом стали поступать заболевшие коллеги. Ситуация становилась всё серьёзнее, в первые дни работало две реанимации, потом пять...

— Найдены ли однозначный алгоритм лечения сейчас?

— Протоколы, тактика лечения менялись. Сегодня существует много разных схем, но однозначного алгоритма по-прежнему нет. Остаётся немало вопросов.

— Я несколько раз слышала слова опытных врачей: лучше в «красную зону» пойдём мы, молодых надо сохранить. В самом деле, таким принципом руководствовались?

— В Коммунарке в основном работали более молодые коллеги. Конечно, я старалась при случае их побережь. У меня за спиной опыт. До госпиталя 19 лет проработала в скорпомощной больнице, там были и тяжелейшие пациенты, и экстренная помощь, а значит, навык быстрого принятия решений. Плюс 11 лет в госпитале для ветеранов войн —

тоже особый профессиональный опыт.

— Понятно, что было трудно физически и психологически... Как восстанавливались? Виделись ли с родными? Кто вас поддерживал?

— Семья, коллеги. И Вера Ростиславовна Шастина — наш главный врач госпиталя. Она каждый день звонила, интересовалась, как у меня дела.

Мы были первыми, и поначалу нам не предоставляли гостиницу. После работы приходилось ехать домой, а у меня дома — шесть человек, маленький внук. Слава Богу, всё обошлось, хотя работала в «красной зоне», постоянно была в контакте.

— Госпиталь №2 в числе последних, но был перепрофилирован на приём пациентов с ковид. Насколько удалось решить поставленные задачи?

— Перепрофилировать госпиталь — невероятно сложная задача, но мы справились. Это касается и защиты персонала, и спасения больных, а пациенты к нам поступали крайне тяжёлые.

— После перепрофилирования госпиталь возвращается к своей обычной жизни... Можно ли сказать, что вы перевернули страницу и стараетесь забыть «красную зону» как страшный сон?

— Нет, конечно! Перевернуть страницу и забыть не получится. Более того — ещё не всё закончилось, люди продолжают болеть.

Я думаю, что пандемия стала хорошей школой для медиков. Сотрудники моего терапевтического отделения во время перепрофилирования на ковид работали с гинекологами, офтальмологами, хирургами... Мы получили особый профессиональный и личный опыт, мы стали бережнее относиться к коллегам. И главное, чувство сопереживания к больным не притупилось.

— Во время борьбы с коронавирусом широко использовались возможности информационных технологий, телемедицины. На ваш взгляд, перспективно ли их дальнейшее применение?

— Пожилым людям важен непосредственный контакт с врачом. Им надо поговорить, рассказать всю свою жизнь. Мы лечим их не только лекарствами, но и словом, вниманием. Поэтому для наших больных дистанционное лечение вряд ли подойдёт. Поэтому телемедицина — это для молодых.

— В мире продолжается пандемия, а у нас практически все ограничения сняты. Не преждевременно ли?

— Честно говоря, если бы решение принимала я, то подождала бы отменить ограничения. Потому что скопление людей, в частности на южных курортах, может плохо закончиться. Посмотрите, какая высокая заболеваемость, смертность. Вроде и победили мы этот вирус, но праздновать рано... Это моё личное мнение... Хотя Минздраву, конечно, виднее.

— Говорят о русском чуде в борьбе с пандемией. В чём его природа, на ваш взгляд?

— Трудно сказать... Но мы молодцы, мы сумели воспользоваться короткой отсрочкой — перепрофилировали стационары, подготовили специалистов, создали условия, чтобы врачи могли лечить людей, а не выбирать, кого спасать, а кого нет, как это происходило в некоторых европейских странах. К счастью, нам такой ужасный выбор делать не пришлось.

— Вирус объявился, когда в стране прошла оптимизация. Советская система справилась бы с пандемией лучше?

— Как показало время, в последние годы был принят ряд неверных решений. Ушло много высокопрофессиональных врачей. К счастью, мы сумели сохранить советскую школу применительно к действиям в условиях пандемии, алгоритм эпидемиологической работы. Без этого события развивались бы драматичнее. Инфекционисты в советское время считались суперспециалистами, они могли разобраться с самыми сложными случаями. И в Коммунарке инфекционисты были наиболее ценными врачами. Это нам помогло.

— Продолжаете ли общаться с коллегами из Коммунарки?

— Конечно. Мы вместе преодолевали серьёзные трудности, мы вместе проходили через невероятно напряжённые суточные дежурства. Но ничего, мы выдержали... Коллеги по Коммунарке меня очень тепло поздравили с наградой. А награда... неожиданно очень. Я даже не поняла, за что? Я же просто работала... Надо работать — и работаешь. Любой врач нашего госпиталя работал бы точно так же.

Беседовала
Гульнар Брик

ЭКСПЕРТИЗА

Что мешает меценатам проявить щедрость?

Помогать культуре в России труднее, чем во многих странах мира

Во время экономического кризиса, осложнённого анти-вирусными ограничениями, сложно приходится многим, но культура оказалась едва ли не в самом сложном положении. На длительное время закрылись галереи, театры, книжные магазины, библиотеки. Государство нашло возможность поддержать пенсионеров, безработных, семьи с детьми. На дополнительное финансирование культуры средств хватало не всегда. Поэтому с особой остротой возник вопрос: а где меценаты?

Традиции и реальность

Исторически сложилось, что главными меценатами долгие века были цари и короли. Они содержали придворные театры, покупали картины и оплачивали оды. Позже меценатами стали предприниматели. В Российской империи готовность купцов жертвовать на искусство часто воспринималась как чудачество. Над меценатами шутили, главной мишенью для шуток был Павел Михайлович Третьяков.

После Октябрьской революции над меценатами шутить перестали. Такая деятельность для частных лиц оказалась вне закона. Право поддерживать культуру в годы советской власти было только у государства.

В современной России Госдума дала гражданам право жертвовать на культуру, образование, спорт и нужды людей. Виды помощи были разделены на три группы: спонсорство — это то, что может в дальнейшем принести жертвователю прибыль, благотворительность — деятельность, помогающая людям в сложных ситуациях, и меценатство — безвозмездная поддержка духовного развития страны и мира. В 1994 году были приняты законы о спонсорстве и благотворительности, а закона о меценатстве пришлось ждать более 20 лет — он вступил в силу только в ноябре 2014 года.

«Главным предметом спора, который продолжался 20 лет, был вопрос, имеет ли право меценат на какую-то благодарность со стороны государства, — рассказал «Литературной газете» финансовый омбудсмен Ассоциации российских банков и депутат Госдумы первых пяти созывов Павел Медведев. — Многие говорили, что с денег, потраченных жертвователем, не нужно брать налоги. Другие утверждали, что если мы сделаем вычет из налогооблагаемой базы, то предприниматели всю свою прибыль начнут прятать под видом меценатских пожертвований, то есть станут уходить от налогов. В итоге был предложен компромиссный вариант: в федеральный бюджет меценаты платят налоги в полном объеме. А региональные и муниципальные власти могут не облагать местным налогом средства, потраченные на помощь культуре в регионе».

По мнению Павла Медведева, это решение было наивным.

«Если человек хочет приблизиться к будущему, войти в историю, как Третьяков, то он не должен просить побряк со стороны государства или требовать региональных налоговых вычетов, — говорит омбудсмен. — Меценатство должно быть бескорыстным, финансирование искусства — идти из чистой прибыли мецената, из его личных денег. А если эти деньги попали в цель — об этом меценате обязательно вспомнят потомки. Скульпторы сделают его изваяния, художники напишут портреты, литераторы сделают его героем своих произведений. В знак благодарности, а не за гонорар. Тем более смешно и наивно, если такие гонорары меценату станут оплачивать государство. Смысл меценатства в бескорыстности».

Россия глазами мецената

В наше время одним из наиболее заметных меценатов стал президент общероссийской общественной организации «Деловая Россия» и председатель совета директоров группы компаний «Абрау-Дюрсо» Павел Титов.

«Я думаю, что каждый предприниматель старается помочь родному городу или посёлку, — сказал «ЛГ» Павел Титов. — Если государство не успевает или не может улучшить жизнь, предприниматель сам готов это сделать, в том числе побороться за интеллектуальное и культурное процветание места, где живёт он и будут жить его дети. На бумаге существует закон, который позволяет региональным или муниципальным властям предоставлять налоговые льготы, если предприниматель тратит на поддержку культуры. Но на практике применить эту норму почти невозможно. Как сделать налоговый вычет — законами не прописано, подзаконные акты не приняты. Проще жертвовать, не прося ничего взамен».

Павел Титов отремонтировал в сельском округе Абрау-Дюрсо Дом культуры, превратив его в Дворец культуры, переоснастил школу и районную больницу, к которой пришлось провести 96 км водопроводных и канализаци-

Павел Титов на экспозиции поселения Абрау-Дюрсо во Всероссийском музее прикладного искусства

»
В качестве проекта, который может быть реализован в перспективе, — взаимодействие «Абрау-Дюрсо» с современными российскими поэтами.
 «

онных труб. Из прибыли группы компаний финансируются курсы, необходимые школьникам для поступления в вузы. Чтобы занятия не прервались во время недавней самоизоляции, меценат закупил для тех, кому это необходимо, ноутбук и гаджеты. Финансируются команды по баскетболу, футболу, единоборствам, детская яхт-школа.

«Мы в любом случае всё это будем делать, но было бы справедливо не облагать такие затраты налогом. Тогда у нас появятся дополнительные средства и мы сможем сделать больше», — уверен меценат.

В муниципальном образовании создана галерея нового аудиовизуального искусства, которая сочетает материальные экспонаты с современными интерактивными эффектами.

«Любое государство, как правило, старалось поддерживать традиционное классическое искусство, а эксперименты считало рискованными, даже если это касалось, например, Анри Матисса. Его опыты импрес-

сионизма поддерживали меценаты, среди которых русские купцы Сергей Щукин и Иван Морозов. Частную школу живописи Матисса тоже содержали меценаты из разных стран. Так и мы поддерживаем новое искусство, о котором государство не позаботится», — говорит Павел Титов.

Председатель совета директоров «Абрау-Дюрсо» реализует не только муниципальные, но и федеральные меценатские проекты.

«У нас тесное взаимодействие с Всероссийским музеем декоративного искусства в Москве. Обычно нас просят о содействии при организации новых экспозиций, — говорит Павел Титов. — В качестве морального поощрения нам позволяют проводить свои выставки национального дизайна с бесплатным входом посетителей. В музее на два месяца размещена экспозиция истории и искусства сельского поселения Абрау-Дюрсо».

А одной из самых известных в Европе меценатских акций группы компаний «Абрау-Дюрсо» стал проект «Художники». Раз в год один из наиболее интересных живописцев России получает предложение создать полотно, которое будет у него выкуплено, репродукция картины используется в оформлении этикетки для ограниченной серии коллекционного подарочного вина. В предыдущей акции участвовал один из основоположников русского концептуализма Эрик Булатов. Выставка работ художника и презентация коллекционного вина с его авторской этикеткой проходили в Париже. Таким образом, иностранные ценители искусства знакомятся с русской живописью.

Имя художника, который станет героем новой акции, пока держится в секрете.

В качестве проекта, который может быть реализован в перспективе, — взаимодействие «Абрау-Дюрсо» с современными российскими поэтами.

Но предприниматель признаёт: «КПД нашего меценатства на местном уровне выше. Так и должно быть. Если предприниматель становится меценатом у себя дома, дом будет красивее. А Москва или Париж и без нас красивые...»

А как у них?

«В США и Евросоюзе государство в лице мэра или министра культуры обращается к меценату с просьбой помочь тому или иному деятелю культуры, театру или фонду. И выделенные меценатом деньги не будут облагаться налогом, — сказал «ЛГ» первый вице-президент «Опоры России» Владислав Корочкин. — В нашей стране меценат может тратить на искусство только из уже полученной прибыли. Но у нас, даже по данным Росстата (которые, как правило, оптимистичны), процент компаний, имеющих прибыль выше ставки рефинансирования, стремится к нулю. Поэтому и мало в России меценатов. Нужно прекратить удерживать налоги с денег, которые предприниматель кому-то жертвует...»

Взаимодействие мецената и государства у нас сложнее, чем, к примеру, в Европе. Павел Титов приводит пример:

«Мы в Шампани купили небольшой участок земли — 2 га, но это место, где растёт самый топовый виноград. Там мы производим шампанское вино. И вот однажды мы решили сделать во Франции имиджевый проект — «ужин в Версале». Это была презентация современной российской гастрономии и виноделия для министров и предпринимателей Франции. Версаль — историческое достояние, сердце нации, святая святых. Мы всего за один месяц с министерством культуры Франции договорились, чтобы провести эту акцию. Сколько бы лет ушло, чтобы согласовать нечто подобное в российском музее такого уровня?.. Даже страшно пробовать...»

Логика государства, не дающего меценатам льгот, проста: пусть предприниматели заплатят все налоги, а профессионалы из министерств определят, сколько нужно культуре и науке. И государство само выделит деньги и проверит их расходование. «Но меценаты проверяют расходование своих средств лучше», — уверен Павел Титов.

Михаил Zubov

6 БИБЛИОСФЕРА

ЭСКИЗ ПО ПАМЯТИ

Скрещенье тройственных созвучий

Краткий экскурс в литжизнь 1960-х

Алла
Марченко

На подъездной двери московского моего обиталища увидела не так давно объявления. Куплю, мол, дорого (!) старые, советских времён предметы культурного обихода, включая коллекции памятных значков и собрание сочинений И.В. Сталина. Удивившись, пробегаясь по интернет-распродажам в надежде высмотреть вживе, а не глазами памяти единственно знакомую вещь, что за чем-то болтается и болтается в мемориальных моих авоськах. Да ещё и в трёх идентичных экземплярах. Различие лишь в сохранности составных частей. Прямоугольная карандашница, квадратная пепельница, пара кубиков-чернилниц — это у всех, а пресс-папье одно на троих. Искомое, увы, не обнаружилось. Зато обнаружился их вроде как дед или прадед. Дорогостоящий (65 тысяч руб.), задуманный как Дворец Письма Чернильный Прибор. Внушительный, целёхонкий, розовато-белый, в алых прожилках. Наверняка выпилен кустарём-одиночкой из обломков-остатков облицовочного мрамора. Короче, музейный «бренд» 30-х с торговой маркой «Серп и Молот»...

Я впервые притронулась и глазом, а ненароком и пальцем, к потемку уникального сооружения году, наверное, в 1961-м, ещё на Спартаковской, в кабинете главреда «Вопросов литературы» Виталия Михайловича Озерова, забирая первую отредактированную мной и подписанную им рукопись. Долго на том столе монумент письменности не застоялся. Озеров рукописи не мурзил, канцелярских цапек не выносил, но выбросить вроде бы стрёмно: казённый. Вот и сослал в литредакторский пенальчик. Пока здесь ютились мои друзья-товарищи (Дмитрий Николаев да Анатолий Кузнецов), мы там и секретничали, а то и кофейничали. Комнатуха была узко-длинной, с единственным на всю редакцию незанятым рабочим местом. Здесь-то и осел-прижился шедевр совдизайна, отвернувшись к окну, из которого круглогодично дуло. Впрочем, некоторое время спустя в «теоретическом» пенальчике обосновался Серго Ломинадзе, сын сталинского соратника Виссариона Ломинадзе. Выгородив угол, он перенёс в свой закут и беспризорный чернильный дворец. Кофепития сразу же прекратились. По причине необъяснимого (моего с ним!) разногласия по всем литпараграфам. Николаев, успевший с Ломинадзе впритык поконтактировать, напутственно убеждал: диалог, размена чувств и мыслей — не его жанр. Бывших наследных принцев Республики Советов не бывает. Как тебе с ним общаться? Держать дистанцию и не перечить. Ну, как Пушкин советовал: «Добро, воевода, / Возьми себе шубу. / Возьми себе шубу, / Да не было б шубу». Малые шумы меж нами и впрямь прекратились, но однажды мы

всё-таки расшумелись. Из-за Лермонтова. Точнее, из-за его юбилея. 100-летие (1814–1914) стёрла Первая мировая. Столетие смерти (1841–1941) — Вторая. И вот 1964-й. В ноябре 150-летие. Юбилей общий, а Лермонтовы у нас с Серго Виссарионовичем незнакомы разные. Мой: «Но угаси сей чудный пламень, / Всесожигающий костёр...» Его: «И царствует в душе какой-то холод тайный...» Мой: «Мне нужно действовать, я каждый день / Бессмертным сделать бы желал...» Его: «Печально я гляжу на наше поколение... В бездействии состарится оно...»

Вулкан, поколебавшись, взорвался. Пресс-папье поползло в мою сторону... Но я его всё-таки перехватила на самом краю столешницы. Поставила на место и кубики чернилниц. А юбилей всё едино замали. В октябре 1964-го «свергли» Хрущёва. Что вверху, что внизу — всё дыбором. Как, впрочем, и в следующие Лермонтовские даты. И в 1991-м, и в 2014-м.

О стеклянном свидетеле своего первого жизненного разномыслия я позабыла бы напрочь, когда бы случай не подбросил почти заповедь две рифмующиеся встречи с его двойниками. На одного вскорости напоролась не где-нибудь, а в ИМЛИ! При обсуждении второго издания сдаваемого в набор последнего тома уникального есенинского пятитомника (1961–1962), первого посмертного собрания сочинений поэта. Письменный монумент красовался-важничал на председателем месте, на котором в тот день высился Юрий Львович Прокушев. Не знаю, предвидел ли он уже и тогда блистательное своё будущее (главный редактор приснопамятного издательства «Современник» (1970–1979) и несменяемый «командарм» есенинского ополчения), но сидевшая напротив ЮП и рядом со мной аспирантка всерьёз опасалась за английские свои колготки. И не зря. Воспользовавшись отсутствием Корнелия Люциановича Зелинского, автора и издательского проекта, и вступительной статьи, он до того во гневе размахался руками, что на нас только чудом не рухнуло скопом всё монументальное громадьё письменного прибора. Мелочь, конечно, к тому же выпавшая из другого сюжета, но упоминаю о ней не между прочим, а для «тройственного созвучия», поскольку главная, по сказочному счёту, третья встреча с памятником «прекрасной эпохи» ещё впереди. Впрочем, неподалёку.

1967-й. В «ЛГ» чуть ли не весь январь зимние праздники. 1 января юбилейного года газета потолстела вдвое (!!!) и решительно распалась на две тетради. Второтетрадки, мобилизованные и призванные на борьбу с неустройствами общественно-экономического «без-Порядка», «пьют шампанское». Гуманитарщики в тайном миноре. Околотитурными скорodelками первую — фасадную — тетрадь не заполнишь. После процесса над Синявским и Даниэлем (1965–1966) литкарусель, хотя и изображает движение, свершений не обещает. Александра Борисовича Чаковского, пять лет как владельца сотен двух крепостных, благодушные подданных душ раздражает. Как и затянувшиеся торжества. Во весь голос чихвостит расслабившихся коллег. Ну и что? В своём праве. Когда б

не вкрадчивая Чак-энергия, так и остались бы многоумной услугой при издании «средней упитанности». А им хоть бы хны. Психическая атака, дескать. Если вздумает кого-нибудь тайно издать, артподготовки не будет. Телефонно, впрочем, активничают: авторский запасник расширять-таки надобно. Вот и меня то переманивают с пятого этажа на шестой, то заманивают выдвинутым на премию братьев Васильевых Василием Шукшиным. Поначалу отбрыкивалась. То немного, что опубликовано до 1967-го и в «Октябре», и в «Новом мире», и в «Смене», ни в какое сравнение с «Привычным делом» Белова не шло! Но Нина Подзорова в два голоса со Смоляницким всё-таки уговорили. Чак, мол, целую литгазетовскую пятилетку (с 1962-го) осто-

Может ли что-нибудь доброкачественное получиться из скрещивания прозы и кинематографа? Что? Мулу-подобный казус или жизнеспособный гибрид? Не только убедительного, но и гадательно-го ответа и через полвека всё-таки нет. Боюсь, что и вообще нет. Но той давней зимой...

Новоназначенный, шапочно знаковый по «Знамени» Соломон Смоляницкий — человек и обходительный, и добрый. Сообщать, что моего Шукшина Чак «зарубил», ему некомфортно. К тому же, кажется, и впрямь не догадывается, с какой стати при таком раскладе понадобилась «очная ставка» с неудачным автором. И в самом деле, какого чёрта?! Явились тютелька в тютельку, а четвёрть часа торчим как ходоки на пороге

Всегда в центре. Знаменитый писатель и славный редактор «ЛГ» А.Б. Чаковский (1913–1994). Неожиданный ракурс...

“
Байки про слабонервных сочинителей, каковых якобы отпавляли валерьянкой после показательных «издевательств» Чака, не служи, а жанр.
“

рожничал, не задевал «почвенников», опасаясь, как бы философическая тяжба не обернулась коридорно-коммунальной перебранкой (да ещё и с антисемитским подтекстом). Шукшин, по его разумению, та центростремительная фигура, что может объединить и все вкусы, и все позиции. Может быть, может быть... Но мне-то другое виделось. Меж нашей тогдашней малоформатной прозой и доморощенным кино-нео-соц-реализмом перекрёстное опыление, что в случае с Шукшиным и грубо, и зримо. Зримо, но непонятно: ломающий все барьеры личный его Фавор уникален или безличностно закономерен? Да и вообще...

огромного, якобы ещё по вкусу Симонова «оборудованного кабинета»? Смоляницкий откровенно закисает, я же — наоборот. Виталий Сырокомский, первый зам АБЧ, свои воспоминания о нём назовёт завлекательно — «Загадка патриарха», но при этом доведёт изображение почти до карикатуры: маленький, некрасивый, сутулый. Волосы забриолилены. Умная дочка многолетнего главреда «Знамени» Надежда Кожевникова вместо сырокомского грубоделия сделает элегантный портретный набросок: «Лощёный, барственный, от дорогих ботинок до сигары, свисающей с брезгливой губы». Обувка, кстати, и в мою фотопамять попала: «Он джентльмен! Посмотрите на его ботинки!» (из новой английской прозы, какую АБЧ публиковал в «Иностранке» в бытность её главредом в 1958–1962 гг). Да, стены облицованы породистым шпоном, но не под служебный апартамент советского министра печати, а как бы под командный офис совладельца Великобританской медиа-корпорации. Пока небольшой, но набирающей тиражи и влияние. Ассоциация, естественно, не по смежности, а по сходству и в проекции воспоминаний. В тот же январский день любопытство, интригуя, раздражали мелкие детали, а больше всего плохо различимый с моей, стоячей, «точки

ПРОЗА

Ещё раз про абрикос...

Prúnus armeníasa, или циранапох, он же абрикос

наблюдения» вроде как знакомый предмет. Переменив незаметно позу, а значит, и ракурс, на мгновение прозреваю. Несмотря на общекабинетный англо-манский антураж, на главном, с телефонами, длинном столе восседает-заседает не что иное, как второй двойник Стеклянного Письменного Дворца! Правда, поймать его в фокус затруднительно. Чаковский, мелькая, застит. Он жонглирует телефонами с ловкостью то ли фокусника, то ли теннисиста. Наконец звонки прекращаются. Смоляницкий получает свои огрехи, а я свою тят-ляп машинопись, точнее, идеальную её перепечатку. На финской бумаге и через два интервала, в которые вписан изменённый до неузнаваемости мой бывший текст. Почерк, разумеется, незнакомый, но об авторстве правщика догадываюсь... Догадываюсь, но поперёд бабки в пекло не лезу. Загламуренные нынче байки про слабонервных сочинителей, каковых якобы отпаивали вальерьянкой после показательных «издательств» Чака, не слухи, а жанр. Но и бабке недосуг лясы-балахы точить... Пока жонглировал телефонами, курительная его трубка закапризничала, и он неожиданно раздражённо стал приводить её в рабочее состояние. Ситуация, секунду назад стереотипная, сдвинулась, развернув в мою сторону дубликат старой знакомой — увесистый тёмно-зелёный квадрат стеклянной пепельницы. По прямому назначению ни сам АБЧ, ни его собеседники этой бандурой наверняка не пользуются. Здесь она вроде как нечто коллекционное, но при этом ещё и полезное: мусорница. Почувя, что аудиенция выходит на последнюю прямую, Смоляницкий вынимает себя из гостевого кресла. Но делает это так резко, что пепельница от него словно отворачивается, и меня тут же разбирает безудержный смех. Нет, нет, не нервический — самый что ни на есть натуральный. Загоняя мусорницу на место, я задеваю локтем микросветильник, и в круге света оказывается озадаченное лицо Чаковского, внезапно помолодевшее на десяток лет...

Зима 1957–1958 гг. То ли Ивану Фотиевичу Стаднюку, то ли Константину Ивановичу Поздневу, оба пока ещё начальствуют в «Советском воине», потребовался очерк о художнике Юрии Непринцеве. А я не то чтобы в Питер-командировку напросилась, я лишь недавнюю выставку ленинградцев в Манеже сдуру «жвалила»... И вот теперь, получив командировочные, мандражирую. Подруга внюкала и выручила. Добыла рабочие телефоны Трёх Граций — однокурсниц по журфаку ЛГУ. В отличие от подруги, Грации к ленинградскому ТВ притулились, так что поиски координат Непринцева изобретательности от меня не потребовали. Однокурсницы мигом всё выяснили да ещё и на новоселье зазвали. Там, мол, и пообщаемся. А то некогда, ой, некогда... Новоселье оказалось чисто питерским. Мать новосёлки, забрав старенькую свекровь, дочь отселила. Вместе с бабулей уехало с Васильевского острова на Охту и всё остальное, включая и старинную мебель. Впрочем, Грации не растерялись. Из ненужных на Охте картонных коробок с книгами и содержимого здешнего кухонного столика уют обустроили. Да и гости не одну снедь, но и стаканы прихватили. Под стаканы и разговорчики — обычный постуниверситетский застольный пинг-понг. Да ещё и в девичьем варианте. Я совсем было собралась сматываться, присоседившись к семейной паре, присланной родичами на помощь, но тут навзрыд затрезвонил дверной звонок... Три Грации ринулись в коридорчик, чтобы хором представить нового гостя: Александр Чаковский! Урождённый ленинградец. Наш козырной автор. А новосёлка, сияя, добавила: «Авторов много, а он Друг!» ■

Ашот Джазоян

На склоне живописной горы у деревни Бжни за каких-нибудь пять-шесть лет вырос целый дачный посёлок, защищённый неприступными скалами и остатками крепостной стены.

Гордостью всех его жителей был, конечно же, участок дяди Мукуча — не потому, что он был лучше или больше, а потому, что являл собой пример того, чего можно достичь любовью и кропотливым трудом.

Эти горные участки трудно назвать рабочей землёй — они сплошь завалены камнями самых разнообразных форм и размеров. Выйдя на пенсию, дядя Мукуч целиком посвятил себя этому кряжистому клочку земли: день за днём он тщательно очищал участок от камней, которые обрабатывал сам, заложив фундамент будущего дома, из обтёсанных же начал возводить стены. Он любил повторять самому себе: «Лучшее мясо — что на костях, а травы — те, что на камнях».

Бог с ними, с травами... Какой же участок без деревьев? И дядя Мукуч решил посадить абрикосовое дерево. Почему именно абрикосовое? Он и сам толком не знал. Может, потому, что однажды он услышал песню о том, как из брошенной в землю абрикосовой косточки прорастёт до самого неба абрикосовое дерево.

Он посадил в каменную землю саженец и затем, вглядываясь в вершину скалистой горы, туда, где парит старинная церковь Астватцацин, посвящённая Богородице, что-то шептал. Каждый день он неоднократно подходил к своему набравшему силы саженцу, поглаживал его корявый ствол, протягивающий к солнцу неказистые ветки, похожие на старческие жилистые руки самого Мукуча. Он, казалось, слышал ту песню об абрикосовом дереве, возросшем до небес, когда-то робко, на ощупь сыгранную на дудке как бы маленьким ребёнком.

Долго и упорно ухаживал он за саженцем. Бывало даже, сходит к источнику, принесёт минеральной воды, польёт — мало ли, вдруг поможет. Деревце, вбирая в себя пот труженика и воду горной реки, росло на глазах, радуясь солнцу, весне и ласковому ветру. И казалось, оно в свой черёд оберегало Мукуча от хворей и дурных мыслей.

ТРЕТИЙ ВЕК С ЧИТАТЕЛЯМИ

Под председательством главы попечительского совета «ЛГ» Вячеслава Копьёва прошло его очередное заседание. В год 190-летнего юбилея оно было посвящено стратегическому развитию старейшего российского культурологического издания, поиску новых партнёров и инвесторов, совершенствованию контента, активизации обратной связи с читателями, обсуждению новых проектов и направлений.

В состав попечительского совета также входят генеральный директор ПАО МАК «Вымпел» Сергей Боев, директор по связям и коммуникациям ПАО «СУЭК» Сергей Григорьев, депутат Государственной думы РФ, зам. председателя Комитета по образованию и науке, председатель Российского общества «Знание» Любовь Духанина, адвокат

Абрикос — большая редкость в этих краях. «Он любит жаркое, беспощадное солнце, — говорили Мукучу сельчане. — А у нас кругом горы. Наше солнце не прогревает деревья. Вряд ли зацветёт твой абрикос».

Но дядя Мукуч не слушал всеведущих сельчан:

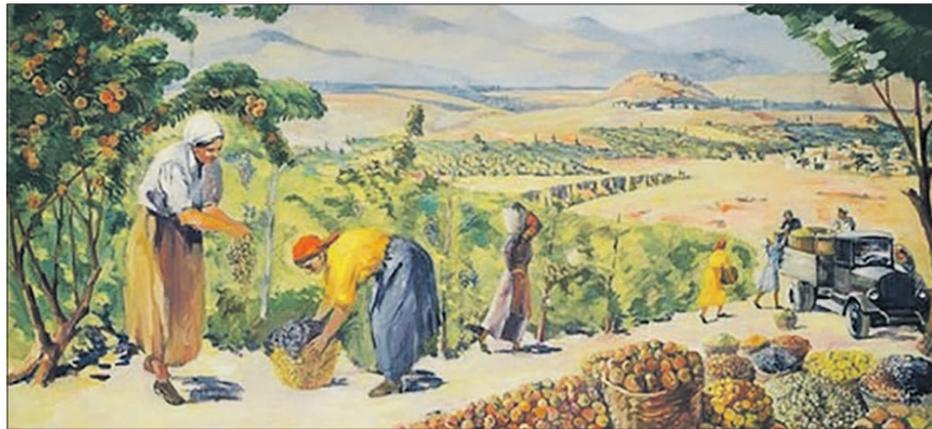
— У меня будет самый лучший абрикос в Армении. Нет на свете ничего краше абрикосового дерева в весеннем цвету. Вот ты посмотришь на него, и тебе захочется жить вечно, жить и радоваться жизни, любить людей, всем делать добро и чтобы вся земля покрылась такой же белой кипенью...

Сельчане и дачники, улыбаясь, качали головами:

— Далось тебе это дерево! На рынке полным-полно абрикосов из Араратской долины.

— Да, но абрикосы в этом году страсть какие дорогие, а тут свои, — вставила жена Вазгена, соседа по даче.

Саженец не слышал этих разговоров, а если и слышал, то делал вид, что не понимает. У него уже появились первые

Мартiros Сарьян. Сбор урожая, 1940 год

маленькие листики, которые издавали сладкий аромат, и даже почки. Радости дяди Мукуча не было предела. Теперь уже и внучата бегали по утрам смотреть на почку, которая разбухла с каждым днём.

Соседи уже не судачили о дяде Мукуче, а гордились им, как гордились своей горой: пусть земля наша каменистая, зато плодоносит.

В один прекрасный день почка, отринув уже ненужную шелуху, стала красивым нежным цветком. Дяде Мукучу казалось, что запах его разносится по всему участку.

Все с нетерпением ждали, когда же появится наконец плод. Он родился как-то неожиданно, маленький, зеленоватый, величиной с горошину. Постепенно, наливаясь желтизной горного солнца, он принимал форму армянского абрикоса.

Дядя Мукуч останавливал чуть ли не каждого прохожего и рассказывал,

рассказывал, рассказывал ему про свой абрикос — единственный на каменистой горе.

Приближался долгожданный день, когда дядя Мукуч должен был сорвать выращенный им абрикос. Но он всё откладывал этот день, ходил вокруг дерева и сам себя уговаривал: «Рано ещё, пусть дозревает, пусть ещё немного на солнце понежится. Вот приедут в воскресенье внуки — тогда и сорву».

В воскресенье я зашёл к дяде Мукучу. Понурился он сидел на земле под абрикосовым деревом.

— Здравствуйте, дядя Мукуч! Как ваш абрикос?

— Нет абрикоса, — потерянным голосом ответил он, — сорвали абрикос... Встал я сегодня утром, смотрю: нет абрикоса... Нет абрикоса, — повторил он, хмуро глядя в землю.

— Чего горюешь, Мукуч? — окликнул его сосед.

— Кто-то сорвал вчера абрикос, — ответил вместо него я.

— Ну что ты, Мукуч, горюешь из-за одного абрикоса, ну съел его мой Аль-

бертик. Подумаешь, один несчастный абрикос, — презрительно сказала жена Вазгена. — На рынке их навалом, мы тебе целую кучу абрикосов дадим за одну штуку.

И с этими словами она направилась в сарай, приволокла огромную корзину, битком набитую абрикосами, и опрокинула её.

Крупные жёлтые абрикосы, вобравшие тепло и щедрость армянского солнца, — плоды трудолюбивых, но чужих рук — покатились по наклону участка дяди Мукуча.

И тут он, видимо, вспомнил, что только из корней особенного абрикосового дерева можно вырезать дудку с тёплым дрожащим волшебным звуком.

— Надеюсь, косточка его горчила, — сказал он, не поднимая взор на подошедшего к нему притихшего Альбертика. И пошёл за лопатой. ■

дислав Кононов, председатель Комитета Совета Федерации по международным делам Константин Косачёв, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Русской православной церкви с обществом и СМИ Владимир Легойда, начальник Департамента корпоративных коммуникаций ОАО «РЖД» Максим Лунёв, ректор ВГИК имени С.А. Герасимова Владимир Малышев, вице-президент Российского Совета по международным делам Михаил Маргелов, президент издательской группы «Эксмо-АСТ» Олег Новиков, заместитель генерального директора по стратегическому развитию ПАО «Татнефть» Нурислам Субаев. ■

8 БИБЛИОСФЕРА

ПРОЧИТАЕМ С РОМАНОМ СЕНЧИНЫМ

В мире здешнем и нездешнем

Александр Иудин. Свет знобящий: Роман, рассказы.

– Н. Новгород: Литера, 2020.

– 288 с.

Поначалу кажется, что роман Александра Иудина – это очередное приключение так называемого попаданца в другом времени или другом измерении.

Главный герой по имени Елисей (не такое уж и редкое нынче) и по прозвищу Рыжий едет в электричке за грибами. К нему пристают хулиганы, отбирают деньги, мобильник, складной нож... Их что-то отвлекает, они уходят в другой вагон, но обещают вернуться и разобраться с Рыжим всерьёз. Тот выпрыгивает из электрички и...

«Жаль, рельсы не блестели – луна висела у него за плечом, а не светила навстречу. Рыжий оглянулся: позади рельсы тоже не блестели. Луна слабая, рельсы ржавые... Как же они ржавые, если по ним ходят поезда?»

В общем, герой оказывается в мире, который потрясла некая катастрофа. Дома стоят в запустении, машины сожжены, нацелевших ездят рейдеры, которые готовы убить за полмешка картошки, фонарик или канистру бензина.

Но есть и те, кто живут праведно (обитатели становой, к которым попадает Рыжий), сведя свои потребности почти к нулю: им не нужны жилища, мало-мальский комфорт, некоторым даже еда. И на протяжении двухсот страниц мы вместе с главным героем пытаемся понять, что произошло, кто эти люди.

Наверняка автор мог бы написать остросюжетный роман. И есть моменты, когда возникает то увлечение, какое испытываешь, читая или смотря хоррор. Но задача у Александра Иудина была явно другая – он попытался написать философский роман.

По сути, почти всё повествование – это диалоги Рыжего и обитателей становой (старое кострище и лёжки вокруг), их рассказы о том, как они сюда попали. Много иносказательности, загадок, намёков. Люди изъясняются туманно, кроме Илии, которого называют Илия. (Почти все оказавшиеся здесь меняют имена.)

Илия попал сюда за компанию с женой, Надеждой. Та почувствовала некий зов и решила отказаться не только от пищи, но и на несколько дней – пока не услышит некое разрешение – от воды. Глава «Илия», пожалуй, самая интересная и содержательная в романе.

Илья-Илия в той жизни – мелкий, но удачливый бизнесмен. Его всё устраивает. Но вот жена начинает чудить, и он, как любящий муж, поддерживает её, старается понять. Описание сухого голодания Надежды, поведение и мысли Илии очень реалистичны, достоверны, я бы даже употребил слово «пронзительны»... В итоге Надежда говорит мужу, что ей нужно идти. Куда, зачем – объяснить не может или не хочет. Но ей необходимо уйти из города. Илья решает следовать за ней.

Едут, потом бросают машину, перебираются через речку. Илья срывается с доски в воду... Уже осень, пробрасывает снежок. Они разводят костёр, дремлют. А утром Илья видит:

«Со своего берега я отчётливо разглядел машину – то, что от неё осталось. Чёрный, сквозящий на просвет кузов с выгоревшим салоном, без дверей и стёкол, голые диски без резины,

”
*За рубежом поэзия
 давно стала занятием
 филологов, рифма
 считается чем-то
 старомодным, смешным,
 она там для песен. У нас
 рифма по-прежнему
 уважаема.*
 “

искорёженная задранная крышка багажника. Капот был сорван и валялся поодаль. <...> И чем пристальнее я всматривался, тем неотступнее пробивалась в сознание нелепая догадка. Это случилось не минувшей ночью. Это случилось давно.

Так давно, что колёсные диски на треть погрузились в землю, а на выгоревших участках вокруг черноголового остова успела не раз прорасти трава. Несколько сухих стеблей вцепились и в тонкий слой земли, скопившийся в углублении сорванного капота, и даже отсюда я различал на металле разводы ржавчины».

Что именно случилось, мы так и не узнаем. Но события последних месяцев показали нам, как хрупка наша цивилизация, как из-за вроде бы пустяка она может сойти с ума, рассыпаться, погубить себя. Нечто подобное наверняка случилось с ней в романе Александра Иудина.

Технологию перемещения в иное время он нам подробно не объясняет. Одни люди оказываются в критической ситуации (выпрыгивают из электрички, тонут в болоте, оказываются заваленными землёй), другие, избранные некоей силой, идут в определённую точку. И оказываются в одичавшем мире будущего. И то ли пытаются создать новую цивилизацию, без всех тех пресловутых благ, которые вроде бы облегчают жизнь, а на самом деле ведут к разрушению, то ли перед окончательной смертью наблюдают то, что произойдёт через десять-пятнадцать лет. (Здесь автор не прописал очень важную подробность, а может, я недопетрил.)

Рыжему удаётся выбраться, вернуться – он оказывается в новой критической ситуации, на грани жизни и смерти, и приходит в себя здесь, в нашем сегодняшнем мире. Но, как и немалую часть тех, кто пережил клиническую смерть, его мучает тоска, и он уходит от нас, прихватив девушку, с которой успел сдружиться.

жаема. И это хорошо: по-моему, высшие силы говорят с нами при помощи рифм, когда хотят сказать о важном.

Да, поэтов много и, может быть, потому мы их не носим на руках, да и попросту почти не замечаем. Читателей стихов у нас наперечёт.

Вот живёт в Соликамске молодой (пока ещё) парень Михаил Куимов. Работает где-то в далёкой от литературы сфере – я время от времени слышу, что он снова «на вахте», «на Севере». Да и в его книге есть раздел «Колымские стихи», и там такое восьмистишие: «Кривой сарай, развалины теплицы, / Разбитая «копейка» цвета «ржа» – / Пространство раскололось на крупицы / В стихийной истерии надежда. / Безглазая усталость долгостроя, / Раскисшие улыбки проводов – / Всё это больше ничего не стоит, / А стоило убийственных трудов».

Конечно, можно сказать, что строка «В стихийной истерии надежда» необязательная, неточная, но «Раскисшие улыбки проводов», по моему мнению, восполняют недочёты, многократно перекрывают их. И в целом стихотворение потрясающее. Не увидев этот пейзаж своими глазами, так не напишешь.

С Михаилом Куимовым лично я почти незнаком – года три назад в одной компании вместе походили по Соликамску. Не знаю, да и не хочу знать его биографию, его университеты (даже в интернет не полез). Может быть, он занимался в литературной студии, может быть, учился в Литературном институте или ездил на творческие семинары или Форум молодых писателей «Липки», а может, и нет.

Устойчиво утверждение, что научить писать нельзя. Отчасти это правда – человека, не имеющего способностей, можно адресировать, но это будет проза или стихи именно адресированного литератора. А вот помочь обладающему способностями или даже талантом, даром их развить – вполне возможно. Примеров сколько угодно. Да, по сути, каждый писатель пример. Все у кого-то учились, и чаще всего лично. Пушкин у Жуковского, Гоголь у Пушкина и так далее.

Михаил Куимов от природы очень талантлив. По его книге рассыпаны крупицы поэтического золота. Но не меньше и мусора, который он наверняка видит, но не умеет убрать, выскрести из своих стихотворений.

Закончу тем, что мне в «Хребте» понравилось больше всего. Но и оно, как мне кажется, не избавлено от досадных соринков в виде «создают в подъезде шум», «забыл порядок нот». Впрочем, я могу ошибаться...

*Я часто говорю с тобою грубо,
 Но не со зла. Прости меня, прошу.
 Стучат дожди*

*по водосточным трубам,
 Соседи создают в подъезде шум.*

*Собаки во дворе ночами лают,
 Гудят машины и дымит завод.
 Я ничего совсем не успеваю
 И, кажется, забыл порядок нот.*

*Не помнится, чего же мне хотелось.
 Я плохо спал и видел через сон:
 Проснулась муза, встала и оделась
 В шатёрский соляной комбинезон.*

*Шмыгнула носом и ушла бесследно,
 Оставив на столе свои ключи.
 Мир потускнел.*

*Мир абсолютно бледный.
 Не говори ни слова мне. Молчи. ■*

В романе много тех штрихов, из которых состоит настоящая художественная проза. Читая, я то и дело отмечал эти штрихи, эти яркие мазки живописца. Например: «Временами угадывались голоса, тихие, как дыхание», «Её воспалённые глаза повлажнели, но влаги на слёзы не хватало», «Вдали временами погромыхивало, раз или два начинал шуршать дождь и замирал в кронах, не достигнув земли», «Илия умолк, то ли собираясь с мыслями, то ли наткнувшись на какую-то незнакомую».

Но редактора не хватает. Умного, со слухом, доброжелательного. Кое-где нужна была подсказка в плане сюжета, в построении предложения, поиске синонимов. Жаль, что такого человека в издательстве не нашлось (по крайней мере, редактор в выходных данных не значится).

Три рассказа не являются довеском к роману – они роман дополняют. В них тоже есть доля мистики, некоторая ирреальность, но почти реальная. Особенно отмечу рассказ «...И тень моя устанет...».

О поэтах прозаикам писать трудно. Это люди разных полюсов. Не знаю, насколько к стихотворчеству причастен сам Александр Иудин (в сноске указано, что в рассказе использованы стихи Олега Рябова), но показать поэта ему удалось отлично. Поэта и в так называемом быту, и в минуты творчества. Вернее, двух поэтов, которые слышат одни и те же строки, но один способен разобрать этот шёпот, а другой улавливает лишь обрывки.

Найдите и прочитайте эту вещь. Не пожалеете. Если бы мне предложили собрать антологию современного рассказа, то «...И тень моя устанет...» я бы включил в неё обязательно.

Михаил Куимов. Хребет.

– Пермь: Арт Модерн, 2019. – 106 с.

В России очень много поэтов – именно поэтов, а не только тех, кто занимается сочинением стихов. За рубежом поэзия давно стала занятием филологов, рифма считается чем-то старомодным, смешным, она там для песен. У нас рифма по-прежнему (несмотря на обилие верлибров и белых стихов, или «прозы в столбик») ува-

ОБЪЕКТИВ

Стрелы справедливости

Юрий Баранов.
Жёлтая роза:
Литературный альманах.

– М.: Издательство «У Никитских ворот», 2020.

– 524 с.

Людам, далёким от литературного процесса, может показаться, что для критика выход новой книги современного писателя – очередная головная боль: надо читать, анализировать, откликаться. Признаться, порой так оно и происходит, но далеко не всегда. Особенно если новинка выходит из-под пера человека, близкого тебе по духу, взглядам, мироощущению. В этом случае испытываешь искреннюю радость от того, что живущий рядом с тобой не стоит на месте, а движется вперёд, развивается, в каком бы возрасте он ни находился.

Книги Юрия Баранова как раз из этой категории. Человек он степенного возраста, когда пора бы на покой, почитать на лаврах. Но дело в том, что в прежние времена особые лавров ему не досталось: гремели иные имена, раскручивались знаменитости, не всегда достойные громкой славы. Ю. Баранов не такой: по натуре своей он человек скромный, деликатный, но когда знакомишься с его сочинениями, поражает то, насколько крепок нравственный и гражданственный

стержень, заключённый в его личности.

Альманах «Жёлтая роза» вполне соответствует жанровому обозначению: в нём автор собрал разнообразную прозу, в том числе и мемуарную, лирические стихотворения, литературные разборы с классиками и современниками, полемические статьи о писателях прошлого и настоящего, переводы...

Взгляд Баранова на писателей зачастую очень строг и нелицеприятен. Зорким оком из-под наспуленных бровей он вылавливает поступки членов литературного сообщества, которые порой далеки от нравственного императива. Тон его рассуждений спокоен, он не бросает обвинений легковесных или сделанных в запальчивости, но не проходит мимо моральных изъянов. Официальное, академическое литературоведение часто прощает именитому автору то или иное прегрешение: ну что, мол, тут поделаешь – время такое было... Но при чём тут время? Времена меняются и проходят, а недостойное поведение и этическая глухота, по закону сохранения энергии, никуда не исчезают.

Может создаться впечатление, что для Баранова не существует общепризнанных авторитетов. От него на орехи достаётся Багрицкому, Иртеньеву, Зенкевичу, Маршаку, Лиле Брик, Светлову, Солженицыну, Франсуазе Саган, Мариэтте Чудаковой, Ларисе Рубальской... Ну как пройти мимо навязчивой популярности поэтессы-песенницы!

*Стучала в окна мёрзлая листва,
Как будто Мендельсона исполняла;*

*Легло четыре пуда колдовства
Ко мне под ватный трепет одеяла...*

А также – страшно вымолвить! – даже и Ахматовой, и Гиппиус, и Набокову, и Ленину, и – о, ужас! – самому Льву Толстому!

*Разошёлся придурок из Ясной Поляны;
Якоря оборвав, неизвестно с чего,
Призывает царя отозваться гуманно
На убийство отца, не казнить никого...*

Согласитесь, такой взгляд на признанного классика, способен покорибить тех, кто привык судить о гигантах мысли по учебникам и хрестоматиям.

Сторонник привычных представлений об истории словесности возразит: «Да что этот Баранов так ерепенится? Кто он такой? Моська тоже лаяла на слона!..» Но Баранов никогда не голословен, а подкрепляет свою точку зрения смоделированной ситуацией: предположим, что Толстой дожил до Гражданской войны и к нему в усадьбу заявились новые хозяева жизни. Как бы он запел? Вышел встречать гостей с хлебом-солью? Как аукнулось бы «матерому человечеству» его прекраснородное учение о непротивлении злу насилем?

Можно ли спорить с такой точкой зрения? Конечно, спорьте, но вначале предъявите свои аргументы. А у Баранова их предостаточно. И с его логикой трудно спорить. Отталкиваясь от знаменитых слов Джона Донна про поминальный колокол, он с горькой улыбкой возражает:

*Донн, донн, донн, донн...
Врёшь, врешь, врешь... Джон.*

*Сколько раз по русским колокол звонил –
Даже бровью англосакс не поводил.*

К англичанам, впрочем, у поэта особый счёт. Когда-то он писал о невежественной профессорше с Туманного Альбиона: «Крокодил, и зубы, как у мерины...» – и теперь начинает свою отповедь лордам с суворовских слов «Англичанка гадит...». А что, недостаточно подтверждений этому мы видим сегодня?

Может показаться, что идеологический вектор сочинений Юрия Баранова имеет антисоветскую окраску, но это не так. Его стрелы направлены не против вселенской мечты о справедливости, а против тех злоупотреблений и перегибов, которых было немало на пути к «светлому будущему».

Не стоит, однако, думать, что такой мизантропический взгляд застит весь кругозор Ю. Баранова. У него всегда найдётся душевное словечко о Пушкине, Чехове, Блоке, Есенине, Шолохове, и об Александре Вертинском. О тех, чьё творческое поведение не запятнано нелюбовью к России.

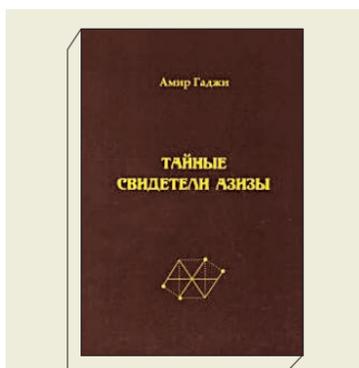
Ну а душевное успокоение поэт находит всё в том же лирическом потоке, который возвращает его к родным пенатам:

*В этом счастья даже слишком много,
От его избытка чуть дурной:
В тёплый дождь идти лесной дорогой,
Одному – заброшенной дорогой,
Но к тебе, любимая. Домой.*

Пожелаем ему не сбиться с этого пути. Да он и не собьётся!

Сергей Казначеев

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Амир Гаджи.
Тайные свидетели Азизы.
– М.: Т8, 2020.

Появление в 2019 году в издательстве Интернационального союза писателей первой части («Библиотекарь») исторической эпопеи Амира Гаджи «Тайные свидетели Азизы» стало настоящим событием в культурной жизни России. А недавно увидела свет вторая часть – «Адель». В наше время фантазиями на тему альтернативной истории никого не удивишь. Но произведение Амира Гаджи, балансирующее на грани между вымыслом и реальностью, создаёт особый, уникальный мир.

Своими впечатлениями от прочтения книги поделились известные современные литераторы Саша Соколов и Юз Алешковский.

Фантастическая история всего

Саша Соколов:

– Известно ли вам, как греческий принц Георг спас цесаревича Николая от меча самурайского экстремиста? А чем, между прочим, китайские палочки куайцзы отличаются от японских палочек хаси?

А в каком из венских кафе как-то раз повстречались Иосиф Виссарионович и Адольф Алоизович? А какое пиво они заказали? Какие сосиски? В смысле свиные или говяжьи? Не с квашеной ли капустой? Кто, кстати сказать, посоветовал Сталину использовать в своих мистических ритуалах череп Гитлера? Неужели Гурджиев?

А сколько миллиардов разумных жили на данной планете с начала времён? А какой русский гений учил актёрскому мастерству Юла Бриннера, Грегори Пека и Мэрилин Монро? А в какой державе принято менять обувь после посещения туалета?

А вы обратили внимание, каким успехом пользуется у нас игра в бабки? А кто, если вдуматься, пристрастил нашу публику к этой древней забаве? Не войны ли Чингисхана?

А имеете ли вы понятие, как совершить обряд харакири? И способны ли вы – да, именно

вы! – на такой поступок? Молчите? Вы, кажется, недостаточно доблестны, друг мой?

А знаете, как одним ударом указательного пальца устранить несносного лиходея, при всём, разумеется, к нему сострадании, которое Достоевский считал высшей формой человеческого бытия? И если на то пошло, то случилось ли вам свидетельствовать, как зрчки умирающего Homo sapiens обретают форму зрчков Felis catus?

А как называют науку об освобождении наших скрытых возможностей? Суггестология?

А вот кто, рассуждая начистоту, те злостные элементы, те мерзкие монстры, что неким келейным образом запустили процесс деградации социума, в результате чего наблюдаем глобальный упадок морали и нравственности, образования и рождаемости?

А какого рода утехам предавался граф Лев Николаевич в свои последние годы, когда разочаровался во всём остальном?

А вдомёк ли вам, что все мы, включая тех, что отнюдь не твари дрожащие, непрестанно шлём в космос вибрацию, свойственную только нам лич-

но, и некоторые специалисты в области запредельного способны её уловить и расшифровать?

А в курсе ли вы, что в трепангах в тысячу раз больше железа и меди, чем в рыбе, что теорию относительности изобрёл не Эйнштейн, а его коллега Пуанкаре, что Вселенная питается энергией человеческих эмоций, меж тем как реальный мир есть не более чем проявление нашего сознания и смерть на поверку оказывается чистой фикцией, бабушкиной побасёнкой, страшилкой для малолеток?

Короче, разве не замечательно, что все вышепредложенные и множество других вопросов и тем затрагиваются и получают развитие в пространстве одного и того же произведения? Понятно, что это роман, но какого рода, какого вида? Может быть, совершенно осязаемый? Прикинем: роман ли это любовный? Шпионский? Роман воспитания? Исторический? Авантюрный? Психологический? Философский? Роман фантастический? Политический? Да полноте, стоит ли попусту растекаться, судить да рыдять? Не проще ли осознать очевидное, явное: что книге Амира Гаджи присущи и в ней гармонически сочетаются,

мастерски сплетены черты всех названных плюс неназванных видов этого неувыдающего жанра? И не стоит ли здесь отметить, что «Свидетели Азизы» – вещь удивительно многоплановая и полифоничная? Не говоря о том, а вернее, как раз говоря, утверждая, что это роман познания, понимания сути вещей и событий, роман многоведения, многоумения, причём такой, который, только начав читать, хочется читать безотлагательно, а только закончив, неймётся перечитать; редкий случай, не правда ли?

Юз Алешковский:

– Уверен, что это редчайшее по жанру Сочинение Амира Гаджи – лучшая, главное, разнообразно жизнеподобная, содержательная, крайне занимательно развёрнутая иллюстрация истории России, похожая на огромный, в рамках времени, пазл.

Добавлю, постранично, выемочку в выемочку, его собирать в гигантскую картину – дело трудоёмкое, но чертовски азартное и не менее полезное для ума и души, чем одоление многотомных исследований историков. ■

Свинец плакучий облаков

Ирина Силецкая

Поэт, прозаик, певица, заслуженная артистка РФ, композитор, художник, кандидат социологических наук, врач. Член СП России, Калининградского отделения ПЕН-клуба, Евразийского художественного союза. Председатель правления

Европейского конгресса литераторов. Редактор альманаха «ЛитЭра», организатор двадцати фестивалей «Славянские традиции». Окончила Хабаровский государственный медицинский институт, аспирантуру Современной Гуманитарной Академии, Институт современного искусства и Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Владимира Кострова). Автор двенадцати поэтических книг и двух сборников прозы. Лауреат литературных премий им. А.С. Грибоедова, им. В. Маяковского, им. М. Матусовского, им. Ю. Каплана, В. Даля, «Славянские традиции», «Пражская муза». Автор трёх музыкальных дисков и множества видеоклипов.

Жить каждый день

Привыкнет кот к другим коленям,
В квартире сменяют интерьер.
Табличку на двери заменят.
Преодолев тоски барьер,
Жизнь потечёт, заплещет снова —
Улыбки, взгляды и слова...

Не ново в мире всё, не ново,
Жизнь будет и до нас была.

Жить каждый день —
как день последний,

Любить, страдать, творить, дерзать.
Пусть звук трубы звучит победно,
Идёт вперёд золотая рать.
Прекрасна жизнь глубоким смыслом
И таинством своих основ.
Никак не станешь атеистом,
Жизнь — сон, прекраснейший из снов.

Цветут сады, щебечут птицы,
И ветер треплет облака,
И сердце бьётся под рубахой,
И мы сильны ещё пока,
Полны идей и ценим время,
Мы к цели выступим в поход.
Эй, на коня, и ногу в стремя,
И только вверх, и лишь вперёд!

Неощутимый мир

Отдам нелепый мир вещей
За тайный трепет подсознанья,
За мир взаимопониманья,
За взлёты мыслей и идей,
За быстрый взгляд глаза в глаза,
За проникающие раны,
За то, о чём нельзя сказать
Словами... Только мыслей рваных

По небу мчатся облака,
Сгущаются в свинец плакучий...
Чтобы с собою совладать,
Нет лучше способа, чем в тучу —

С разбега, в этот серый дым,
В липучую седую влажность,
Остаться вечно молодым,
Ушедшим в никуда однажды...

Стремлюсь туда, где нет вещей,
Где подсознанья ткуются нити,
Где ямб, и дактиль, и хорей
Одною мыслью перевиты,
Где правит миром не вещизм
(Борьба с материей — не ново),
Где вера наша — поэтизм,
Где председательствует слово!

Поэты-дети там живут.
Зачем им институты власти?
Они чужого не возьмут,
Известно им — не в этом счастье!
Неосязаем этот мир,
Тонки надстройки и ранимы,
Неощутим мираж, эфир,
Как и пути к нему незримы.

Поздравляем Ирину Силецкую с юбилеем!
Желаем счастья, благополучия и новых строк!

Оборвана старая плёнка

Александр Клиндухов

Родился в 1956 году в рабочем посёлке Калинино Горьковской области. С 1957 года живёт в городе Кирове (Вятке). В 1978 году окончил Кировский политехнический институт. Работал на металлургическом заводе. Автор пяти книг стихотворений и пове-

сти «В Петропавловске-Камчатском полночь». Произведения публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Смена», «Нижегородская провинция», «Луч», «Нижний Новгород», «Подъём», «Сибирь», «Сура», «День и ночь», «Нива». Член Союза писателей России.

Закат

Под вечер краснеет округа:
Берёзы, наш дом, мезонин,
Трава на заброшенном луге
И всё, что чернело за ним:

Ручей в одинокой лощине,
В колоде журчащий родник,
И тропка в засохшей малине,
Что к речке ведёт напрямик...

Такое лишь может присниться.
От счастья застыл у ворот.
Зачем же так жалобно птица
В лесу одиноко поёт.

Села сорока на ель и качается,
Будто ей всё нипочём,
Будто и жизнь никогда не кончается —
Бьёт своим вечным ключом.
Только завидовать вроде бы нечему:

Тоже, наверно, тоска
Так вот сидеть и качаться на веточке
Ели на крае леска.

Тихо бежит родниковая чистая
Струйкою тонкой вода,
И распознать ту великую истину
Мне не дано никогда.

Антоновка, белый налив

Пусть мне это с детства знакомо,
Но ноет, как свежий нарыв:
Две яблони старых у дома —
Антоновка, белый налив.

И дверь между ними, и тропка.
Я, маленький, в сером пальто...
Оборвана старая плёнка —
Не выйдет из дома никто.

Страницы последнего тома
Закроются, дверь растворив,
Родители выйдут из дома...
Антоновка, белый налив.

Заморозки

Покрывается крапива инеем,
Как будто великим именем
Покрыты грехи...
И корочка льда колышется,
Как ветхая кроха-крышица,
Над миром реки.

А на бесконечной просеке
Застыли причуды осени,
И сердцем замрешь,
Когда лист краями колкими
Воткнётся в ладонь иголками,
Как пойманный ёж.

Хлеб да соль, тишина, разнотравье,
Сенокос, костерочек, река,
И стакан ходит-бродит за здоровьем,
Что в глазах мельтешат берега.

Не пьяны мы, а просто устали.
Уработались... Вечер какой!
Расплываются сонные дали
За уснувшей русской рекой.

Словно идолы, встав на колени,
Замираем, и только видны
Волны в пятнышках, словно олени,
Мельтешащие в свете луны.

Солнце садится на берег реки,
Село за ивами — и не видать.
Удочки как продолженье руки —
Парни пытаются щуку поймать.

После работы устать бы должны:
Ужин сварганить, поесть бы да спать,
Только упорно, забывши про сны,
Парни пытаются щуку поймать.

Над головами висят комары:
Сил больше нет, чтобы их отгонять.
Но остальные все рыбы малы —
Парни пытаются щуку поймать!

Вновь уезжаем, лишившись ухи.
Рыбы остались в реке ночевать.
Ночью приснился нам берег реки —
Парни пытаются щуку поймать.

Ночь в мезонине один коротаю,
Ниткой суровой робу лагаю,
А за окном, словно дыня крупна,
Спелая соком исходит луна.

С детства меня все пугали луной
И говорили, что свет, мол, дурной,
Шторы задергивай, спи, а то вдурно
Ты попадёшься плутовке на крюк.

Только сегодня я, ночь коротая,
Через окошко с луною болтаю
И не боюсь, потому что меня
Держит суровая нитка моя.

ЛИТИНФОРМБЮРО

Литюбилей

Исполнилось 70 лет Бахыту Кенжееву — поэту, одному из учредителей литературной группы «Московское время». Его первая книга вышла в 1984 году в Америке.

Автор многих сборников стихотворений, в том числе «Снятая под утро», «Сочинитель звёзд», «Послания», а также романов. Лауреат «Антибукера» и «Русской премии», премий журналов «Октябрь», «Новый мир», «Знамя», «Дети Ра» и других наград.

Член Русского ПЕН-центра.

Произведения переведены на казахский, английский, французский, немецкий, испанский, голландский, итальянский, украинский, китайский, и шведский языки.

«ЛГ» поздравляет Бахыта Кенжеева с юбилеем. Крепкого здоровья, энергии, сил и неиссякаемого вдохновения!

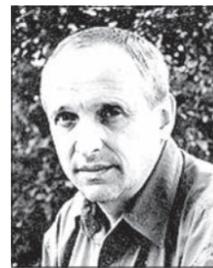
Литфакт

Приказом Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в соответствии с решением Правительства РФ учреждены ведомственные награды. Их наличие — основание для получения в будущем статуса «Ветеран труда». «Мы рады, что можем отблагодарить коллег за хорошую работу. В отраслях, входящих в сферу деятельности агентства, работает около 1 млн человек. В традициях нашей страны отмечать напряжённый труд моральным поощрением со стороны государства наряду с материальным стимулированием», — отметил руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаил Сеславинский.

Литутраты

На 58-м году жизни скончался прозаик и сценарист, член ПЕН-центра Игорь Яркевич. Автор трёх романов и более 80 рассказов. С 2006 года вёл открытый сетевой дневник о культуре, политике, экономике, общественной жизни в России и мире. За «новые типы прозаического мышления, стиля и языка» удостоился премии «Нонконформизм».

На 68-м году жизни скончался писатель Владислав Васильевич Трефилов. Уроженец Оренбуржья после окончания областного пединститута преподавал в школе, работал журналистом, писал стихи, был членом ЛИТО. В начале 80-х переехал в Калугу, где позже возглавил издательство «Золотая аллея». Оно выпустило произведения местных авторов, высококачественную краеведческую литературу, например книги о Полотняном заводе, о К.Э. Циолковском... В. Трефилов не терял связи с оренбургскими писателями — их книги выходили в «Золотой аллее». Поэт, прозаик, краевед за литературное творчество и издательскую деятельность удостоен Всероссийских премий «Отчий дом» им. братьев И.В. и П.В. Киреевских и «Капитанская дочка», а также других наград.

После продолжительной болезни скончалась Евгения Борисовна Жмурко — основатель и главный редактор журнала «Зарубежные задворки» (Германия).

«ЛГ» выражает соболезнования родным и близким ушедших.

Луна ныряет под корягу

«ЛГ» поддерживает литературный конкурс имени С.Н. Сергеева-Ценского. Предлагаем вашему вниманию произведения лауреатов за 2019 год в номинации «Поэзия».

Светлана Пешкова

1-е место

Член Союза писателей России, руководитель Липецкого регионального отделения Совета молодых литераторов при СП России. Автор двух книг стихов. Лауреат литературных конкурсов: «45-й калибр», «Русский Гофман»,

«Славянская лира», «Открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии», «Поэзия русского слова», «Славянские традиции», «Славянская лира», «Эмигрантская лира» и др. Победитель «Кубка Мира по русской поэзии – 2018». Награждена медалью им. Е. Замятина.

Цвела джида, журчал степной арык –
Я помню это место, где зарыт
Мой детский клад –

секретик мой заветный.

Под выпуклым бутылочным стеклом
Лежало голубинное перо
На смятой золотинке от конфеты.

Земля была покорна и легка,
Как гречневая мамина мука.
Её так много – всем на свете хватит
Лугов, полей и маковых степей.
Я знала, что могу доверить ей
И стёклышко, и пёрышко, и фантик.

Я помню осень. Сад. Горит листва,
Ползёт позёмкой пепел от костра,
Ложась на оперенье мёртвой птицы.
И хрупкий мир,

что не был мной спасён,

Послушно лёг в голодный чернозём
И в кукольной коробке уместился.

Ничей

Спеют, словно вишни, в небе звёзды.
Ты присядь с дороги и остынь.
Вытряхни из сумки горький воздух
Жадных и безжалостных пустынь.
Выпей нашей северной прохлады,
Вспомни ежевичный вкус ночей.
Знаешь сам – для счастья мало надо,
Если ты давно уже ничей.
Здесь как прежде всё:

уклад старинный,

Снег – зимой, по осени – дожди.
Выйди в сад, поешь с куста малины,
Берегом к источнику сходи.

У реки на мостике дощатом
Эхо передразнивает шаг.
В этот час голодные щурята
Ищут живность в чёрных камышах.
Сонный лещ, наевшись звёздных ягод,
Тычет лбом в купальщицу-луну,
А луна ныряет под корягу
И не собирается тонуть.
Скоро полоснёт крылом зарница,
Выключает небесное зерно.
Хочешь в старой лодке прокатиться
С кроткой предраассветной тишиной?

Спящая в тумане колокольня,
Заросли бушующей травы...
Снова оказаться в прошлом больно,
Если возвращаться не привык.
Где-то ждут нехоженые дали,
Манит неизвестность новых мест...
Ну а здесь родители заждались –
Сгнил и покосился мамин крест,

У отца заржавела ограда,
Холм размыли вешние ручьи.
Мало старикам для счастья надо,
Если старики уже ничьи.

Баю-баю

Баю-баю... снов не видит
Старый хутор по ночам.
По дворам, заросшим снытью,
Бродит лунная печаль.
То, вздохнув, уронит грушу,
То прольёт вишнёвый сок,
То из бурой вязкой лужи
Смачно сделает глоток.
То водой в колодце булькнет,
То возьмётся в окна дуть.
А устанет – ляжет в люльку,
Позабывтую в саду.

Ветер люлечку качает,
Осторожный, словно вор.
За плетнями, нескончаем,
Стелет простыни простор.
Заглянула в люльку птица –
Ищет гнёздышко птенцам...
Седовласый пар клубится
У прогнившего крыльца.
Речка звёзды привечает,
Привечать чужих – не грех.
Над заброшенным причалом
Вьётся иволговый смех.

Волк, свернувшийся в калачик,
Спит у чёрного куста.
Баю-бай.
Никто не плачет.
Ночь.
И люлечка
пуста.

Сергей Кривонос

2-е место

Член Национального и Межрегионального союзов писателей Украины, Международного сообщества писательских союзов, автор 13 поэтических сборников. Победитель и призёр поэтических фестивалей и конкурсов «Славянские традиции»,

«Звезда полей», «Чеховская осень», «Души прекрасные порывы». Лауреат литературных премий имени Сергея Есенина, Николая Ушакова, Михаила Матусовского, Владимира Даля и других.

День, словно странник бездомный,
продрог,
Ветки деревьев колышутся пьяно.
Сватово – наш небольшой городок –
Вновь утопает в осенних туманах.

Маленький город большой суеты,
Где неприкаянно бродят зеваки,
Где беззаботно гуляют коты,
Если не лают сердито собаки.

Душу согреет дворовый уют,
Душу согреют знакомые лица.
Всё нестолично здесь, разве что пьют,
Не уступая ни капли столицам.

Густо ползёт по околице лес,
И, разрушая покой лепестковый,
То проезжает вдаль «Мерседес»,
То неуклюже проходит корова...

День, словно странник бездомный,
продрог,
Но не случайно вдаль так знакомо
Вьётся прозрачный весёлый дымок
Над покосившимся стареньким домом.

Иду сквозь тишину за настроением,
За удивлением и за вдохновением.
А что морозно – нет моей вины.
Вот первая звезда на небосводе,
А у звезды всегда – одна погода,
И – ни зимы, ни лета, ни весны.

И я смотрю на небо удивлённо,
И так же удивлённо смотрят клёны,
И точно так же смотрят тополя.
Поскрипывает снег. Закат алеет.
Мороз крепчает. Только всё же греют
Родимый край, родимая земля.

Шагаю по притихшему посёлку,
Где иней – словно звёздные осколки,
Где каждый холмик –

близкий и родной.

Где жаль всего прошедшего немножко,
Где тихо светит мамино окошко
Тем добрым светом, что всегда со мной.

Вдруг подумалось: может,
простившись с друзьями,
В крупный город рвануть сквозь
тревоги дорог?
Но, сжигая сомнения, греет огнями
Нешумливый родной городок.

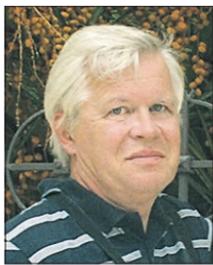
Где друзья, где безбрежие яблонь
и вишен,
А столица – мельканье машин и людей.
Там за уличным шумом
не часто услышишь,
Как ликует смешной воробей.

Там не слышно в трубе
завывающей вьюги,
И не видно лесов, что вросли в синеву,
Там под вечер не кажится солнце по лугу,
Пригибая густую траву.

И вовек не отыщешь такого простора,
Где знаком тебе каждый
вершок-корешок...
Нестоличный мой город,
приветливый город –
Самый маленький, самый большой.

Никита Брагин

3-е место

Доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института РАН. Член Союза писателей России. Победитель и лауреат многих творческих конкурсов: Межрегионального поэтического конкурса

к 190-летию Н.А. Некрасова, поэтического конкурса Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина, конкурса «Купина неопалимая» МГО СП России и других.

Херсонесская элегия

Товарищ главный старшина,
одни мы выжили, очнитесь –
кругом такая тишина,
что слышно ангела в зените...
В его слезе любовь и власть
и столько света и полёта,
что замолчали пулемёты
и в небо хочется упасть.
И время смерти подоспело,
но держит горькая земля,
поникший мак нагого тела
огнём антоновым паля.

Ушёл к Тамани «Красный Крым»,
на дне «Червона Украина»,
и мы, последние, сгорим,

и кровью породнимся с глиной,
горячим камнем и золой,
костями, кирпичами, пылью –
с любимой, вековой, могильной,
всё принимающей землёй.
Шурша скелетами столетий,
в окопы сыпется она –
теперь мы ей родные дети,
товарищ главный старшина.

Всё, похороненное в ней, –
керамики сухие гроздьи,
нагие острия кремней,
тяжёлые отливы бронзы –
всё перемешано войной,
иссечено железным ливнем –
Боспора золотые гривны,
и чёрный лом брони стальной,
и хоботы противогазов,
и мраморный девичий лик,
и нимфа в нежном хризопразе,
и молнией – трёхгранный штык!

Товарищ главный старшина,
мы доиграли наши роли,
и тишина уже страшна
предчувствием последней боли...
Финал трагедии – затих
громopodobный хор орудий,
кровоавой головой на блюде
наш Севастополь... Мерный стих
волны оплакивает город
в багровом трауре огня
и землю грешную, которой
мы станем на закате дня.

Башня Ветров

Башня Ветров посередине двора,
словно так и положено,
далее пройди – и Гефестова храма
увидишь колонны,
и переполнишься чувством любви
к невозможному,
и отзовёшься, как странник
с вершины поклонной.

Перед тобой на ладони
античная суть Севастополя,
палевый камень,
иссохшая колкость акаций,
ржавая пыль Гераклеи,
мотыгой войны перекопана,
алые вспышки маков,
которым всегда восемнадцать.

Тонкая радость вина,
долголетнего крымского узника,
хрупкий осколок огня,
херсонесская глина,
тёмная память земли и небесная музыка,
тихая тема гармонии, спящей в руинах.

Заклинание

Уходящего дня золотая парча
на прощанье дорожкой по морю
блеснула,
и растаяло солнце, как в печке свеча,
как динарий в копилке Лукулла.

Так и память растает, слезой Данаид
утекая по капле в бездонные дали,
где последние отцветы море хранит,
словно кровь на зазубринах стали.

Вот бы годы зажечь и расплавить века
в колокольную тяжесть
и в гибкость булата,
чтобы пламя мерцало
в крупинках песка
и алело над морем крылато!

Чтобы ясной – звезда,
чтобы чистой – вода,
чтобы ночь –
на мече грозного сполоха,
чтобы верная кровь –
на излучины льда,
по губам, до последнего вздоха!

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

«Чижик» с характером

Сюжеты её книг не выдуманы, а выстраданы

24 июля на здании школы №1 в г. Дно Псковской области Морским литературно-художественным фондом имени Виктора Конецкого была установлена мемориальная доска памяти героя Великой Отечественной войны – писателя Валентины Чудаковой (1925–1989).

Ленинградка Валя Чудакова сбежала на фронт 28 июня 1941 года из г. Дно, где после смерти матери жила с бабушкой. Разведчики 183-й стрелковой дивизии прозвали 16-летнюю девчонку с косичками, успевшую окончить лишь восемь классов средней школы, Чижиком.

«Была посыльной при штабе – доставляла боевые пакеты, – вспоминала Валентина Васильевна. – Помогала полковому писарю. Драила котлы полевых кухонь. Перевязывала раненых. Писала под их диктовку письма домой. Стирала бойцам портянки. В окружении ходила в разведку. Хоронила убитых...»

Своё первое ранение Валентина Чудакова получила в 1942-м. «Наша дивизия стояла под Ржевом, удерживала здесь большие силы противника, – рассказывала она. – Задача была очень ответственная, ведь мы не давали фашистам перебросить свои войска под Сталинград, где решалась тогда судьба города. Враги не оставляли нас своим вниманием. Атаки сменялись одна за другой, а в тот день гитлеровцы пошли на решительный приступ. Хотели подавить нас психологической атакой. Когда ранило комсорга Диму Яковлева и наш единственный пулемёт замолк, я, быстро перевязав товарища, легла за пулемёт сама. Не сразу почувствовала, что ранена, а когда пошла горлом кровь и боли в спине сковали движения... враг был уже отбит. За этот бой я получила свою пер-

вую «Красную Звезду». А вскоре, после выписки из госпиталя, попала на курсы младших лейтенантов, стала командиром пулемётного взвода. Было мне тогда чуть меньше восемнадцати...»

Последнее, пятое тяжёлое ранение настигло её в 1944-м в районе Пустошки. Товарищи, многие из которых годились Валентине в отцы, посчитали тогда её погибшей. Но она опять выжила и была отправлена для прохождения службы в запасной стрелковый полк. В.В. Чудакова прошла пять фронтов: Северо-Западный, Калининский и Западный, 2-й Прибалтийский и 2-й Белорусский. Награждена тремя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За Победу над Германией». На фронте её представляли и к званию Героя Советского

«
Её проза автобиографична,
Чудакова почти всегда
называет по имени тех,
кто реально прошёл рядом
с ней войну.

Союза, но, видать, какая-то штабная крыса наложила резолюцию: «Уточнить – он, она или оно...» Не поверили, что девчонка из боя в бой ведёт за собой роту взрослых мужиков-пулемётчиков...»

После войны Валентина Васильевна стала юристом, работала народным судьёй, а в 1965-м в журнале «Нева» появилась её первая повесть – «Чижик – птичка с характером», повесть о войне, которую она прошла наравне с мужчинами. После публикации повести Чудакова сосредоточилась на литературной работе, пять лет трудилась редактором «Лениздата».

Произведения Валентины Чудаковой – «Ратное счастье», «На тихой Сороти», «Команданты, интенданты...», «Командир роты», «Когда я была мужчиной», «Как я боялась генералов» – сегодня не переиздаются, и это несправедливо. Её проза автобиографична, Чудакова почти всегда называет по имени тех, кто реально прошёл рядом с ней войну. И есть ещё одна ценная черта в её книгах: она понимает и по-настоящему любит Солдата – рядового труженика войны, хотя спуска не даёт никому. В её книгах захватывает не только сюжет – не выдуманный, а выстраданный, волнует и язык её прозы.

Татьяна Акулова-Конечкая

ЛИТИНФОРМБЮРО

Литвстречи

В Книжной лавке писателей на Невском проспекте в рамках научно-познавательной программы «Физики и лирики» в режиме онлайн (с участием более 2000 подписчиков) прошли два вечера. Первый был посвящён петербургскому писателю, переводчику и драматургу середины XIX века Нестору Кукольникову, автору слов знаменитой «Попутной песни». Она вошла в созданный в 1840 году цикл Михаила Глинки «Прощание с Петербургом» (12 романсов на стихи Кукольника). Героем второго вечера стал представитель прошлого столетия – писатель-эссеист Юрий Олеша.

Вёл встречи петербургский литератор и библиограф Евгений Белодубровский.

Литфакт

В год 140-летия со дня рождения Александра Блока в Коломне – исторической части города на Неве – появится памятник поэту. Его установят рядом с Музеем-квартирой Блока.

Как отметил на рабочем совещании губернатор Санкт-Петербурга Александр Беглов, участок у дома 57 на улице Декабристов, где находится Музей-квартира, будет включён в перечень территорий, на которых в соответствии с законом Санкт-Петербурга о границах охраняемых зон разрешено устанавливать произведения монументально-го искусства.

«Мы должны увековечивать память о выдающихся исторических личностях. Великие поэты и писатели, композиторы и художники, архитекторы прославили наш город. Александра Блока часто называют самыми петербургским поэтом. В ноябре исполнится 140 лет со дня его рождения. И памятник ему, безусловно, может стать украшением города», – сказал Беглов. Он подчеркнул, что необходимо провести работы по благоустройству, чтобы новое общественное пространство выглядело достойно.

Литпроект

Преподаватель английского языка Юлия Куманева придумала настольную игру по роману «Преступление и наказание». Такая идея возникла у девушки пять лет назад, когда она переехала из Твери в Петербург и попала на праздник «День Достоевского».

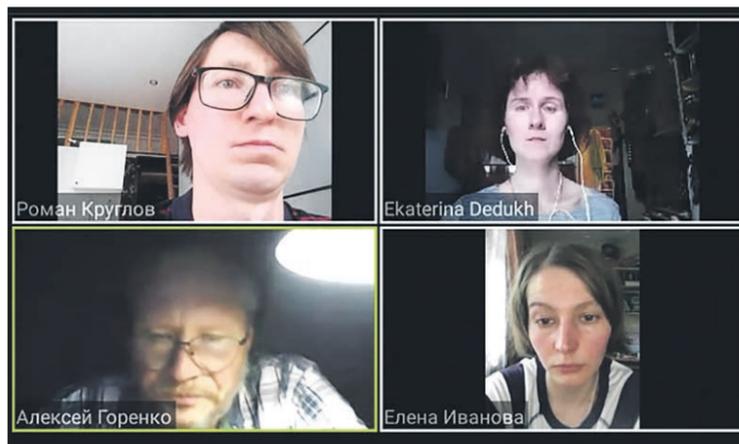
Игровое поле представляет собой практически точную копию центральной части Петербурга второй половины XIX века. На карте отмечены места, в которых происходит действие романа «Преступление и наказание». А сюжет игры вертится вокруг убийства старухи-процентщицы и последующего расследования. Для реализации своего проекта Куманева хотела бы найти спонсоров.

ШТУДИИ

Тонкие вопросы

Критерии оценки поэтического текста и отношение к ним в современной критике обсудили на круглом столе, организованном силами петербургского отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России.

Встреча проходила дистанционно на платформе для проведения видеоконференций Zoom. Основными спикерами стали: руководитель Литературного общества «Молодой Петербург» А. Ахматов, секретарь Союза писателей России Р. Круглов, а также поэт и критик Е. Иванова. По её мнению, критерии оценки стихотворного произведения – не что иное, как инструмент понимания того, насколько поэт справился с задачей. Поэтому они возможны только при наличии этой задачи. То, какова эта задача, насколько ясно она осознаётся поэтом и критиком,

На круглом столе обсудили критерии оценки поэтического текста

и определяет характер и тонкость критериев.

Е. Иванова призналась, что, долго находясь в довольно узкой литературной среде, объединяющей людей со схожими взглядами, привык-

ла к определённой системе оценки, принятой «по умолчанию».

Подчёркивая, что не пытается искусственно разделить всех поэтов на два лагеря, она отметила, что наличие в лите-

ратуре крайних «полюсов» – грубо говоря, «традиционного» и «постмодернистского» – для неё очевидно. При этом есть множество тех, кто не вписывается ни туда, ни сюда, и приходится ломать голову над критериями, с которыми к ним можно подойти.

По словам Е. Ивановой, нельзя прикрываться «измом», оправдывая плохой текст, потому что он, видите ли, новый. Нельзя прикрываться «измом», оправдывая плохой текст, потому что он, видите ли, старый... Оксюморон она назвала «призывы иных критиков к этической и эстетической нейтральности оценок»: оценка предполагает наличие позиции и отсутствие нейтральности. Кроме того, если говорить об эстетических оценках, то они – всегда следствие мировоззрения.

Соб. инф.

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ

Кто вдохновил Пушкина на поэму?

Легенда «Бахчисарайского фонтана»

Сестра за написание этих размышлений меня заставила заметка «Вот вам, Эмилия, фонтан Бахчисарайский», опубликованная недавно в «ЛГ». Автор её поднял лишь малую часть темы, которая долгое время была на слуху. В XIX, да и в XX веке высказывалось немало предположений о том, кто же явился прототипом Марии в пушкинской поэме. Но лишь в наши дни в этом исследовании будет поставлена точка.

Давно и серьёзно занимаясь историей и архитектурой Английской набережной, я много размышляла, почему в одном из особняков набережной в помещении, бывшем прежде Зимним садом, встроены фонтан — абсолютная копия Фонтана слёз в Бахчисарае. Находится он в доме под №8. Интерьеры этого особняка незабываемы. Одним из хозяев его был известный гетман Станислав (Щенский) Потоцкий. При нём в прекрасных комнатах разворачивались интереснейшие события. Фрейлина императрицы, приятельница Пушкина Александра Осиповна Смирнова-Россет, писала: «Богач граф Станислав Потоцкий купил дом на Английской набережной. Парадная зала была тёмно-голубого цвета, и по ней с верхнего до нижнего карниза был золотой герб Потоцких».

Современники отмечали, что всё в этом особняке выглядело как в лучшем английском доме. На балах, которые давали Потоцкие, нередко присутствовал император с приближёнными. Вспоминая эти вечера, Смирнова-Россет поведала, что здесь она впервые увидела Елизавету Ксавьеровну Воронцову, которая была в розовом атласном платье. Александр Сергеевич также был тут частым гостем и говорил, что здесь всегда подавали его любимые лакомства: и жёлтенькие солёные яблоки, и морошку, бруснику и брусничную воду, клюквенный морс и клюкву, кофе с мороженым, печенья, даже коржики. А пирожным, которые Пушкин тоже любил, и «конца не было». Вот в такой обстановке поэту и была «предднесена» выдуманная легенда о хозяйке этого дома.

Две Софии и Пушкин

Это стало ясно, когда в руки мне попала книга с одноимённым названием, автором которой является Татьяна Фадеева — современный исследователь южного периода пушкинского творчества. Из архивов было известно, что фонтан появился здесь во время владения домом Потоцкими, а из книги удалось узнать, что семейное предание о Бахчисарайском фонтане поэ-

ту в 1812 году рассказала дочь хозяев дома — София Потоцкая (в замужестве Киселёва), в которую в то время Пушкин был влюблён.

По этой легенде, красавица Мария — одна из предков второй жены Станислава Потоцкого — была продана в гарем, где стала затворницей. Не ответив на всепоглощающую любовь шаха, она умерла. Шах не смог забыть Марию и в знак непроходящей скорби по прекрасной девушке велел возвести Фонтан слёз.

Вероятно, легенда была придумана Потоцким для оправдания низкого происхождения своей жены. Пушкина тронула эта история, и он пообещал Софии Киселёвой написать об этом стихи. Так родилась поэма «Бахчисарайский фонтан».

Загадка для пушкинистов

Из многих источников известно, что, будучи в гостях у сестёр Ушаковых, Александр Сергеевич набросал список своих увлечений женщинами. Список состоял из двух частей. В первой были имена женщин, к которым Пушкин испытывал более глубокие чувства. Эта часть списка заканчивалась именем его жены. На четвёртом месте стояли буквы NN. Имя своей тайной страсти поэт не захотел раскрывать.

Эта загадка мучила многих пушкинистов. Они высказывали самые различные версии. Но на сегодня исторические изыскания председателя Николаевского пушкинского клуба Анатолия Золотухина, кандидата исторических наук Татьяны Фадеевой, подтвердившие более раннее высказывание писателя и литературоведа Леонида Гроссмана, открыли имя красавицы, значащейся под номером 4 в первом списке поэта. Это уже упомянутая выше София Станиславовна Потоцкая.

Она была дочерью хорошо известной в Европе красавицы гречанки Софии Константиновны Потоцкой, ранее Витт, урождённой Главани. Эта женщина, даже будучи уже в зрелом возрасте, своей красотой поразила Пушкина. Своё впечатление о ней поэт отобразил в образах Марины Мнишек

Джордж Хейтер.
София Станиславовна
Киселёва (Потоцкая)

Фонтан слёз в Бахчисарае

в «Борисе Годунове» и Клеопатре, описанной в восьмой главе «Евгения Онегина». Можно себе представить, какой красавицей была эта гречанка в юности!

Феерическая судьба

Советский коллекционер Виктор Магидс писал о ней: «Коллекционерский поиск привёл меня однажды к этому портрету и оставил нас двоих. Из резной золочёной рамы смотрела эlegantная красавица. Написанная с блеском, она буквально мерцала... Но откуда я знаю это лицо? Конечно же, я видел его у Ровинского, в «Словаре русских гравированных портретов». Я почувствовал аромат удачи. То была графиня София Потоцкая (имеется в виду София Константиновна. — Т.С.), называемая часто прекрасной фонаришкой, гречанка из Константинополя. Её феерическая судьба больше похожа на вымысел, чем на подлинную жизнь».

Фантастическая жизнь этой девушки ставит её в один ряд с величайшими авантюристами XVIII века. Девочка из бедной греческой семьи, для которой пределом мечтаний было попасть в гарем, стала генеральшей Витт, а затем графиней Потоцкой. В Санкт-Петербурге она была признана светской львицей. Способствовала тому не только её внешность, но и то, что красавица гречанка с острова Хиос была с детства знакома с женскими тайнами гаремной жизни, куда входило и умение привлекать к себе внимание мужчин.

Достигнув определённого возраста, София действительно должна была попасть в гарем хана. Но её мать воспротивилась этому и увезла дочь в Польшу. По дороге, в Каменец Подольском, они остановились в крепости Витта. Юная София своей красотой и кокетством покорила сердце Иосифа Витта — сына коменданта крепости. Он тайно обвенчался с ней, после чего молодые отправились в свадебное путешествие в Париж. В столице Франции необычная красота Софии и умение показать себя произвели фурор в аристократических кругах. Её стали называть «прекраснейшей женщиной Европы». От её обаяния и ума теряли головы окружавшие её мужчины. Польский писатель Юлиан Немцевич писал о ней: «Не знаю, могли ли Елена, Аспазия, Лаис — славившиеся афинские красавицы — превзойти её красотой. В жизни своей не видел более красивой женщины. Правильные черты лица и удивительной красоты глаза соединились у неё с ангельской улыбкой и голосом, берущим за душу. Глядя на неё, хотелось сказать, что это настоящий, спустившийся с неба ангел».

Парижская публика была подготовлена к её приезду, так как ещё по пути в Париж юная супруга Витта была представлена королю Станиславу Августу, который тоже оказался покорён её внешностью. После такого знакомства перед ней были открыты все двери европейских семей. «Вид её производил все-

общее замешательство, — писал Немцевич, — повсюду только и говорили о прекрасной гречанке. Помню, когда она показалась на ассамблее у пани Огинской, супруги гетмана, то все как будто потеряли головы, ибо, забыв приличия, одни обступили её кругом, другие, чтобы лучше увидеть это чудо, влезали на столы и стулья».

Неудивительно, что после знакомства с богатейшим гетманом Станиславом Потоцким (Виттам пришлось потратить немало средств, чтобы представить её как гречанку благородных кровей) София Витт решила пленить богатого и знатного графа. Ей это с успехом удалось. София «развела» Потоцкого с женой (кстати, одной из племянниц Потёмкина) и, расторгнув за большие деньги брак с Виттом, стала женой гетмана. В дальнейшем её поведение оказалось причиной преждевременной смерти нового мужа: в один прекрасный момент Станислав Потоцкий обнаружил супругу в постели своего сына от первого брака.

У Софии Константиновны Потоцкой-Витт и Станислава Потоцкого было две дочери: Ольга и София. По воспоминаниям, Ольге передались некоторые черты характера матери. А вот София была другой. С юности полюбила Киселёва, она вышла за него замуж и была ему предана, даже узнав, что муж увлёкся её сестрой. Именно благодаря Софии Станиславовне появилась на свет поэма Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Это подтверждается и словами самого поэта: «Я прежде слышал о странном памятнике влюблённого хана. К. поэтически описывала его мне, называя La fontaine des farnes». (Эти слова приведены в книге И. Фейнберга «Незавершённые работы А.С. Пушкина».) Да и в статье «У истоков «Бахчисарайского фонтана» Леонид Гроссман констатировал: «Сам Пушкин полностью назвал вдохновительницу своей южной поэмы... Это София Станиславовна Потоцкая».

Татьяна Соловьёва

14 СТОЛИЧНЫЙ КОНТЕКСТ

ГОРОДСКАЯ СРЕДА

Маска как культура

Несмотря на снижение заболеваемости, меры безопасности в Москве необходимо соблюдать

Нынешняя санитарно-эпидемиологическая ситуация в Москве остаётся вполне стабильной, практически все ограничения, вызванные пандемией, сняты, работают образовательные учреждения, театры, музеи, рестораны и кино-театры. Тем не менее городские власти призывают жителей мегаполиса в общественных местах носить средства индивидуальной защиты: перчатки, маски или респираторы. Перчаточно-масочный режим продолжает действовать, и за его нарушение налагается штраф.

Пассажиры в столичном метрополитене

Кстати, самые строгие штрафы для «безмасочников» сейчас, конечно, в Италии и Испании. Даже в относительно небольших городах нарушителю придётся раскошелиться на тысячи евро. Оно понятно: страны уже научены горьким опытом и до сих пор шокированы числом умерших от коварного вируса. В куда более благополучном в этом плане Израиле маски сейчас предписано носить даже на открытом воздухе. Население хоть без восторга, но меры безопасности соблюдает. И дело, скорее всего, не в штрафе до 5 тысяч шекелей (это больше 100 тысяч рублей). Просто есть понимание.

Красный круг, на нём белая фигурка в чёрной маске — так выглядит уличный дорожный знак в Брюсселе. Социальные сети города пестрят подробными картами, где обозначены улицы, на которых находится без средств индивидуальной защиты запрещено. Правительство Бельгии в конце июля уже предупредило население о возможном введении карантина в связи с тем, что число инфицированных коронавирусом всего за неделю вырос-

ло в стране на 71 процент. И за соблюдением масочного режима здесь следят очень жёстко.

Многие государства начинают повторно вводить на своих территориях карантинные меры, вызванные пандемией. Потому что вторая волна коронавируса в Европе и Азии — уже свершившийся факт. В числе государств, где рост заболеваемости замедлился, а потом произошёл резкий скачок числа заражённых, — Румыния, Черногория, Южная Корея, Китай, Япония, Израиль. В Австрии, одной из первых отменившей самоизоляцию, масочный режим опять обязателен в общественных местах. О неприменении масок в транспорте, магазинах и других общественных местах объявила Греция. Штраф за отсутствие СИЗ — 150 евро. Ограничения для своих граждан и туристов снова действуют в Испании, Франции и Великобритании. Притом что в этих государствах совсем недавно коронавирусная статистика была даже лучше, чем в Москве: регистриро-

вались единицы новых случаев заражения, а умерших порой вообще не было.

Стоит ли тогда удивляться, что за соблюдением перчаточного-масочного режима стали жёстче следить и в российской столице? Тем более городские власти его и не отменяли. Но как-то расслабились москвичи. Заходишь порой в вагон метро и видишь: законопослушных граждан в масках и тем более в перчатках явное меньшинство. И что делать в таком случае? Как говорил персонаж одного популярного фильма: «Если не понимаешь по-хорошему — будем бить тебя рублём!» Точнее, пятью тысячами рублей (величина штрафа за отсутствие маски в транспорте). Или четырьмя (если не надел СИЗ в магазине).

На самом деле штрафов в столице за отсутствие масок и перчаток выписано довольно мало. С 12 мая по 29 июля было оштрафовано 42 тысячи пассажиров общественного транспорта. Это притом что контролёры ежедневно про-

водят сотни рейдов: проверке выборочно подвергаются более ста станций метрополитена и 3800 единиц наземного транспорта. За несоблюдение санитарных норм в городе закрыто 7 магазинов. Глупо полагать, что за счёт штрафов нарушителей Москва стремится пополнить свой бюджет. Да и штрафы-то, по большому счёту, выписываются только самым злостным противникам масочного режима. Которые не только отказываются выполнять просьбы контролёров или сотрудников правоохранительных органов надеть средства индивидуальной защиты, но и идут с ними на откровенный конфликт.

К счастью, таких меньшинство. В каком-то смысле маска и перчатки сейчас — показатель человеческой культуры и ответственности. Большая часть москвичей реагируют адекватно и при полученном замечании свои маски тут же надевают. Либо быстро покупают и надевают. Благо их дефицита в городе нет: маски и перчатки продаются в аптеках, многих магазинах и на станциях метро. Главное, что необходимо понимать: несмотря на то что эпидемиологическая ситуация стабильна, цифры госпитализаций и заболевших в разы меньше числа выздоровевших, риск подхватить коронавирус по-прежнему остаётся. Тем более у кого-то болезнь может протекать бессимптомно, порой человек может и не знать, что является переносчиком вируса. Поэтому маски и перчатки в общественных местах и транспорте нужно продолжать носить.

Вчера на полпути к метро обнаружил, что маска осталась дома. Возвращаться не стал. Купил в метро.

Виталий Веселовский

Рекорд с небольшими ограничениями

Более 13 тысяч бегунов вышли 2 августа в Лужниках на старт Московского полумарафона — первого массового спортивного мероприятия в России после перерыва, вызванного пандемией коронавируса. Помимо многих сильнейших спортсменов-профессионалов на соревнование приехали любители бега из многих регионов России, где власти пока не разрешают проводить массовые мероприятия.

К требованиям санитарной безопасности организаторы Московского полумарафона и весь техперсонал подошли с полной ответственностью: полностью экипированными средствами индивидуальной защиты. Через КПП на старт пропускали только спортсменов в масках. Тем, у кого их с собой не было, — выдавали бесплатно.

Состав участников, кстати, был впечатляющим. Достаточно сказать, что на старт вышел даже главный тренер сборной России по лёгкой атлетике олимпийский чемпион Юрий Борзаковский. Помимо него штурмовать дистанцию 21,1 км решились неоднократные чемпионы России Алина Прокопьева, Степан Киселёв и Ринас Ахмадеев, двукратный бронзовый призёр Олимпийских игр Татьяна Архипова, чемпионка Европы Елена Коробкина, победитель Кубка России по марафону 2019 года Искандер Ядгаров, двукратный чемпион России по марафонскому бегу Фёдор Шутов.

— Очень важно, что организаторы подошли ко всем вопросам очень профессионально, — заявил присутствовавший на соревновании министр спорта Олег Матыцин. — Да, забег проводился после пандемии и со значительными ограничениями. Несмотря на это, благодаря конструктивной позиции мэра Москвы, Правительства, Департамента спорта и руководства «Лужников» праздник сегодня состоялся.

Среди женщин первенствовала Елена Коробкина, установившая рекорд Московского полумарафона — она преодолела дистанцию за 1 час 10 минут 29 секунд. Среди мужчин победу одержал Ринас Ахмадеев с результатом 1 час 4 минуты 24 секунды.

Сергей Бутов

Штрафы за нарушение масочного режима в Европе

Бельгия	250 евро
Франция	135 евро
Испания	100 евро
Эстремадура	6000 евро
Италия. Кампания	1000 евро
Италия. Ломбардия	400-3000 евро
Португалия	350 евро
Нидерланды	95-350 евро
Великобритания	109 евро
Люксембург	145 евро
Греция	150 евро
Москва	4000 – 5000 рублей (46,4-57,5 евро)

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Андрей Тяжелников, главный внештатный специалист по первичной медико-санитарной помощи взрослому населению столичного Департамента здравоохранения:

— Если переносчик вируса использует средства индивидуальной защиты, вероятность, что здоровый человек заразится, снижается до 5%, тогда как если маска не используется — этот риск составляет 70%. А если маски носят все, то вероятность заболевания снижается ещё больше. Даже если вы находитесь на улице, но вокруг массовое скопление людей, имеет смысл носить средства индивидуальной защиты.

Маска — это одноразовое средство, поэтому спустя два часа непрерывного ношения её нужно утилизировать. То же самое необходимо сделать, если вы сняли маску, так как в этом случае на неё могут попасть болезнетворные микроорганизмы. В жару имеет смысл менять маску каждые 20–30 минут. Главное, также помнить, что маску нужно носить правильно: она должна закрывать нос и рот.

Сергей Петриков, директор Научно-исследовательского института скорой помощи имени Склифосовского:

— Человек может невольно касаться своего лица, и ношение масок предотвращает такие заносы вируса, когда вы потрогали какой-то предмет, а затем трогаёте своё лицо. Мне кажется, что надо продолжать соблюдать дисциплину и быть осторожными.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Дороги ведут к храмам

Знаменитый столичный строитель о работе после пандемии

Владимир Ресин
депутат Государственной думы

Эпидемиологический кризис, из которого мы потихоньку выкарабкиваемся, показал, как важно действовать сообща и своевременно. У нас появились новые герои – медики, рискующие своей жизнью, чтобы помочь жертвам пандемии. Водители транспорта, курьеры, продавцы – все, кто помог нам пережить карантин в относительно комфортных условиях и с возможностью доступа к привычным благам цивилизации.

Я бы отметил ещё тех, кто дисциплинированно соблюдал все предписания, реорганизовал работу предприятий и постарался свести к минимуму ущерб для экономики страны от приостановки деятельности.

Строители, мои коллеги и товарищи, одни из этих незаметных героев. В рекордные сроки была построена больница в Коммунарке, оперативно

возводились штабы и пункты приёма пациентов.

Строители последними ушли на карантин и вышли первыми после его отмены. Программа продолжала работать, даже когда не было возможности присутствовать на площадках физически. Мы использовали это время, чтобы в полном объёме подготовить всю проектную и рабочую документацию, провести совещания на удалении и проработать новые проекты.

Сначала казалось, что всё это ненадолго, что неделя простоя не скажется на общем ходе строительства. Неделя превратилась в две, затем в месяц, а в некоторых случаях и полтора. Ситуация чрезвычайная, я такой и не помню на своём веку. Стало ясно, что навёрстывать упущенное всё-таки придётся. Объёма работ, которые в массе своей намечали завершить к концу лета – середине сентября, то есть сдать в эксплуатацию 5–8 новых храмов, мы достигнем в октябре–ноябре. Если не будет ухудшения эпидемиологической ситуации в городе.

Думаю, мы все порядком засиделись дома и заскучали по привычному ритму жизни. С середины июня Программа строительства храмов вернулась в привычный режим: возобновились еженедельные осмотры строящихся объектов, консультации с управками и префектурами. С учётом сохраняющейся возможности заражения работы ведутся с соблюдением всех рекомендованных мер защиты. Работни-

кам выдаются маски и средства дезинфекции.

Даже затяжные дожди не помешали строителям выполнять свою работу, усложнили, добавили лишние объёмы, но не затормозили. Когда строятся храмы – работа у строителей всегда спорится.

Возобновились работы на храме в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина». Этот храм строится в районе Очаково-Матвеевское, в котором живёт больше 126 тысяч человек, а церковь была всего одна. В дни карантина мы убедились, насколько важно духовное единение и поддержка. Например, приход храма в честь иконы Божией Матери «Всецарица» в ТиНАО создал направление «Добровольческая служба помощи по доставке продуктов», чтобы доставлять продукты пожилым прихожанам, которые сами не могут выйти из дома из-за риска.

Когда мы только устанавливали системы видеонаблюдения на площадках, нам и в голову не могло прийти, что они пригодятся для видеотрансляций богослужений. Теперь принято решение включать такие системы в каждый проект. Современные технологии применяются при возведении самого крупного храма в Коптево – его строительство идёт полным ходом. В храме уже монтируется каменный иконостас уникальной ручной работы, установлены основные его элементы. Он будет полностью выполнен из различных пород натурального камня.

Храм Спиридона Тримифунтского в Коптеве

Работы сложные – непростая конфигурация его элементов, спаренные колонны. Части иконостаса изготавливают вручную камнерезчики в Грузии и по частям привозят в Москву. Пол алтаря выложен плитами из натурального известняка по технологии прежних веков, когда швы между ними делались ломаными, из-за чего создаётся ощущение, что ты попал в древний храм, а не в современный, где рисунок пола характеризуется чёткой симметрией его элементов. К сентябрю в храме будут установлены лифты для маломобильных и пожилых граждан. Полностью храмовый комплекс будет завершён в этом году и подготовлен к сдаче в эксплуатацию с тем, чтобы

в 2021 году Патриарх Московский и всея Руси Кирилл смог провести его освящение.

Говоря о технологиях, нельзя не упомянуть храм и культурный центр во имя святителя Макария (Невского), митрополита Московского и Коломенского. Храмовое зодчество идёт в ногу со временем.

Это инновационный проект, задача которого вписать храм в инфраструктуру мегаполиса как полезный городу XXI века и его горожанам объект. Пришла пора отойти от понимания храма как места, где можно лишь купить свечи и заказать записки. Это место для общения, познания, образования, взаимопомощи и поддержки, оснащённое всеми современными технологиями. ■

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Для детей, а больше для взрослых

Роберто Пьюмини. Астралиск: Повесть/Худож. Чекко Мариниелло.

– М.: Кетлеров, 2020. – 128 с. – 3000 экз.

Имя классика современной итальянской детской литературы Роберто Пьюмини до сих пор почти незнакомо российским читателям.

Между тем в Италии его называют «il grande Piumini». Его книги читают дети и взрослые. По ним ставят спектакли и снимают фильмы. Они переведены на многие иностранные языки.

И вот в 2020 году произошло два важных события: Роберто Пьюмини был номинирован от Италии на Международную премию имени Андерсена, а в московском издательстве «Кетлеров» в новой серии «Перелётные книги» вышел легендарный «Астра-

лиск» – повесть-притча, считающаяся едва ли не лучшим произведением мастера.

Писатель посвятил её своему сыну Микеле. Будучи ещё маленьким мальчиком, тот спросил у отца, правда ли, что его, Микеле, когда-нибудь не будет. Роберто постарался как мог рассказать ему о жизни и смерти, о смене времён года и поколений, но сам остался недоволен своим ответом и спустя несколько лет вернулся к этому разговору, написав «Астралиск».

Книга для детей и для взрослых, может быть, даже больше для взрослых. Она о мальчике Мадурере, который всю жизнь проводит в стенах дворца, не имея возможности выйти наружу из-за странной и неисцелимой болезни. И вот рядом с ним появляется художник, Сакумат, который способен подарить ему целый мир и, главное, сделать его самого творцом этого мира и соучастником важных событий. Расписанные изнутри стены начинают оживать: в этом есть что-то от волшебного сна, хотя на самом деле ничего сверхъестественного не происходит. Такие чудеса незаметно творит и порождает любовь, и творчество –

это тоже обыкновенное чудо. Переводя эту повесть, я думала о волонтерах-художниках, расписывающих стены в детских больницах и хосписах и рисующих с детьми на больших расстеленных на полу листах бумаги. Я бы посвятила этот перевод им.

И может быть, не случайно «Астралиск» вышел в странные и трудные дни карантина. Маленькая повесть-притча о любви, о творчестве, о силе воображения, дающей нам безграничную свободу даже в условиях почти полной изоляции от мира. И о том, что смерти нет, есть круговорот жизни (так отвечает Роберто на вопрос Микеле). В конце художник Сакумат поселяется на берегу моря – той самой вечности, у которой «многие горизонты» и где они с Мадурером всегда вместе.

Вместе с двумя другими прекрасными повестями – «Маттиа и дедушка» и «Моту-Ити», – написанными в жанре «магического реализма» и объединёнными темой любви, торжествующей над смертью, «Астралиск» составляет своего рода трилогию. Их выход тоже планируется. Будем ждать!

Татьяна Стамова

ЮБИЛЕЯ

5 августа известный публицист и литературовед Евгений Моисеевич Бень отмечает юбилей.

Родился он в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института (1982). Работал научным сотрудником ЦГАЛИ, редактором, заведующим отделом в журнале «Наше наследие», обозревателем газет «Куранты» и «Сегодня», главным редактором СМИ «Накануне» и «Новые знания». С 2001 по 2016 год был главным редактором издания «Информпространство». В настоящее время участвует в подготовке раздела «Достояние» газеты «Культура». Секретарь Союза писателей Москвы, автор четырёх книг и многих сотен публикаций, комментатор и составитель двух изданий Вл. Ходасевича и книги З. Гиппиус.

«ЛГ» поздравляет Евгения Моисеевича с 60-летием, желает ему здоровья, сил, новых ярких творческих работ.

16 ИСКУССТВО

ПЕРСОНА

10 августа красивый – 80 лет! – юбилей у легендарного таганковца, актёра театра и кино, режиссёра, сценариста и писателя Вениамина Смехова. Так уж вышло, что почти вся его жизнь связана с «ЛГ». О чём он рассказывал 43 года назад основателю нашего «Клуба ДС» Виктору Веселовскому. Тогда мы и его (Смехова) рассказ напечатали. О чём вспоминаем с удовольствием и даём возможность перечитать. И с тем же чувством публикуем предисловие знаменитого Атоса к недавно вышедшему толстому (848 стр.!) тому интереснейших мемуаров. Как говорится, он пережил и многое, и многих...
Будьте здоровы, Вениамин Борисович! С юбилеем и книгой – дай Бог, не последней!

Наши кони скачут всё быстрее...

В 1990-е годы работая над статьёй о спектакле «Мастер и Маргарита» на «Таганке», я залез в собственный нерегулярный дневник, который веду с 26 лет, и он меня удивил подробностями. Я никак не ожидал такого эффекта; оказалось, что память давно навела свой порядок, где вычёркивая, а где редактируя реальность событий. Известно, что, пережив бурные годы молодости, люди вообще, а люди искусства особенно, вольно или невольно переписывают свою историю. Я сам замечаю, что в фильме «Д'Артаньян и три мушкетёра» мы с каждым годом играем всё лучше и кони наши скачут всё быстрее, а в «театре моей памяти» ставятся всё более великие спектакли. Может, и я неосознанно переписываю то, что «что было, что есть и что будет»... Может быть. Но мне кажется, что главные события остаются неизменными... Я не верю дневникам, которые издают родственники после смерти автора. Ещё меньше доверяю дневникам, которые издают сами авторы. Зачем же я пишу?

Зачем со сцены сегодняшней жизни я заглядываю за кулисы прошлого?

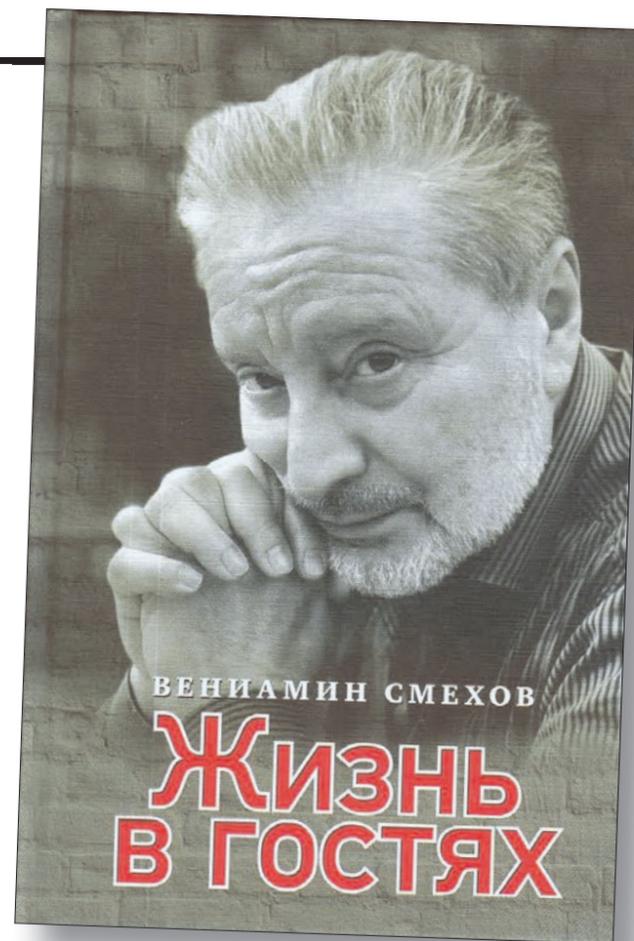
Я неразлучен со вчерашним днём. Мне уже ничего не страшно, кроме потери любимых людей. Недавно я вспомнил, как однажды Лиля Брик, ей тогда уже было за 80, получила номер «Вечёрки», сначала открыла последнюю страницу и посмотрела вниз, а потом сказала: «Вот... наступает тот возраст, когда газеты начинаешь читать с траурной рамки».

Я прожил жизнь в театре – прекрасном и страшном месте, где люди работают не на станках, а на собственном организме. Я не собираюсь поражать читателя необычными мыслями. Но пережитое и удивляет, и учит. Мне невероятно повезло: с юности я попал в водоворот театральных экспериментов, происшествий, встреч с осколками прошлого. А в пенсионном возрасте объехал полмира. Моя книжка – о путешествиях: по годам и городам, по спектаклям и фильмам, по моей биографии. В книге восемь больших глав, посвящённых восьми

десятилетиям – от 1940-го до 2020-го. Это история времени и места, в которое и в котором автору довелось жить. Долгая дорога разговорилась разными голосами – страницами дневников, фрагментами разных публикаций. Жизнь-коллаж и книга-коллаж, я живо чувствую единство её сюжета. Я писал эту книгу с первых дней нового века. Получилось так, как хотел: «собрание пёстрых глав», приуроченное к 80-летию и рассчитанное на читающих друзей.

Заручусь поддержкой Л.Н. Толстого: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения... Писатели... не будут сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

Я благодарен многим людям за то, что учили, помогали, спасали, поддерживали. Я рад, что за долгую жизнь мне не часто пришлось слышать «дикие крики озлобленья», и я не держу зла на тех, кто меня не пони-

Вениамин Смехов.
Жизнь в гостях. Воспоминания.

– М.: Старое кино, 2020. – 848 с. – 3400 экз.

мает. Как сказал поэт Коржвин: «Отрицательное мнение о моих стихах меня не интересует». А сегодня я добавлю: больше не интересует.

От нынешних невзгод я защищён предыдущей неизбежностью. Меня огорчает, когда люди думают, что раньше было лучше. Раньше мы болели одной болезнью, а теперь другой. В сознании граждан СССР капитализм мог быть только загнывающим, подавляющим, национализм – махровым, а большой – только

любовь к родине. Теперь гражданам поняли, что махровым может быть и полотенце, наибольшая любовь – к самому себе, и только капитализм – особенно в неуклюжем российском виде – по-прежнему остаётся загнывающим. Но тем не менее жизнь должна быть прекрасной. И я на этом настаиваю. Мне очень дорого название книги – «Жизнь в гостях». Мы все – гости на этой земле. Надеюсь, вы согласны...

Ваш В.Б.С.

НЕ СВОИМ ГОЛОСОМ

Служенье муз не терпит интервью

Тем не менее на вопрос «где» и «когда» артист Театра на Таганке Вениамин Смехов подробно ответил:

«Родился до войны, в 1940-м, в Москве, на 2-й Мещанской. Учился в 254-й школе на 3-й Мещанской, где учился Евг. Евтушенко, который жил на 4-й Мещанской, о которой он написал в одноимённом романе».

Вырос Веня Смехов в интеллигентной семье. Папа – экономист, доктор наук, мама тоже доктор, но уже терапевт. «Так что, – замечает В. Смехов, – с детства нездоровый интерес к чужим профессиям».

Видимо, потому что почти с пелёнок питал интерес к «Литературке».

Учился на артиста в училище имени Щукина, где курсом руководил ныне народный артист РСФСР профессор В.А. Этуш, который с тех пор зарёкся руководить курсами.

На сцене В. Смехов играет драматические роли вроде короля Клавдия, поэта Маяковского, Воланда в «Мастере и Маргарите».

Как известно, поэт земной шар чуть не весь обошёл. Артист тоже много путешествует. Но его золотая мечта, можно сказать, даже хобби – посетить пустыню Гоби.

Если приглядеться к В. Смехову, то можно заметить, что он брюнет, росту хорошего, графоманит на ф-но. Обожает картофельные оладьи, холодец, обеих своих дочерей и вообще поэзию.

В заключение остаётся добавить, что нет ничего странного в том, что администрация решила сказать несколько слов об артисте, заговорившем сегодня «не своим голосом». Кроме всего прочего, он заслуживает этого хотя бы за свою фамилию – Смехов.

К сему

В. Веселовский,
главный администратор «Клуба ДС»

В. Смехов,
артист

Деление

У него были голубые глаза, в которых отражался весь мир и кувыркались солнечные зайчики. Она была его ровесницей, а когда надевала толстые альпинистские ботинки, то становилась того же роста, что и он. На вершине горы Белуха они полюбили друг друга. Когда с востока прорвался первый луч, гонец восходящего солнца, они встали лицом к восходу и торжественно вручили друг другу свадебные подарки.

– Тебе – утреннее солнце! – подарил он.

– Тебе – голубое небо! – подарила она.

– Тебе – северное сияние!

– Тебе – Ниагарский водопад!

– Дрезденская галерея, Лувр и Третьяковка!

– Абрау-Дюрсо, Массандра и городок Шампань!

– Собор Парижской Богоматери!

– Пирамида Хеопса!

...Когда с приданным было улажено, жених с невестой спустились на землю, слегка пошатываясь от даров и впечатлений.

Через год они окончили институты и распределились пусть не совсем удачно, но в Москве.

Потом он защитил диссертацию, а она записалась в очередь за редчайшей мебелью.

С детьми они всегда откладывали. Пусть это было не очень весело, но зато свободно.

Потом у него появился радикулит, а у неё – домашняя массажистка.

За несколько дней до развода они стояли друг против друга в его рабочем кабинете и говорили.

– Мне – шифоньер, – говорила она.

– Мне – мой письменный стол, – говорил он.

– Мне – тахта и мамино кресло!

– Мне – диван и раскладушка!

– Польская мебель!

– Портрет Хемингуэя!

– Белый шкаф!

– Шкаф свадебный!

– Ладно, мне полшкафа и холодильника!

– Чемодан и табуретка!

– Мыльница!

– Нет, мне мыльница!

– Я сказал, мыльница!

– Тогда – зубная паста!

...Когда рабочие, вывозившие вещи, хлопнули дверью, на кухне что-то жалобно звякнуло. Это стукнулись друг о друга жестяные замки двух рюкзаков, забытых на антресолях.

«ЛГ», 11 мая 1977 года

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

А не затеять ли нам жизнь?

8 августа премьерой пьесы Виктора Розова «Затейник» театр «Сфера» открывает 40-й, юбилейный сезон

Вряд ли создатель московского театра «Сфера» Екатерина Еланская говорила кому-то эту фразу, задумывая своё детище более 40 лет назад. В её театре на спектаклях и поэтических вечерах мне всегда казалось, что именно там я найду долгожданную жизнь человеческого духа, которую искала и ищу везде и всюду, чтобы что-то понять о себе и о мире. А эта хрупкая женщина, яркая актриса и мощный режиссёр, сумела дать мне и многим другим то страстно ожидаемое чудо, что редко встречается в искусстве, как прекрасный чистый звук без единой фальшивой ноты.

Вот интересно, почему одни люди работают, заводят семью и живут плавно, спокойно, как положено, а у других всё без конца бурлит в поисках идеала? Вокруг Екатерины Еланской с детства царил театр: родители — легендарные мхатовцы — Клавдия Еланская и Илья Судаков, муж — потрясающий артист Виктор Коршунов, прославившийся в кино, сама она после Школы-студии МХАТ играет с ним в Малом театре ведущие роли. А ей всё время чего-то недостаёт, не даёт покоя. И она поступает в аспирантуру ГИТИСа, учится режиссуре у легендарной Марии Осиповны Кнебель, ставя в театрах Москвы спектакли, шокирующие новизной и вызывающие бурю восторгов и споров: «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, «Робин Гуд» Сергея Заяицкого, «Вкус черешни» Агнешки Осецкой, «Месяц в деревне» Ивана Тургенева. Но успех не даёт ей полноты счастья: она грезит новым театром, без привычной коробки — сцены и снятой 4-й стены, где зрители как будто подглядывают за героями пьесы. Ей нужны соавторы и соратники, единомышленники и соучастники, необходима атмосфера, которая объединит зал и сцену. Она хочет, чтобы жизнь, сыгранная в пределах досягаемости зрителей, без партера и галёрки, живая и реальная, смешная и трагичная, слилась с жизнью людей, сидящих вокруг того действия, что творится здесь и сейчас, в созданном ей священном круге. И этот круг будет в момент спектакля их истинным миром, той самой сферой, где рождаются желания и мечты, где мучительно думают о долге и счастье, где пронзает сердце любовь и настаивает коварство и подлость, а потом приходит раскаяние и горечь потери. И Екатерине Еланской удалось создать этот почти недостижимый феномен — театр человеческого духа! Кто-то не принял её вызов, а кому-то её театр стал настолько близким и родным, как песня матери или горькие слёзы отца.

Впервые я увидела Александра Коршунова давным-давно на сцене Малого театра в спектакле «Волки и овцы» Александра Островского, где он играл комедийную роль племянника Мурзавецкой. И это, доложу я вам, было настоящее потрясение! Едва он появлялся в поле зрения зала, все начинали улыбаться, хохотать и буквально стонать от смеха, настолько в его исполнении эта ничтожная невзрачная личность была нелепой, жалкой и, как ни странно, трогательной. Потом мне довелось увидеть в Малом театре его первые режиссёр-

Александр Коршунов у портрета Екатерины Еланской работы Анатолия Хрупова

ские работы: «Трудовой хлеб» и «Пучину» по Островскому, где была та правда, искренность и простота, которые редко можно найти сегодня в развлекательных шоу, пошловатых комедиях и жёстких фарсах с извращённым авторским смыслом. А в театр «Сфера» я попала именно на «Маленького принца», обожаемое мной, почти выученное наизусть произведение, которое я никогда не видела на сцене, и это стало для меня открытием. Лётчика в спектакле основателя театра Екатерины Еланской играл он — актёр и сын своей уникальной матери. Кто-то тогда играл с ним в спектакле, но я помню только его — мудрого, доброго, печального человека с его почти фантастической историей, в которую верил он сам, увлекая и нас, зрителей. В последнее время мне везло на встречи со спектаклями театра «Сфера», которые ставились по произведениям великих авторов, как и тогда, когда была жива Екатерина Еланская, так и потом, когда бразды правления были переданы Александру Коршунову. Удивительно в них то, что в какую бы эпоху ни было написано взятое к постановке произведение, оно оказывалось про меня: про мои радости, заботы, терзания, поиски смысла, симпатии. Так в спектакле

”
Театр «Сфера»
действительно рождён
для подлинного общения,
чего сейчас крайне мало,
для дружеского тепла,
для света.

«Раскас» Василия Шукшина, сотканном из нескольких рассказов автора, в поэтической прозе о земле русской, вдруг проступают редкостные по красоте характеры людей, которыми нельзя не любоваться и которых невозможно не любить. Все актёры, создающие этот удивительный природный мир, хороши. Но мне больше всего запомнились Павел Гребенников, Александр Коршунов и Денис Береснев какой-то пронзительной, почти трагической нотой при кажущейся лёгкости постановки. Да и в «Старшем сыне» Александра Вампилова есть моменты судьбоносные,

когда всё в тебе взрывается и от нелепой ситуации, и от молодой сокрушительной энергии, и от родства душ. И здесь значителен дуэт двух героев — Бусыгина (Анатолия Смиранина) и Сильвы (Павла Гребенникова). В них обоих есть и юмор, и талант, и здоровые желания юности, но причина разрыва — разный порог чувствительности. Казалось бы, совсем давний роман Ивана Гончарова «Обыкновенная история»: и написан более 170 лет назад, и костюмы позапрошлого века, и темы... Поймите, а темы-то очень даже современные. Как и отношения между людьми, что приводят к их полному краху. Как это случилось с супругами Адуевыми, блистательно сыгранными Дмитрием Ячевским и Ириной Сидоровой. И зал с замиранием сердца следит за происходящим, потому что всё это, по сути, про нас. Однажды Александр Викторович ответил на мой вопрос, как он определяет, его ли это материал: «Я помню своё детское потрясение, когда в школе задали на лето читать Толстого. Я открыл книжку «Детство. Отрочество. Юность» и был поражён: у меня было чувство, что я читаю про себя, до каких-то буквальных совпадений, ощущений, мыслей. А открывал я книжку с некоторым благоговением, чтобы приступить к тому, что называется классикой, как к чему-то далёкому, отвлечённому. И вдруг меня озарило: «Так вот что такое классика! Это то, что про меня!» Вот так я и определяю то, что мне нужно читать, играть и ставить». Похоже, театр «Сфера» действительно был рождён для подлинного общения, чего сейчас крайне мало, для дружеского тепла, исчезающего за виртуальной жизнью в смартфонах и компьютерах и, конечно, для света, который есть в душе каждого из нас. «Я никогда не буду ставить чернушную пьесу или абсолютно безысходную, безнадежную, — говорит Александр Коршунов. — Думаю, дело не в том, чтобы удивить или взнервить всех, сказав, что сейчас не так плохо, как вы думаете, а ещё хуже. Мне кажется, надо дать людям надежду». Премьерный спектакль по пьесе Виктора Розова «Затейник» интригует публику с первых же минут, не отпуская до финала. Кстати, Розов, когда его спрашивали, что ему больше всего удалось, отвечал: «Первый акт «Затейника». А Коршунов сказал: «Я рад, что на «Затейника» приходит много молодёжи: спектакль их забирает, волнует. Я слышу отзвывы».

Наталья Савватеева

Виктор Розов. «Затейник». Сергей Сорокин — Николай Иванов

Александр Вампилов. «Старший сын». Кудимов — Алексей Суренский, Бусыгин — Анатолий Смиранин, Сильва — Павел Гребенников

Мушкетёры-Кабирри

Сериал «Чики» режиссёра Эдуарда Оганесяна покорила интернет

История о четырёх проститутках с казачьего Юга России, решивших открыть фитнес-центр, манила и отталкивала, возмущала и заставляла прощать, потрясала и разочаровывала. В итоге увлекла так, что выпуск каждой новой серии на онлайн-сервисе more.tv многие ждали с нетерпением. Мало какой сериал, показанный на телевидении или в Сети, куда постепенно перемещается художественное кино, вызывал такой интерес и такие противоречивые отклики.

Сюжет — в написании сценария режиссёру помогли Настя Кузнецова и Антон Коломеец — прост: в небольшой городок (или большую станицу) где-то на Кубани или в Ростовской области к трём подругам, обслуживающим дальнотойщиков на трассе, возвращается на красном «Мини Купере» четвёртая, из Москвы. Она увлекает товарок в свою мечту о счастливой жизни — о собственном деле. И постепенно все подружки загораются и начинают реализовывать идею фитнес-центра. Для этого им приходится завязать с прошлым и войти в конфликт с сутенёром, всеми правдами и неправдами они добывают деньги на аренду помещения, делают всё, что реально нужно для открытия бизнеса.

Их жизнь меняется, и они меняются, в них влюбляются, и они влюбляются, их обманывают, предают, кидают, а они удивительно верны своей дружбе — и не сдаются. Героини, а вместе с ними актрисы замечательно раскрываются. Мы входим в обстоятельства жизни, семьи этих отчаянных мушкетёров женского пола, этих четырёх «маленьких Вер» (стилистика сериала близка знаменитому перестроечному фильму Василия Пичула) и сочувствуем и любим их, несмотря на многое. На что?

Того, что здесь не понравилось и даже возмутило, хватило бы на несколько сериалов. Внутренний Станиславский, поначалу увлечённый неожиданным действием, покорённый образностью заставки-ролика с каким-то то ли русским рэпом, то ли песенкой-молитвой, обращённой к Божечке, молчал, успев порадоваться, что одну из главных ролей, заводилу Жанны, играет замечательная Ирина Горбачёва. Но когда привык к лицам её подруг (их играют не такие известные, но тоже очень хорошие молодые актрисы) и душевно к ним расположился, то стал надоедать со своим

Ирина Носова, Ирина Горбачёва, Варвара Шмыкова и Алёна Михайлова в сериале «Чики»

«Всё-таки нет, не верю». А потом стих, как будто уговорив себя: «Ну пусть, ну таковы правила игры в этом сериале, ну допустим».

Да, поверить в то, что героини, которых прекрасно сыграли Алёна Михайлова, Ирина Носова, Варвара Шмыкова и Ирина Горбачёва, — шалавы, стоявшие на трассе, невозможно. В этом городке все друг друга знают, здесь в авторитете казаки с нагайками и пистолетами, они бы не допустили того, чтобы сразу четыре их землячки (вроде даже одноклассницы) пошли обслуживать дальнотойщиков на трассе. Дорожные проститутки, так называемые плечевые, как подтверждают специалисты, совсем другие. Они, если поработали пару лет, вряд ли так массово по зову подружки и сердца захотят бросить свою работу — они предрасположены к оказанию сексуслуг, а не к написанию бизнес-планов. И неужели в городке, а тем более в казачьей станице кто-то пойдёт к таким в фитнес-центр? Нет, побрезгуют. В эпизоде мелькнула коллега героини, оставшаяся работавшей на трассе, абсолютно счастливая, что без конкуренток у неё очень много работы. Её сбивает рефрижератор (сильный символический эпизод!), вот она была очень похожа на проститутку. В ней были бесстыдство и вульгарность, вросшие в кровь и плоть. Этого в подругах нет, видно, что они не пропащие.

С другой стороны, если брать высокую планку, великую литературу или кино, то те же специалисты говорят: «Ну какая Соня Мармеладова проститутка? И Кабиррия Джульетты Мазини? Клиент с одной расплачется, а с другой ещё и расхохочется». Всё-таки хочется правды, и в сериале её много, но героини никакие не «плечевые», а обыкновенные женщины: продавщицы, поварики, официантки, не очень устроенные, одна — мать-одиночка, другие — незамужние или разведённые. Единственное, что героини роднит с «плечевыми», — мат, без которого в фильме, конечно, можно было бы обойтись. Обценная лексика сейчас обязательна для любого якобы свободного, бесцензурного фильма. Правды мат не добавляет, напротив — раздражает, ведь это не документальное кино, а художественное, в котором множество условностей.

Условен и в общем счастливый финал историй четырёх подруг, три из которых завершаются хеппи-эндом, а вот инициатора движения (к счастью, самую умную и энергичную) обманывают так же, как наивную Кабиррию, отбирают и квартиру, и деньги и вдобавок сажают в тюрьму.

Отличный актёрский ансамбль. Очень неожиданна и хороша в роли Людки Варвара Шмыкова. Несмотря на чрезмерный накал мелодраматизма

в её истории, актрисе веришь. И Ирине Носовой — тоже, её Светка не только встретила хорошего верного человека, хоть и бывшего уголовника (Иван Фоминов), но и смогла от него забеременеть, хотя в начале сериала врачи её убеждали, что шансов родить у неё нет. И Марина в исполнении Алёны Михайловой необыкновенно интересна — и тоже неожиданно устраивает свою жизнь. Её кошмарно устроившая мать играет Виктория Толстогонова — у подружек и так всё трудно идёт, а она их фактически грабит.

Хороши здесь и мужчины. Отметим Михаила Тройника в роли отца Сергия. Очень трудно убедительно сыграть хорошего человека, особенно священника, но актёру веришь. Тут сложный образ: Сергей очень помогает Жанне не только из христианского милосердия, но и потому что неравнодушен к ней как мужчина.

Среди условно отрицательных героев убедителен Виталий Кищенко в роли Валеры, который мечтал стать лётчиком, а стал сутенёром. Сложный мистический образ полуказака-полубандита создал Сергей Гилев, его функция по сюжету — портить жизнь героиням: одну избивает до полусмерти, другую насилует. Но видно, что этому казаку не нравится жизнь, которую он ведёт. Он как будто тайно любит Жанну, но у него семья — и нельзя же, в конце концов, любить проститутку. И он мучается сам и мучает всех вокруг. Хорош в роли полицейского, брата Светы, популярный блогер Антон Лапенко. Ещё лучше Николай Денисов в роли их отца. А самый положительный герой, который вряд ли понравится зрителям-казакам, — то ли грек, то ли испанец, которого играет вообще американец (!) Стивен Томас Окснер, живущий и работающий сейчас в России. И хорошо играет. Его герой, бывший как бы муж Жанны, всё хочет наладить с ней и сыном отношения, она его не может простить, беспощадно отшивает, и с горя у него завязывается что-то серьёзное с подружкой Жанны.

Но главная победа сериала в том, что воссозданы очень жизненные ситуации, живые характеры, и, несмотря на избыточный, как мне показалось, накал мелодраматизма, это лучший сериал последних месяцев и первый удачный — о женской дружбе.

Александр Кондрашов

ПОВТОРНЫЙ ПОКАЗ

Родственные души

Цикл «Монолог свободного художника. Борис Мессерер» на «Культуре»

Свободными художниками называют деятелей искусства, не примыкающих ни к каким организациям или течениям. Есть, конечно, второй смысл: это вольный, ни от кого не зависящий творец. Многосерийный фильм-монолог, снятый режиссёром Татьяной Малой, — именно о таких людях.

В этом фильме 2013 года известный художник Борис Мессерер рассказывает о своих замечательных родных и близких друзьях. Каждый выпуск начинается кадрами Беллы Ахмадулиной, читаю-

щей стихи, — понятно, что значила она в жизни Бориса. Первый фильм посвящён именно ей, возлюбленной художника, необыкновенно одарённой, возвышенной, заоблачной... В начале 70-х они были уже сложившимися людьми, жили неподалёку, познакомились случайно, после того как подрались собаки, которых они выгуливали, о чём впоследствии Белла написала стихотворение. Мессерер не слышал её стихов до знакомства, а через несколько лет знал их все наизусть и даже подсказывал

Белле, если во время выступления она что-то забывала.

В фильме говорится о планах художника установить памятник Белле в Тарусе, где уже были статуи Марины Цветаевой, Константина Паустовского, живших в Тарусе. Сейчас на высоком берегу, откуда открывается изумительный вид на Оку, стоит и памятник Белле работы Мессерера. Тарусу он называет своей родиной, она стала одним из главных героев цикла. Здесь Бориса и его бабушку застала война, отсюда они с трудом доби-

рались до Москвы, а потом — в голодную Казань (в это же время там были и Белла, и их в будущем товарищ Василий Аксёнов), а потом — Куйбышев, где тогда находился Большой театр. Отец Бориса, выдающийся танцовщик и балетмейстер Асаф Мессерер, был худруком балета Большого. А мать Бориса Анель Судакевич в 20-е была звездой немого кино и первой красавицей страны, за ней ухаживали многие, в том числе и Маяковский, о чём с юмором в фильме вспоминает Мессерер.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

Герой без звания героя

Лётчик Мамкин стал самолётом

Во время прямой телетрансляции парада Военно-Морского флота РФ многих зрителей наверняка удивило, а помнящих подвиг Александра Мамкина – несказанно обрадовало, что на одном из уникальных мощных морских самолётов-спасателей Бе-200ЧС, проведённом в парадном строю подполковником Евгением Кузнецовым, выведено имя «Александр Мамкин». Багряно-огненной краской – в память о подвиге, вошедшем в историю Великой Отечественной войны как «огненный рейс».

Значит, гвардии лейтенант Мамкин снова призван на службу Отечеству и народу. Он будет – как третий член экипажа – спасать людей при чрезвычайных ситуациях, проводить поиск и разведку в любых погодных условиях, делать всё то, что делал его деревянно-фанерный «Разведчик-5». А сооружённый из титаново-алюминиевых сплавов и легированных сталей, с навигационным оборудованием и с турбореактивным двигателем богатырь – амфибия «Бериев-200ЧС» – не только не боится огня, но и сам может гасить гигантские пожары, зачерпывая за 12–15 секунд 12 тонн воды!

В общем, очень хорошим и добрым делом будет заниматься самолёт-амфибия «Александр Мамкин»! Думаю, что эта новость обрадовала бы его ушедших от нас однополчан. Как обрадовала ребят из школ, где были созданы музейные экспозиции о подвиге огненного рейса – в Москве, Минске, Полоцке, Твери (тут базировался 105-й полк), в Велиже (здесь, на Лидовой горе, герой перезахоронен, и сюда едут и идут люди, а смоляне проводили автопробег). И, конечно, особенно счастливы его земляки-воронежцы, установившие на здании бутырской школы, где он учился, памятную доску. А на безлюдном берегу озера Болныря житель ближайшего села Андрей Героев (какая символичная фамилия!) соорудил памятный знак.

«Литературная газета» с начала 2000-х годов комментировала телепередачи и документальные фильмы о легендарном, но никак не награждённом за подвиг лётчике 105-го гвардейского отдельного Паневежского ордена Александра Невского авиаполка ГВФ гвардии лейтенанте Мамкине. В ночь с 11 на 12 апреля 1944 г. он, совершая девятый полёт через линию фронта на

тихоходном самолёте Р-5, был обстрелян мессером, горел заживо, имел право спастись с парашютом, но продолжал свой огненный рейс из оккупированной Белоруссии до наших позиций. На борту было десять воспитанников Полоцкого детского дома из ста восьмидесяти, спасённых партизанами от смертной участи стать донорами раненым фашистам. Беспрецедентный подвиг достоин самой высокой награды. Но...

В личном деле лётчика Мамкина в архиве бывшего Министерства гражданской авиации сохранилась лишь сопроводительная справка в отдел кадров Главного управления ГВФ об отсылке документов на присвоение ему звания Героя Советского Союза. Где застряло само отосланное дело, понять непонятно: отдельный 105-й авиаполк, воевавший на Калининском фронте в апреле 1944 г., видимо, из-за полётов в глубокий тыл врага был придан авиации дальнего действия, где явно пребывал в пасынках.

На первое ходатайство из полка от 27 июня 1944 г. пришёл, как знали все однополчане (и среди них мой отец, лётчик), отказ. Якобы Мамкин уже награждён за подвиг посмертно орденом Красного Знамени, а дважды за один подвиг не награждают. Но письменного отказа в архиве, пережившем в своём подвале несколько потопов, тоже не сохранилось.

Только представим... Какое надо иметь самообладание, чтобы в огне и в чаду, с адской болью от ожогов (!) произвести в уме расчёт пройденного расстояния над частоколом леса (на который не дай Бог сесть), отсчитывая минуты полёта, потому что глаза в оплавленных очках не могли видеть! И, наконец, пойти на снижение – точно перед первой спасительной площадкой, годной для посадки, – на покрытое льдом озеро? И даже перевалиться через борт. Как всё это мог совершить полубогоревший человек?

Мне, дочери однополчанина Мамкина, с детства помнятся встречи ветеранов в День Победы и в авиационные праздники – с непременным тостом

Самолёт-спасатель Бе-200ЧС «Александр Мамкин», названный в честь героя

«За Сашу! Вечная память!», с наказом мне, начинающей журналистке: «А ты, Людмила, не давай забывать о нём!»

На множество послевоенных ходатайств о присвоении Мамкину звания Героя Советского Союза – от однополчан, партизан, выросших спасённых детдомовцев, земляков-воронежцев и депутатов ВС СССР – приходил отказ под тем же предлогом. В фундаментальных трудах издательства «Воздушный транспорт» – «История гражданской авиации СССР» (1983), «История отечественной гражданской авиации» (1996) – и других после описания подвига также сообщалось о посмертном орденом Красного Знамени.

Узнав, как видно, из газетных публикаций, что к ордену Мамкин был представлен за 6 дней до подвига, сотрудники издательства «исправили» ошибку, сообщив в энциклопедии «Кто есть кто в ГВФ», что герой награждён орденом Отечественной войны 1 ст., который на

самом деле был получен лётчиком ещё в 1943 г.!

С появлением сайта Министерства обороны «Подвиг народа» любой может прочесть наградные листы на орден лейтенанта Мамкина. Если к этим текстам, высоко оценивающим боевые заслуги лётчика, добавить сохранившиеся акты расследования лётного происшествия с описанием подвига по горячим следам, многочисленные публикации свидетельств очевидцев, а также кадры фронтовой кинохроники о последнем рейсе Мамкина, снятые оператором Марией Суховой, то непонятно, какие ещё нужны доказательства бюрократам, которые требуют от авторов ходатайств представления утерянного наградного листа?

Об обиде за ненаграждённого героя «Литературная газета» вновь напомнила в комментарии к телепередаче «Пусть говорят» от 7 мая прошлого года (15.05.2019, «ЛГ» №19). Но вот недавно побратимы лётчиков – моряки ответили конкретным актом увековечивания памяти Мамкина.

Появление имени лётчика-героя на борту богатыря Бе-200ЧС не могло свершиться без приказа командующего Военно-морским флотом адмирала Евменова и организатора этого необычного торжественного парада министра обороны РФ Героя России Сергея Шойгу. Кто-кто, а создатель Министерства чрезвычайных ситуаций знает мудрую истину: «Но если не славить мёртвых, не будет подвигов живых».

Людмила Жукова

“
С начала 2000-х
«Литературная
газета» добивается,
чтобы справедливость
восторжествовала.
“

Отдельный выпуск посвящён Высоцкому, который называл Беллу самым любимым поэтом, они дружили с Владимиром и Мариной, часто бывали у них в гостях, а самыми близкими к Высоцкому были писатель-кинорежиссёр Артур Макаров, бывший моряк, зэк и золотодобытчик Вадим Туманов и актёр Сева Абдулов, ближайший друг Володи с театрального училища.

Однажды Марина Влади пригласила Бориса и Беллу в Париж пожить в её квартире пару месяцев, и, видимо, благодаря тому, что Марина была членом французской компартии и её очень уважало советское руководство, эту поездку удалось осуществить. Конечно, в Париже они много читали из того, что тогда нельзя было

достать в СССР, и там от знакомого из французского издательства они на одну ночь получили гранки книги «Москва – Петушки» совсем неизвестного тогда Венедикта Ерофеева. Книга произвела на них такое впечатление, что, приехав в Москву, они тотчас стали разыскивать автора. И подружились с этим высоким, красивым и абсолютно свободным человеком. Он своеобразно квалифицировал своё отношение к современным советским писателям: кому и сколько налью. Он был очень строг: большинству «не налью». Пришедшему в гости Андрею Битову – «полстакана», и только «Ахатовне – полный». Мессерер рассказал характерный эпизод: ночь, засиделись с Венечкой в мастерской художника,

и им не хватило, решили ехать в ресторан Дома кино, вышли на Новый Арбат – ни одной машины, только «Чайка» кого-то ждала. Шофёр отказывался даже смотреть на «свободных художников», даже за большие деньги, даже за очень большие, ну а за вдвое «очень большие» согласился подвезти. Мессереру было важно, чтобы бесребреник Ерофеев подъехал к дому кино на правительственной «Чайке» – жаль, никто этого не видел...

Остаётся сожалеть, что цикл такой короткий, хочется продолжения, чтобы ещё и ещё раз погрузиться в эпоху, когда свободных художников было не так много, но они были.

Борис Никитский

«Поклонимся за тот великий бой»

В Киеве вышла антология украинской поэзии о Великой Отечественной войне

Книга вышла в канун 9 Мая и называется «Славен будет в народах священный твой бой. Великая Отечественная война в поэзии Украины». Составители – Д. Бурога, Н. Костенко и др. (Киев: Издательский дом Дмитрия Бурога, 2020. – 420 с.). Предисловие к антологии написал академик Национальной академии наук Украины и иностранный член РАН, герой публикации «ЛГ» Пётр Петрович Толочко. Предлагаем читателям ознакомиться с мыслями выдающегося учёного.

Мне очень хочется, чтобы этот сборник стихов о трагических и героических событиях Великой Отечественной войны прочитало нынешнее молодое поколение украинцев. Это крайне важно. Особенно в наше безнравственное время, когда на Украине, да и в Европе, предпринимаются попытки переписать историю той страшной войны, умалить, а то и вовсе предать забвению великий подвиг советского народа, сокрушившего фашистскую чуму. Можем ли мы принять идеологию предательства нашего великого прошлого, можем ли смириться с тем, что название «Великая Отечественная война» стало у нас запретным, что она объявлена не нашей войной, что вне закона красный флаг, красная звезда, серп и молот – символы, под которыми сражались и умирали наши отцы и деды? Мы, дети войны, определённо не смиримся. Но есть надежда, что не смиряются и внуки. Она в словах поэта Станислава Шевченко из Черниговщины:

*Ми пишемо – Друга війна світова...
Та мені – Вітчизняна...
Вижається батькова рота, його
забинтована рана.*

В числе тех, кто добывал Великую Победу, и литераторы – поэты, которые с первых дней войны в качестве корреспондентов оказались на её фронтах. Многие сражались с винтовкой в руках и не дожили до Победы. Это Николай Шпак, Евгений Фомин, Юрий Черкасский, Всеволод Лобода, Леонид Левицкий, Владимир Булаенко, Павел Винтман, Дмитрий Вакаров, Всеволод Багрицкий. В своей окопной поэзии они успели сказать немного, но их пронзительные строки и сегодня отзываются болью в наших праведных душах. Недожили, недолюбили, однако искренне верили в светлое будущее своей страны и до последнего вздоха сражались за него. Замученный в немецком концлагере поэт Дмитрий Вакаров написал такие строки:

*Оковы рабские исчезнут,
Моя славянская страна
Подарит людям безвозмездно
Любови и братства семена.*

В сборнике – стихотворения трёх поколений поэтов: участников Великой Отечественной войны, детей войны и внуков. Разумеется, деление это условное, формальное, ибо чувствовать сопричастность к «войне народной» можно и спустя многие годы после неё.

От имени детей войны хорошо об этом сказал поэт Владимир Никитин:

*Мы все участники войны:
Все, все, кто видел день Победы,
Кто получал по пайкам беды
С раздач, вдоль всей её длины.
<...>
Мы были все опалены
Её огнём до дня Победы.
Ошиблись наши правоведы,
Мы все – участники войны.*

И всё же. Историю Великой Отечественной войны, её трагическую сущность полнее всего отразило поколение поэтов, вошедшее в литературу ещё до неё. Это наши классики поэзии – Микола Бажан, Максим Рыльский, Павло Тычина, Илья Эренбург, Владимир Сосюра, Леонид Первомайский, Андрей Малышко, Александр Левада, Леонид Вышеславский, Абрам Кацнельсон, Маргарита Алигер, Семён Гудзенко и др. Их военная поэзия, по образному выражению литературоведа А. Белецкого, шла вровень с военными событиями и непосредственно вырастала из них. Они прожили войну, пропустили её сквозь сердца. Горе страны и народа для них было неизбывным личным горем. В их стихах горечь и боль, а ещё чувство ненависти к врагу, который не должен избежать праведного отмщенья. Может, наиболее откровенно это прозвучало в стихотворении Павла Тычины «Я утверждаюсь»:

*На українських нивах, на російських,
на білоруських – я прошу, молю! –
вбивайте ворогів, злодиг злодійських,
вбивайте без жалю!*

Если мы вчитаемся в содержательный смысл поэзии военной поры, то окажется, что многие темы перекликаются, особенно тема дружбы народов Советской страны. И это было не поэтическое воображение, но повседневная реальность советской жизни. Позже, выражаясь словами Тараса Шевченко, «славных пращадів великих правнуки погані» поставят эту реальность под сомнение, а тогда, в страшный час испытаний, именно дружба советских народов выковала нашу общую Победу.

Стихи между боями согревали души солдат

Поэтому так естественно звучат слова Максима Рыльского, обращённые к белорусскому поэту Янке Купале:

*Дві мужні матері-сестри –
Співайте, друже мій і брате! –
Одної поклялись пори
Меча із рук не випускати.
<...>
Хай мають вражі прапори
Понад Чернечою горою,
Та переможуть дві сестри
В ряду із третьою сестрою.*

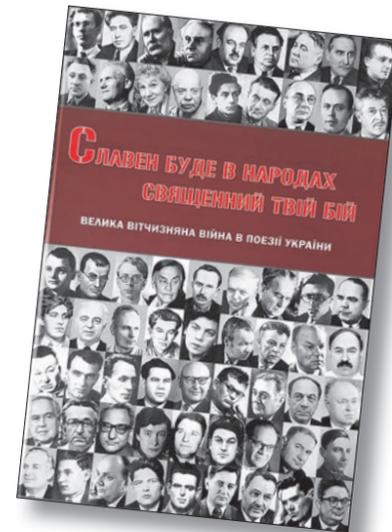
Залог победы для поэта не только братское единство восточных славян, но также дружба других народов в «сім'ї великій, сім'ї вольній, новій».

Отчётливо тема народного единства звучит в военных стихах Микола Бажана, утверждавшего, что «ми всі були і схожі, й многолікі, / Всі – різних доль, і різних мов, і душ...», Владимира Сосюры, считавшего естественным, чтобы для защиты его прекрасной Украины слетались на бой воины «із степів Кубані і з Дону тихого», у Платона Воронько, отмечавшего, что «від Москви до Карпат в кожній хаті є брат». Прекрасный гимн воину-башкиру, героически дравшемуся за Украину, сочинил поэт Семён Гордеев:

*Бывало, скажет: «Командир,
Наскипидарим немицу спину!
Мой край далёк. Тагир – башкир,
А драться рад за Украину.*

*В твоих местах я не бывал,
Но верь мне, честному Тагиру:
Когда здесь хаты враг взрывал,
Печаль близка была башкиру...»*

Одинаково близкой поэтам была тема матери. Она звучит в стихах Павла Тычины, Ильи Эренбурга, Максима Рыльского, Микола Бажана, Александра Левады и других поэтов. Это и мать-женщина, провожающая на фронт сыновей и ожидающая их с войны, и мать-Украина, горящая в огне пожаров и истекающая кровью. Поэты приносят ей душевные исповеди, печалются её горем, кланутся в святом отмщении врагу за её страданье и верят в её воскрешение. Герой стихотворения Тычины «Украї-

на-мати» признаётся ей в сыновней нежности и уверяет, что без неё не мыслит жизнь:

*Не гнівайся на свого сина,
що кличе матір кожну мить.
Без тебе – як мені і жить?
Не може не болить дитина,
коли щось в матері болить.*

А Александр Левада клянётся отомстить врагу за каждую её слезу:

*Ми понесем через ріки і гори
Помсти святої воєнну грозу.
Чорною кров'ю оплатити нам ворог
Кожну твою материнську сльозу.*

В поэзии Микола Бажана мать вырастает в эпический образ «матери-матерей». Она печальна и мудра, молчаливо смотрит на отступающих на восток наших солдат и верит в их возвращенье:

*Дим бушував на золотому полі,
Німотний дим. Великий степ горів.
Вона стояла в димнім ореолі,
Стара і мудра мати матерів.*

Откликнулись советские поэты и на трагедию Бабьего Яра. Едва ли не первым был Микола Бажан, заявивший, что за это чудовищное преступление немецким фашистам не может быть прощенья. Нельзя и забыть. И кто позволит себе это, будет проклят. В стихотворении «Яр», увидевшем свет в 1943-м, почти физическое ощущение страшной смерти ста тысяч киевлян, преимущественно евреев, но также советских воинов и партизан:

*Могильний вітер з тих ярів повіяв –
Чад смертних вогнищ,
тіл димучих згар.
Дивився Київ, гнівнолиций Київ,
Як в полум'ї метався Бабий Яр.*

*За племін цей не може бути покути,
За погар цей нема ще міри мсти.
Будь проклят той,
хто звабитися забути!
Будь проклят той,
хто скаже нам – «прости»!*

Для Ильи Эренбурга, киевлянина по рождению, расстрелянные в Бабьем Яре – его «несметная родня», память о трагедии которой тяжёлым камнем легла на сердце. Ему даже кажется, что из «каждой ямы они окликают его». Органично звучат последние строки его стихотворения «Бабий Яр»:

*Теперь мне каждый яр знаком,
И каждый яр теперь мне дом.*

Казалось совершенно естественным, чтобы отмщенье, о котором сказали Микола Бажан, Александр Левада, Павло Тычина и другие поэты, было адекватным злу, учинённому немецкими

фашистами и их европейскими союзниками на восточнославянской земле — на Украине, в России и Белоруссии. И ни у кого не было бы морального права осудить советского солдата за это. Но тем он и отличался от фашистов, что, несмотря на все зверства, не отождествлял их с мирным населением Европы. Ценой жизни спасал детей и стариков, берегал города от разрушений, раздавал продовольствие голодающим. Его гуманизм очень хорошо выразил Леонид Вышеславский в стихотворении «Вступаем в немецкое село»:

*Пусть борьба до бесконечности
мне злом испытывает душу —
нигде закона человечности
в борьбе за правду не нарушу.*

*Детей не брошу ради мщенья
в дыру колодезя сырую...
Не потому ль в конце сражения
я здесь победу торжествую?*

Это торжество выразилось в том числе и в возведённых на европейской земле памятниках советскому солдату, освободившему от фашистской человеконенавистнической идеологии Европу. Казалось, он заслужил вечную благодарность и вечную память. Но нынешняя действительность, и, к сожалению, не только европейская, показывает, что добро забывается. Исходя из политической конъюнктуры, потомки тех, кто с цветами встречал советских воинов, сооружал им памятники, безжалостно принимались их разрушать. Не обошло это стороной и мою родную Украину, что совсем не укладывается в здравый рассудок. Ведь разрушаем собственную память, собственную историю. Все, кто освобождал Украину от немецких захватчиков, — её сыновья, а она для них — Мать. Прекрасно выразил эту естественную мысль поэт-фронтвик Абрам Кацнельсон:

*Как брата, как сына,
нас ждёт Украина —
она нам, как мать, дорога.*

Но что же с нами произошло, какое случилось немислимое моральное перерождение, что нынешняя Украина стала для жертвенных своих сыновей злой мачехой? Можно понять (но не оправдать) Европу за снос памятников советскому солдату. По существу, это подосажденная месть за поражение во Второй мировой войне, которое она потерпела вместе с Германией. Но как понять Украину, выигравшую

Те, кто выжил, счастливыми возвращались домой...

эту войну? Разумеется, со всеми народами Советского Союза. Но оказалась победительницей. В этом качестве стала соучредителем Организации Объединённых Наций. Многие ли союзницы гитлеровской Германии удостоились такой чести? Как же можно всё это предавать забвению и поруганию? Может, эта безнравственность и является главной причиной нашей нынешней несостоятельности? Без прошлого не может быть будущего.

Справедливости ради следует отметить, что поколение поэтов — детей войны оказалось достойным своих духовных отцов. В сборнике помещены стихи о Великой Отечественной войне Лины Костенко, Бориса Олейника, Василия Симоненко, Николая Винграновского, Ивана Драча, Юрия Каплана, Юнны Мориц, Владимира Никитина и др. Конечно, они не испытали тех тягот войны, что их отцы, но её трагедия опалила их. Многие потеряли на ней отцов, и это горе осталось с ними навсегда, вылилось в щемящие поэтические строки. К отцу, погибшему в боях за Харьков, постоянно обращался в своём поэтическом творчестве Борис Олейник:

*Гей, на ратних полях — долины, долины.
Забуття осіда, як зима...
Так чому ж я і досі біжу із війни?
Запитав би, так... батька нема.*

Для поэта Валентина Бурхана «шляхи батьків — мої путі-дороги». Он присягнул им на вечную верность. Отец не вернулся с войны, но сын с матерью

не верят в то, что его нет. Они ждут его:

*Батьку, батьку, знов травень над світом
Виграє життєдайним дощем,
Ми від тебе усмішку привітну
Досі з матір'ю сивою ждем.*

С недавних пор в России, а затем и на Украине распространился обычай совершать 9 мая памятные марши с портретами участников Великой Отечественной войны. Это благодарная память сыновей, внуков и правнуков тех, кто добывал Великую Победу. В народе она получила название «Бессмертный полк». Трудно сказать, кому первому пришла эта мысль в голову. Но определённо известно, что предсказал её ещё в 1995 году Борис Олейник в своём стихотворении «Парад перед брамою вічності»:

*Крізь пістоліття невоєне, —
Різних призовів і дат —
Строго шикуються воїни
На Історичний Парад.*

*У великодньому леготі,
Чисті, як правда сама,
Встали живі із полеглими:
Мертвих між ними — нема!*

Эстафету поэтической памяти о Великой Отечественной войне подхватило уже и поколение «внуков войны». Это Станислав Шевченко, Владимир Пучков, Станислав Минаков, Андрей Грязов, Алексей Пасичник, Алёна Медведева, Дми-

трий Бурого, Алексей Зарахович и др. Все они единомышленники своих старших коллег. В их произведениях слышится и клятва верности великому подвигу дедов, и органическая связь с ним внуков. Прекрасный образ этой связи есть в стихотворении Дмитрия Бурого «Мой дед». Обращаясь к нему, поэт убеждён: «Мой дед, мы не отступим, не сердчай! / Флаг над Рейхстагом — капля нашей крови!» Алексей Пасичник и Алёна Медведева заверяют своих читателей, что подвиг народа никому не удастся украсть:

*Этот подвиг народа
на сердце и в мраморе высечен.
Этот подвиг святой
не отменят и не украдут.
Мы сегодня своих от чужих
отличаем по тысячам.
Тех, кто молча, с цветами в руках,
к обелискам идут.*

Истинное поэтическое слово — это всегда разящее неправду и зло оружие. Поэт — всегда боец. И всегда на передовой. Он лучше других слышит нерв жизни и лучше других доносит его до людей. О том, как поэт должен писать, хорошо сказал Семён Кирсанов, одессит по рождению:

*Писать, чтоб, как огненный штык,
бойцы твою строчку всадили
в бою под фашистский кадык.*

*В дыму обожжённого мира
я честно смотрю в облака.
Со мной и походная лира,
и твёрдая рифма штыка.*

Истинные поэты всегда чувствуют особую миссию и особое призвание. Об этом свидетельствует щемящее признание Маргариты Алигер в стихотворении 1941 года «С пульей в сердце»:

*Я осталась жить,
не потому ли,
что, когда увидела конец,
частыми, горячими толчками
сердце мне успело подсказать,
что смогу когда-нибудь стихами
о таком страданье рассказать.*

Прошу молодое поколение прочитать эту поэтическую летопись Великой Отечественной войны. Она уберёжет вас от той неправды, которую распространяют о трагических и великих годах нынешние лжеучителя.

**Пётр Толочко,
академик, Киев**

КНИЖНЫЙ РЯД

И мечты, и исследование

**В.Д. Попов.
Будущее России:
переход
в новую фор-
мацию.**

— М.: ИНФРА-М,
2020.

— 229 с.

Монография профессора В.Д. Попова вобрала в себя результаты его многолетних исследований социально-экономических и духовных проблем страны. Предшествующие работы известного в научной среде автора представля-

ли собой анализ проблем управления общественными процессами, цифровой экономики, информационной политики, журналистики, с которой он связан многие годы. В новой книге насущные вопросы развития автор рассматривает в комплексе, с привлечением данных разных наук и социальных исследований. Владимир Попов увлекает читателя философией и психологией прорыва России в новую формацию, представляющую собой, по его оценке, сочетание качеств социализма и капитализма.

Идеи конвергенции известны, у них немало сторонников, автор видит в их воплощении с учётом изменений в жизни реальный стратегический проект для России, имеющей тот и другой опыт. По его мнению, было бы замечательно соединить в гармонии социальную справед-

ливость и умение эффективно хозяйствовать, потенциал цифровой экономики и ментальность народа. При господстве безбрежного прагматизма, неостребованности в системе госуправления новейших научных разработок трудно рассчитывать на успех. Это может подтвердить каждый, кто замечает некоторую скороспелость и неыверенность ряда преобразований последних лет.

Монографию профессора Попова не назовёшь сугубо академической. Слово публициста звучит в ней наравне с размышлениями учёного. «Представленная книга — это и мечты, и продукт свободного исследования», — признаётся автор. А это вызывает и к разуму, и к эмоциям читателя, помогает делать свои выводы.

Александр Поleshук

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

Поздравляем друга «ЛГ», члена нашего попечительского совета, одного из крупнейших российских издателей, президента издательской группы «Эксмо-АСТ», книги которой есть в каждой семье, Олега Евгеньевича Новикова с недавним днём рождения и желаем преодолеть очередной кризис книгоиздания и, как всегда, выйти победителем!

22 НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ – 75

Ужин с императором

Пу И называл нашего офицера просто «Александр»

На исходе войны с Японией в советском плену оказалась не одна сотня тысяч японских военных, среди них были бывший император и правительство Маньчжоу-Го, государства, созданного Японией. Оно служило плацдармом для действий против Китая и подготовки группировки к войне с СССР. Последний император маньчжурской династии Цин – Айсиньцзюэло (по-маньчжурски Айсин Гиро – «золотой род») родился 7 февраля 1906 года, в 1908-м был возведён на престол. Правил недолго. После революции 1911 года Пу И 12 февраля 1912-го отрёкся от престола. Власть перешла к президенту Юань Шикаю. Прожив 13 лет в своё удовольствие, Пу И в 1924-м был изгнан республиканской армией, но спустя 8 лет снова стал верховным правителем Маньчжоу-Го. 19 августа 1945 года – последний день правления последнего императора Китая.

По числу наград младшему лейтенанту Александру Желвакову было далеко до Пу И. Но он был офицером победившей Красной армии, и именно ему поручили конвоировать бывшего императора в плен

Охранять его по дороге в СССР выпало уроженцу старообрядческой деревни Яковлевская бывшего Орехово-Зуевского района (ныне – Орехово-Зуевского городского округа) Московской области Александру Кирсановичу Желвакову. Он родился в многодетной патриархальной крестьянской семье 23 февраля 1918 года, по совпадению, в день рождения Красной армии. Его близкие были людьми верующими, а дед Маркел Ильич владел иконописной мастерской. Саша рос трудолюбивым, был приучен уважать старших. К материнским советам прислушивался, даже когда сам стал отцом и дедушкой. Староверка Ирина Леонтьевна слыла у сельчан мудрой и доброй женщиной, дожила почти до девяноста лет, умерла в 1983 году.

Судьба отца была трагична. 43-летнего колхозника сотрудники НКВД арестовали 9 марта 1938 года, а спустя несколько дней решением тройки при УНКВД по Московской области Кирсану Маркеловичу был вынесен смертный приговор «за контрреволюционные высказывания». Через девять дней он был расстрелян на Бутовском полигоне. Та же участь постигла его старшего брата Тимофея. Их реабилитировали через 20 лет за отсутствием состава преступления.

Как ни удивительно, это не стало помехой для армейской карьеры Александра. Он был призван в Красную армию в 1941 году, с 1942-го воевал на Волховском фронте. Гвардии младший лейтенант был в распоряжении политотдела 6-й гвардейской танковой армии. Более известна другая страница его биографии. Ему доверили стать начальником охраны пленённого императора Пу И и сопровождать его 19–20 августа 1945 года в СССР.

Всё развивалось стремительно. Младшего лейтенанта Александра Желвакова вызвал начальник политотдела 6-й гвардейской танковой армии генерал-майор Кирилл Иванович Филяшкин и отдал приказ: «Товарищ Желваков! Вам поручается охрана императора Пу И. Головой за него отвечаете!

”
Внешняя охрана, особенно ночью, будет обеспечена, но будьте постоянно внимательны.
“

В вашем подчинении будут сержант Бойко и рядовой Косолюбов».

Вскоре Желваков уже знал, что сначала Пу И и его свита располагались в двух палатках, но это было ненадёжно, и энергичный 35-летний генерал Филяшкин быстро подыскал дом с глухим забором. Желвакова предупредил: «Внешняя охрана, особенно ночью, будет обеспечена, но будьте постоянно внимательны. С Пу И и его людьми обращайтесь вежливо и тактично».

Как потом вспоминал Желваков, ночь с 19 на 20 августа им показалась очень долгой. Не спали все. Пу И даже не раздевался. Худощавый, в роговых очках, бледный, встревоженный, в тёмном костюме и светлой рубашке без галстука, он казался одиноким, задумчиво сидел в кресле. Остальные из его сопровождения хаотично копались в вещах, о чём-то иногда разговаривали. Среди вещей Пу И Желваков выделил представительный кожаный чемодан и чёрный саквояж – ничего удобного прежде офицеру видеть не доводилось.

В 5 часов утра 20 августа в дом прибыл генерал Филяшкин. Желваков доложил: всё в порядке. Генерал сказал: «Придёт Никита Андрианович (речь о переводчике Кострюкове. – Авт.), он побеседует с Пу И. Обеспечьте, чтобы они находились не в помещении, а во дворе».

Разговаривая с майором Кострюковым, Пу И приободрился, что-то жарко доказывал. Желваков находился рядом. Пу И представлял своих сотрудников, благодарил охрану за внимательность и вежливость. Беседа явно нравилась бывшему императору, на его лице появилась улыбка. Желвакова Пу И называл не по званию, а просто «Александр».

Майор Кострюков рассказал потом «Александрю», что Пу И – очень интересный собеседник. Он выражал удовлетворение, что находится в распоряжении командования Красной армии, хотя и беспокоился за свою судьбу, спрашивал: «Меня расстреляют?» (Как известно, он остался жив и провёл остаток лет в КНР, где умер в 1967 году.)

С Кострюковым Желваков был знаком, за прекрасное знание японского языка сослуживцы называли его Никита-сан. Великолепно Кострюков владел и китайским.

В 12 часов группа Желвакова получила приказ: «Пу И сопроводить в Читу».

Желваков не должен был от него отлучаться ни на минуту. Охрану усилили капитаном Григорием Никитовичем Филатовым (ушёл из жизни в 1975-м).

После обеда группа выехала на аэродром. Сопровождающие несли к самолёту вещи, в роли носильщика был и брат императора – Пу Цзе. Сам Пу И ни к чему не прикасался. Группа летела без переводчика. Правда, у капитана Филатова был разговорник. Двухмоторный самолёт, что называется, видал виды. Опасаться нападения не приходилось, но зенитный пулёмёт был наготове. В полёте Пу И вёл себя сдержанно, почти не отрывался от иллюминатора, иногда обменивался короткими фразами с братом. Вели они себя так, будто летят домой. Перед вылетом Филяшкин сказал, что летят в Читу. Однако сначала приземлились в монгольском городе Тамцаг-Булак, где сели в другой самолёт, и уж на нём взяли курс на Читу. Видимо, действовал некий страховочный замысел командования.

В Чите их ждала вереница «эмков». Пу И оказался в первой машине, Желваков – в замыкающей колонну. С аэродрома проехали через город и двинулись в Молоковку – в 18 километрах от Читы. (Там Пу И предстояло находиться на спецобъекте №30 Управления НКВД по Читинской области до ноября 1945-го. Затем его перевели под Хабаровск, на спецобъект №45).

Добрались в Молоковку поздно вечером. Сначала разместили всех арестованных, затем вместе с ними поужинали в столовой. 21 августа спецгруппе Желвакова был предоставлен трёхдневный отдых в Чите. А уже 25 августа все члены группы самолётом прибыли в Мукден, где располагался штаб и войсковые части 6-й танковой армии. За организацию охраны бывшего императора и боевые действия в войне с Японией Желвакова наградили орденом Отечественной войны второй степени.

После Победы, с мая 1946-го по декабрь 1965 года, Желваков проходил воинскую службу в Забайкалье, уже подполковником, служил в Московском военном округе. В 1970-м в звании полковника вышел в отставку.

Он – кавалер многих боевых орденов и медалей («За победу над Японией», «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», ордена Красной Звезды и других). После отставки осел в подмосковном городе Железнодорожном. Прожил почти век, до конца дней сохранял ясность памяти, живость ума, часто выступал перед молодёжью, школьниками. Наведывался и в родную деревню Яковлевскую, навещал мать и родственников.

Неожиданным событием для него стала поездка в Японию. Это произошло в перестроечном 1985 году. В составе профсоюзной делегации Желваков побывал в разных городах, особенно памятной была поездка в Хиросиму. Они возложили венок к памятнику жертвам атомной трагедии. Об этом написала ведущая газета страны «Асахи». Воспоминания Желвакова о боях с японскими самураями ранее опубликовали в китайской газете «Жэньминь жибао» и передали по международному радио Китая.

Евгений Голоднов,
краевед, Орехово-Зуево
Московской области

На пути в Читу бывший император был больше похож на школьного учителя или чиновника средней руки

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Фронтальная старая тетрадка

В одном из первых выпусков «Военного архива» я писал о том, как мне удалось найти остававшегося неизвестным поэта фронтового поколения Сергея Аракчеева. И вот ещё одна потрясающая судьба, биография, ещё одна трагическая страница действительно военного архива.

Любители поэзии хорошо знают издания под скорбными названиями «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне», «Строки, оборванные пулей». Эти книги не молчаливые некрополи, они стали прообразом будущего «Бессмертного полка». Но всегда больно отзывались страницы, где об авторах не было никаких сведений. Так, каждый раз готова стихи для военной антологии, приходилось брать из тех книг скудные сведения об одном из лучших поэтов поколения: «Виктор ЛУЗГИН — 1945. Погиб на фронте в 1945 году. Биографических данных не сохранилось». Ни даты рождения, ни фотографии. Только стихи — с жёсткой поэтической техникой, обещающей творческое будущее поэта, что подтверждают его лучшие произведения о личном «военном архиве»:

*Фронтальная старая тетрадка
Кровью перемочена в бою.*

*Как упрямота русского разгадку,
Я тебя огласке предаю.*

Или его великие строки о горечи отступления:

*Из деревень, в дыму, в пыли,
Шли матери, раскинув платы.
Чем мы утешить их могли,
Мы, отступавшие солдаты?
Поля, пожары, пыль дорог,
Короткий сон под гулким небом,
И в горле комом, как упрёк,
Кусок черствеющего хлеба.*

Ещё в стихах «неизвестного» Лузгина просматриваются некоторые биографические черты — тяга к небу, лётная тематика, знание крестьянской жизни... И что-то такое неуловимое, что говорило о послевоенной стилистике некоторых его стихов. Что подтвердилось в результате поисков — поэт остался жив, хотя на нём сбылись пророческие слова Семёна Гудзенко: «Мы не от старости умрём — от старых ран умрём».

Виктор Фёдорович Лузгин родился 12 декабря 1919 года в деревне Недобровка, что на Тамбовщине. Окончил лётную школу, участвовал в боях с вражескими самолётами в небе над Керчью и Сева-

стополем, был неоднократно ранен, последнее ранение оказалось самым тяжёлым. После месяцев госпиталей был демобилизован. Жил под Москвой, в Тушине, писал стихи. Любимой лётной теме отдал дань, написав поэму о герое Первой мировой лётчике Петре Нестерове — «Поручик Нестеров», вошедшую в его посмертную книгу «Земля родная» (1960). В этой книге напечатаны его стихи из антологии «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне». Умер в возрасте 36 лет в 1957 году — от фронтовых ран. Странно, что даже в предисловии к посмертной книге ни слова не сказано, что он является автором антологии погибших на войне поэтов... А ведь это был именно он, по скромности не требовавший для себя привилегий среди живых, оставшийся навсегда со своими погибшими боевыми друзьями.

Восстанавливая справедливость, возвращаем читателям биографию и стихи талантливого поэта Виктора Лузгина. При этом выражаю признательность его однофамильцу — Владимиру Лузгину, собравшему и составившему уникальную «Книгу Памяти Лузгиных» о своих однофамильцах, где он впервые привёл сведения о Викторе Фёдоровиче.

Чтобы понять, как поэт оказался в списке погибших, процитирую отрывок из этой «Книги Памяти», чтобы на примере только одной фамилии стало видно всем, в том числе врагам России, какой ценой досталась нашим отцам Победа: «Великая Отечественная война оставила глубокий трагический след в судьбе советских людей. Лузгины не являлись исключением. Приведённый список Лузгиных, погибших за Родину, содержит 345 имён. Это примерно пятая-шестая часть всех Лузгиных, живших в то время, причём молодое поколение — большинству погибших было от 18 до 30 лет. Список далеко не полный, поскольку в нём нет исчерпывающих сведений из многих областей».

Геннадий Красников

Виктор Лузгин
(1919–1957),

Участник Великой
Отечественной войны.

Вступление

Фронтальная старая тетрадка
Кровью перемочена в бою.
Как упрямота русского разгадку,
Я тебя огласке предаю.
Воскреси задымленные даты,
Допиши сегодня до конца
Светлый облик русского солдата
До последней чёрточки лица.
Встанет он не витязем из сказки,
Побывавшим тыщу раз в боях.
С автоматом, в запялённой каске,
В кирзовых армейских сапогах.

Ровесникам

Оглянешься — прошло десятилетье...
И тридцать лет прошло,
как тридцать дней.
И не припомнишь,
где ты юность встретил,
Когда и где и как простился с ней.

Безусых нас из дому провожали
На дымный плац немереных дорог,
Когда и где и как мы возмужали —
Нам и приметить было невдомёк.

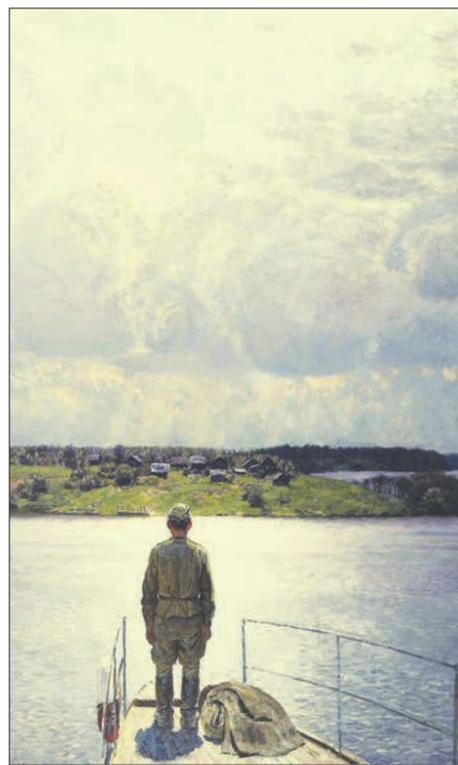
В снегах Москвы, в степях ли Украины,
На переправах через Прут и Буг,
Когда впервой
назвали нас «мужчиной» —
Нам и приметить было недосуг.

В тяжёлых касках, в сапогах, в шинели,
В скрипучей спайке
всех простых ремней,
Мы под огнём немного огрубели,
В огне мы стали строже и прямей.

Коль выйдет так, что полем боя
Идти придётся сквозь огни,
Давай условимся с тобою

На все последующие дни:
Во-первых, в трудный час разлуки
Не проливать ненужных слёз
И не ломать, закинув, руки
Над русым ворохом волос.
И, во-вторых, чтоб трезво, грубо
О всех невзгодах мне писать,
В час одиночества чтоб губы
С тяжёлым всхлипом не кусать.
Нет, лучше, губы сжав упрямо,
Превозмогая в сердце дрожь,
Пошли мне, право, телеграмму,
Что любишь, что с тоскою ждёшь.
Пусть будет малость безрассудно:
Но там, за далью, за войной.
Я буду знать, как в жизни трудно
Быть неприкаянной одной.
В землянке среди снегов ночуя,
Из боя вновь шагая в бой,
Я буду, устали не чуя,
Идти, чтоб встретиться с тобой.

Далёкий сорок первый год.
Жара печёт до исступленья.

МИХАИЛ КУГАН / ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы от границы на восход
Топтали вёрсты отступленья.
Из деревень, в дыму, в пыли,
Шли матери, раскинув платы.
Чем мы утешить их могли,
Мы, отступавшие солдаты?
Поля, пожары, пыль дорог,
Короткий сон под гулким небом,
И в горле комом, как упрёк,
Кусок черствеющего хлеба.
1945 г.

О погибшей подруге

Калитка. Палисадник. Купыри.
И старый клён шумит
с листвою блёклой,
И отражают плачущие стёкла
Румянец догорающей зари.

Старинный дом.
О как он мне знаком!
Спит под окном лохматая собака.
И я курю, чтоб только не заплакать,
И, шляпу сняв, вхожу в забытый дом.

Ты здесь жила, здесь есть твои приметы
В рубечках шторок, в пустячке любом.
И над комодом ты глядишь с портрета
В том, мной любимом платье голубом,
В том самом платье, в том, в котором ты
Со мною шла в поля. Цвела ромашка...
Одной рукою придерживав кудряшки,
Другой рвала ты первые цветы.

Был чудный полдень. Радуюсь, любя,
Мы жить хотели... Мы ещё не знали,
Что где-то там,
в фашистском арсенале,
Таится пуля, чтоб убить тебя.

Берёзки

Мы возвращались из Германии:
Чадили дымом папирос.
Из-под вагона в утро раннее
Летела с гулом дробь колёс.

А утро тёплое, обычное...
Лопочут зеленью леса.
В пять начиналась пограничная
С ковыльной степью полоса.

В пять полустанок вдоль летящими
Огнями вам мигнул вослед.

И над полями, в дымке спящими,
Закрапал дождиком рассвет.

Поля! Поля обыкновенные.
Но мы, поправив ордена,
Всё повидавшие военные
Затихли, стоя у окна.

Какой простор! Тропинки узкие
Бегут с бутра в густую рожь,
И моет три берёзки русские
С весёлым шумом мелкий дождь.

Нам машет женщина косынкою...
Сержант отвёл от нас глаза,
И по щеке её дождинкою
Скользнула светлая слеза.
И каждый вспомнил:

сколько пройдено!
При виде русских трёх берёз
Кто тосковал, как мы, по Родине,
Не сдержит нежных, тёплых слёз.

Моделист

Он по неделям не сидел на месте.
Строгал и резал, клал чертёж на стол...
И по утрам опилки, стружки жести
Мать собирала, подметая пол.
И вот стоит модель, его творенье,
Готовая для спора с высотой.
И всё в ней
словно в пушкинской поэме,
Где не найдёте лишней запятой.

Июльское утро

Спит деревня. Синеют пруды,
Как мазки на коврах зелёных.
Наклонились над рябью воды
Лопухие сучья клёнов.

На заборе бездельник-петух
Горлопанит, зрочками вращая.
И кнутищем прохлопал пастух,
Полномочия дня возвещая.

В поле запахи утра свежи,
Чуть дымится туман над лугами,
И на пологе убранной ржи
Зашуршала стерня под ногами.

Вот следы торопливых копыт,
До рассвета здесь жнейки жужжали,
Спят, откинувшись навзничь, снопы,
Как солдаты в степи на привале.

Планы на жизнь, виды на смерть

Фрагменты романа «Слышащий сердце»

Игорь Англер

Рукопись, забытая у камина

«...Спящие вагоны, качаясь и перестукиваясь парами на стыках рельс, уезжали всё дальше на юг. В невидимом, растворившемся в полумраке ночника стакане не переставала мерно позвякивать ложка. На столе стояла почти полностью опустошённая бутылка коньяка. Человек с обожжённым лицом спал, откинув руку, в которой сжимал инкрустированный пояс с кривым бебутом в ножнах.

Во сне ему вспоминалось, как он, раненый, боясь пошевелиться и притворяясь убитым, чтобы не получить от неизвестного армянина контрольную пулю из автомата, лежал ночью 19 января 1990 года и терпел горящий на его щеке бензин, вжимаясь изо всех сил другой стороной лица в холодную землю. Ещё ему снилось, как он приносит этот кинжал — ритуальный бебут самих Османов — в крови армянского убийцы на могилу своего учителя, старого Ахмета, и произносит молитву об отпущении.

Перестук колёс отдавался в сердечнике ножа. Старинный клинок затаился в ножнах, пытаясь уловить в беспокойном пульсе убийцы время, когда он вновь выйдет на охоту. В купе был неясный звук, как будто ветер трогал натянутую тетиву. В прорезь между неплотно задёрнутыми занавесками заглядывал не желавший отставать от поезда любопытный и изогнутый, как турецкий клинок, молодой месяц. В его мертвенно-бледном свете внутри рубина тлел кровавый

уголёк, зловеще мерцали драгоценные камни, заряжаясь лунной энергией, чтобы когда-нибудь снова заставить кого-то волноваться в предвкушении, вытаскивая кинжал из ножен, и, вонзив его в человеческую плоть, услышать, как бьётся на стальном острие чьё-то сердце.

«Слышащий сердце» должен вернуться...»

Жанна положила на кофейный столик последний листок рукописи и замолчала, глядя на угасающую игру пламени в камине. В гостиной повисла тишина. Было лишь слышно, как потрескивают, постанывая, догорающие дрова. Надломившись, они с тихим хрустом опали и превратились в горку багровых углей, которые некоторое время переливались мягким рубиновым светом. Внезапно в порыве агонии в дымоход полетел сноп ярких искр. Вспышка выхватила из темноты двух мужчин, сидевших напротив Жанны.

Евгений, не говоря ни слова, встал с кресла и подошёл к корзинке с поленьями. Он выбрал пару чурок потоньше, чтобы они быстрее загорелись, положил их в топку и молча вернулся на своё место. Олег Генрихович откинулся на спинку мягкого дивана и в задумчивости крутил бокал с коньяком, иногда рассматривая напиток в отблесках пламени. Несмотря на то что была середина августа, Олег Генрихович настоял на том, чтобы разожгли камин для большего, как он выразился, литературного антуража.

Жанна смотрела, как голубой, будто от газовой горелки, неяркий огонёк принялся облизывать кору, подрумянивая её до темно-коричневой хлебной корочки. Постепенно разгорающееся пламя, как проявитель, выхватывало из сумрака лица людей, обста-

новку гостиной в современном стиле без какого-либо вычурного декора. На белых, сейчас казавшихся серыми, стенах висели абстрактные картины без рам под стеклом.

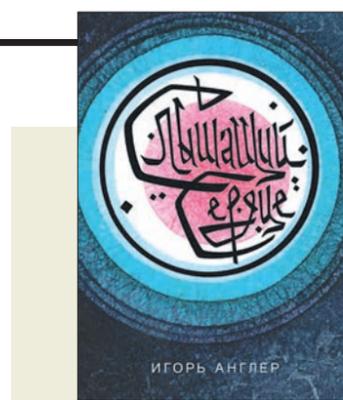
Глядя на лица самых близких ей людей, которые становились то светлыми, то тёмными, девушка отметила про себя в очередной раз, что в реальной жизни одни и те же люди могут быть то хорошими, то плохими в зависимости от внешних обстоятельств. Как сказал когда-то их друг мсье Монтаньи, это зависит от того, по какой стороне улицы ты идёшь: по солнечной или теневой. Ты можешь перейти на противоположную сторону сам, но чаще кто-то третий, посторонний, решает, как и куда тебе идти и вопреки твоему желанию.

В самых сокровенных тайниках души Жанна лелеяла мечту о том, что, написав автобиографический роман, она заставит отца взглянуть на его жизнь криминального авторитета по-иному, окончательно отрешившись от прошлого.

«А Женя на стороне света или тьмы? Овсеяны мертвы. Кузнецовы отомщены. Что дальше? Именно он придумал прятать порошок в трубах поросших клеток. Говорит, что они свернули наркоторговлю. Даже Монтаньи сказал, что с него хватит. Правда ли это? А я, всё знавшая и жившая за их счёт, считаю себя ни при чём. Такая ли я уж чистая? Кто мы, дети «крёстных отцов?» — размышляла она, глядя на волевое лицо Евгения с тонкими, резко очерченными губами...

Улетаешь? — «Au revoir!» Прилетел? — «Salut!»

Поздним воскресным вечером Монтаньи набрал номер знакомого исполнительного вице-президента, который в «Би-Эн-Пи де Пари» возглавлял отдел состоятельных клиентов, и попросил его оказать в понедельник особое внимание и всяческую поддержку своему бизнес-партнёру Исмаилу Караджи, который в понедельник обратится в банк. Кроме того, чтобы мсье Караджи не считал себя чем-то ему обязанным, Дидье попросил сохранить этот разговор в тайне. Ничего особенного в такой просьбе не было. Монтаньи позвонил ещё несколькими знакомым.

На следующий день, в понедельник, в половине одиннадцатого Берк Демир с очень довольным выражением лица вышел из банка. В кафе напротив его ждал Дмитрий Ломов. Турок перешёл проезжую часть и сел за столик к русскому детективу. Берк, отпустив официанта без заказа, положил перед Дмитрием толстый пакет.

— Здесь триста пятьдесят тысяч. Полтинник — бонус для твоего партнёра Градова. Можешь не пересчитывать.

— Спасибо, — поблагодарил Ломов.

— Заработал. Ладно, здесь наши дороги расходятся. Отныне мы не знакомы. Удачи.

Демир встал с места и оставил проезжавшее такси. Дмитрий посмотрел вслед удаляющемуся автомобилю, запоминая регистрационный номер. За ним проследовал «Пежо» неприметного серого цвета.

Ломов взял телефон, подержал его в руке, провоя взглядом такси и эскорт, и положил обратно на стол. Он достал из сумки пакет с деньгами и о чём-то задумался. Дмитрий вспоминал о том, как они с Василием Петровичем, закадычные друзья, ездили в Краснодар, проникли в тайник Овсеяны, показали драгоценности и оружие следователю Суровцеву и, предварительно не стовариваясь, поделили поровну найденную валюту — сорок две тысячи долларов. Это было три года назад. Сейчас перед Ломовым лежало триста пятьдесят тысяч, о которых никто не знал.

«Что мне посоветовал турок? Купить «Феррари» и на нём поехать домой? А ведь это идея!»

Ломов отключил телефон и отправился в автосалон подержанных автомобилей. Там он отсчитал обалдевшему продавцу наличные за почти новый внедорожник «Митсубиси Паджеро» и, не меняя французские номера на транзитные, взял курс на Германию, чтобы оттуда паромом перебраться в Финляндию, из которой напрямую гнать до Питера.

«В конце концов, чем я обязан Градову? Дружбой в универе или совместной работой в прокуратуре? Так это всё давным-давно прошло. И вообще, кажется, что было не с нами и не в этой жизни. У него теперь свой процветающий бизнес. Сейчас он, наверное, подписывает выгодный контракт с новым денежным клиентом. Мне с ними не по

пути», — так решил бывший майор милиции Дмитрий Ломов. Его мобильный замолчал до самого Санкт-Петербурга. А там Ломов сменил телефон.

Приехав в консульство Турции, Демир его больше не покидал. Лишь в четыре часа из ворот выехал чёрный «Мерседес», который направился в сторону аэропорта. На переднем крыле автомобиля трепетал красный флажок. Чуть позади ехал белый «Рено», через пару километров его догнал синий «Фольксваген». «Рено», мигнув поворотником, свернул на следующем перекрёстке. Через минут сорок «Мерседес», сопровождаемый незаметным и регулярно менявшимся эскортом, остановился в зоне отлёта. Из автомобиля вышел мужчина и скрылся в здании.

— Демир зарегистрировался на рейс «Turkish Airlines» до Анкары, — прятая телефон, сообщил Серж всем присутствовавшим в спальне.

Вчера ночью никто не развёхался. Все ночевали на вилле Монтаньи, а с утра получали доклады о передвижениях Берка Демира и Дмитрия Ломова.

Получив посадочный талон и узнав, где находится специальный коридор для дипломатов, Берк пошёл в указанном направлении. Он спокойно миновал паспортный контроль. Оставался только сканер. Берк решил его проигнорировать, показав свой диппаспорт. Но сотрудник безопасности полётов неожиданно попросил поставить сумку на ленту.

— Извините, простая, но обязательная формальность. И, пожалуйста, на большой аппарат. Маленький сломался.

— Но я сотрудник посольства и мои вещи не подлежат досмотру, — напрягся турок.

— Тогда сумку нужно было оформлять как дипломатический груз и сдавать в багаж, — ответил флегматичный парень в серой униформе. — А так у вас, pardon, обычная ручная кладь.

Демир колебался, но всё-таки решил не устраивать скандал и подчиниться. Сумка, дёрнувшись, уехала внутрь крупногабаритного сканера. Парень остановил ленту и посмотрел на монитор. Потом вернул сумку на исходную позицию. И снова принялся разглядывать изображение.

— Проблемы, офицер? — пытался сохранять спокойствие Берк.

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Игорь Англер

Родился в 1964 году в Омске. Окончил Ленинградский ордена «Знак Почёта» радиополитехникум и юридический факультет Ленинградского государственного университета. Автор иронических рассказов, миниатюр, романов. Публиковался в альманахах Российского СП, сборнике «Дорогие мои старики», в журналах «Москва», «Невский альманах», «Аврора», в «ЛГ». Изданы сборники рассказов «Хроники весёлой пекарни» (озвучены в аудиоформате),

«Раздолбай успеха» и «Авантюристы» (озвучены в аудиоформате), криминальный роман «Слышащий сердце», авторский юмористический «Квадратный 20x20 календарь». За вклад в русскую литературу награждён медалями «Владимир Маяковский 125 лет», «Александр Пушкин 220 лет», «Антон Чехов 160 лет», «Анна Ахматова 130 лет» и «И.А. Бунин». Член Российского СП и СП РФ.

— А что у вас, мсье, в сумке?
— Кинжал... какая-то копия... подарок нашему консулу. Вот справка, — Берк вытащил заранее заготовленный официальный бланк.
Офицер взял документ с описанием и фотографией ножа. Потом удивлённо посмотрел на экран и снова сверился со справкой.

— Что-то не очень похоже. А можно взглянуть на ваш паспорт? — попросил офицер.

Берк, холодея, протянул ему красную книжицу. Сотрудник безопасности полистал странички и вернул паспорт владельцу.

— Хорошо, всё в порядке. Я разрешу вам провоз сувениров, но только в порядке исключения, принимая, мсье Демир, ваш статус. А остальное — это премия за «Пальмовую ветвь»?

— Смешно, — успокоился турок. — Au revoir.

— Подождите, не уходите.
— Что ещё? — насторожился Берк.

— Вас сейчас проводит наш сотрудник. Он в вашем присутствии передаст сумку старшему пилоту.

— А потом? — спросил Берк.
— По приземлении командир вам её вернёт. Таковы пра-

вила перевозки специальных грузов.

Охрана пропустила на территорию виллы три автомобиля с затемнёнными стёклами. Через минуту в сопровождении нескольких парней спортивного телосложения в спальню Монтаньи поднялись молодой человек в форме сотрудника службы безопасности аэропорта и лилипут. Последний нёс спортивную сумку с эмблемой футбольного клуба «Олимпик Марсель». Когда они вошли в комнату, раздался звонок по телефону. Кто-то сообщил Сержу, что самолёт турецких авиалиний взлетел и взял курс на Анкару.

— Ждать его приземления мы не будем. Надеюсь, что доктор разрешит мне бокальчик шампанского по такому случаю, — Дидье заговорщицки подмигнул Сержу. — Неси.

В томительном ожидании прошло не менее пятнадцати минут. Всё это время Дидье, вжикая замком туда-сюда, играл молнией бело-голубой сумки.

Наконец в комнату внесли тюльпановидные бокалы и трёхлитровую бутылку «Dom Perignon White Gold Jeroboam». По её запотевшему корпусу из белого золота стекали капли воды.

— Дидье, не томи! Показывай, что у тебя в сумке! — умолял Эстет, не обращая внимания на безумно дорогое шампанское.

— Теперь, О'Генри, можно. И Монтаньи достал османский бевут. Он не спеша, как при замедленной съёмке, вынул изогнутый клинок из ножен в гравировке по серебру

и отложил тяжёлый инкрустированный драгоценными камнями пояс в сторону. Рубины, изумруды и сапфиры заиграли на свету. Желая оценить крупный рубин в набалдашнике рукоятки, Дидье поднял бевут, подержал на весу и затем опустил его.

— И в самом деле слышно, как стучит! Где тут написано «Слышащий сердце»? — рассматривал он замысловатую гравировку на лезвии.

— Теперь призы... — Дидье попросил Сержу забрать у него сумку. — Тебе и Малышу-Шарлю по пятьдесят тысяч, а остальные деньги разделите поровну между всеми участниками съёмки и блестящей операции в зоне досмотра. Малыш, ты точно всё вернул шпиону: деньги, кинжал? Ничего не забыл?

— Самый большой, какой только сумел найти, шеф, — рассмеялся лилипут дребезжащим, как бьющееся стекло, голосом.

Примерно через три часа рейс «Turkish Airlines» №ТК-104 благополучно приземлился в Анкаре. В первом ряду бизнес-класса сидел Берк Демир и с волнением ждал, когда старший пилот вынесет его сумку. Стюардесса попросила его дать возможность сначала всем покинуть салон. Томительные минуты скрашивались предвкушением встречи с легендарным сокровищем, вернувшимся на свою историческую родину. Видя, как нервничает Берк, девушка принесла ему бокал шампанского.

Наконец последний пассажир скрылся в тоннеле рукава и дверь в кабину пилотов открылась. Командир корабля вынес сумку и попросил при нём проверить содержимое. Замок был цел. Берк открыл его ключом и потянул за молнию. Лётчик отвернулся и о чём-то переговаривался со стюардессами. Берк запустил руку в пачки с долларами и начал шарить на дне. Его пальцы коснулись холодного металла.

«Бевут», — радостно подумал Берк.

Но рядом с кинжалом он почувствовал что-то необычное.

Берк обеими руками разворошил деньги и...

— Всё в порядке, господин Демир? — поинтересовался пилот.

Стюардессы внимательно смотрели на пассажира.

Лоб турецкого разведчика покрылся холодной испариной. В левой руке Берк держал короткий средневековый меч — дешёвый сувенир для туристов, а в правой — он сжимал... огромный розовый фаллоимитатор. Его искусно сделанная головка мелко дрожала. По салону распространялся аромат клубники.

У Демира потемнело в глазах. Деньги наверняка были фальшивыми.

Улетаешь? Прощай!
Прилетел? Привет!
Au revoir... Salut! ■

ЗАПИСКИ НА ПОЛЯХ

Тайна старинного кинжала

Вот и написано Игорем Англерам продолжение романа «Слышащий сердце». Однако перед нами не окончание этой увлекательной книги, а только третья часть. Потому что несмотря на намерение автора завершить текст, герои словно отделились от рук и вздумали противоречить воле их создателя, попадая во всё новые передрыги. Но чтобы в полной мере ощутить красоту интриги и лихость закрученного сюжета, читателю предстоит обратиться к началу романа.

«Слышащий сердце» создан на стыке жанров: детектива, приключения и мистики. Здесь есть и детективный сюжет, и приключенческая канва, и мистическая струя. В центре повествования — старинный турецкий бевут — «Слышащий сердце» — ритуальное оружие рода Османов, обладающее секретом: каждый, кто берёт его в руки, может услышать, как пульсирует сердце убитого. Практически все герои этого текста живут в непрестанной погоне за ним, и многие погибают на этом пути — как, например, армянская семья Овсепянов: роман начинается с того,

в которой версии. В итоге режиссёр, ищущий персонажа-актёра для главной роли — Мусы, — натывается на него самого в одном из кафе Марселя и приглашает сыграть роль в фильме. Каково же изумление Мусы, когда он, приняв приглашение, узнаёт, что фильм снимается об истории с кинжалом, в которой он главное действующее лицо!

Однако любопытство и погубит этого ловкого агента. Он всё же поплатится жизнью за бевут, прямо во время съёмки злополучного фильма. Лишится драгоценного оружия и Берк Демир, который должен был доставить его в Турцию...

В итоге к концу третьей части читатель остаётся в полном недоумении: куда же подевался «Слышащий сердце»? Кто же окажется его новым обладателем? Сколько ещё это таинственное оружие унесёт человеческих жизней?

Надо отметить, что Игорь Англер пишет очень увлекательно, живым языком, с удивительно оптимистичной энергией, несмотря на трагические эпизоды повествования. Все персонажи написаны зримо, сюжетные ходы, хоть и неожиданны, вполне убедительны, композиционный каркас романа крепкий. Описания точны и выразительны с художественной точки зрения: «По широченному, как футбольное поле, коридору сновали толпы чиновников всех рангов. Они, как река, текли по главному руслу, то распадаясь на рукава, уходя в боковые переходы, то, открыв тяжёлые дореволюционные двери и выскокив с деловым видом обратно в коридор, собирались вновь в полноводное течение». Особое обаяние тексту придаёт природный юмор автора, именно потому многие события видятся через призму комического совершенно иначе, чем если бы автор описывал их всерьёз, приобретая таким образом дополнительное измерение. Но вместе с тем есть в романе, что очень важно, и этическое напряжение: перед героями помимо житейских задач встают и бытийные вопросы, пусть не выраженные напрямую, а скорее подспудные, и это тоже придаёт роману более глубокое, чем предполагает жанр, звучание.

Полина Приданникова

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЕВГЕНИЯ ПОЛОВА

Памяти белый лик

В камне монумента застыла чистота и величие подвига павших

В Москве, неподалёку от Белорусского вокзала, есть памятник погибшим в годы Великой Отечественной войне работникам Депо имени Ильича. Его автор – Сергей Тимофеевич Конёнков (1874–1971) – наш незабываемый скульптор, создавший целый мир, до сих пор не разгаданный.

В 1917 году он восхищался революцией, создавал её первые монументы. А в 1923-м выехал в США – на выставку советского искусства. Гастроль затянулась на двадцать лет. Но эмигрантом и тем более предателем Конёнков не считался. Всегда сохранял связь с Советской Россией. В годы войны писал письма Сталину, в которых говорил о будущей Победе. Помогал армии не только эмоциональными посланиями, но и деньгами. А в 1945 году Москва зафрахтовала целый корабль, чтобы перевезти в СССР все работы классика. Вернулся на Родину и он сам. Навсегда. Его осыпали званиями и наградами, подарили мастерскую на главной улице Москвы – улице Горького, с которым Сергей Тимофеевич дружил.

Он был великим бунтарём и мыслителем, эксцентриком и мистиком. Его скульптуры то будто произрастают из деревьев, то превращаются в символическое осмысление великих событий истории. Конёнков при жизни был признан классиком, чуть ли не пророком. Но далеко не все его скульптуры получили воплощение на площадях и в скверах наших городов... По большому счёту он остался великим камерным, выставочным художником. На наше счастье, его «железнодорожный» монумент стоял, стоит и будет стоять в Москве, возле Белорусского вокзала. И этот памятник – как и многие конёнковские работы – трудно забыть, увидев однажды. Он врежется в память навсегда.

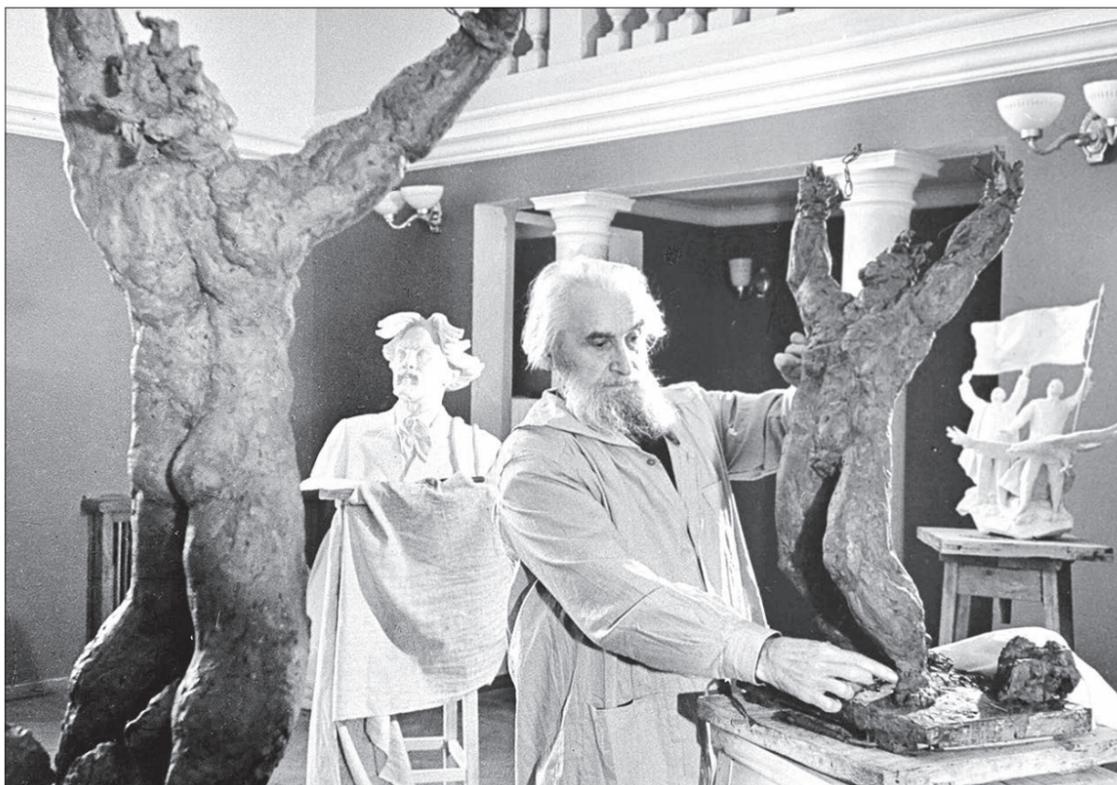
В 60-е годы к Конёнкову каждый день обращались с просьбами создать обелиск или скульптуру памяти павших в Великую Отечественную. И, хотя ему было уже далеко за 80, скульптор не мог не откликнуться на письмо рабочих московского Депо имени Ильича. Ведь его подписали десятки фронтовиков и тружеников тыла. Все-народный праздник 20-летия Победы, прошедший с небывалым размахом, всколыхнул память. Работники депо никогда не забывали своих товарищей, погибших в «сороковые роковые». И в итоге приняли твёрдое решение установить им памятник. Неподалёку от депо, неподалёку от железной дороги – там, где они трудились. И пускай скульптор будет самый лучший – лауреат всех премий, всемирная знаменитость.

Памятник погибшим работникам Депо имени Ильича

Деньги на монумент собирали, как водится, всем миром. Никого не принуждали, громко не оповещали об этом деле. Просто каждый дал сколько мог, никто не отказался – и сложилась значительная сумма. Конёнков приезжал в депо, придирчиво выбирал место для скульптуры. Говорят, даже попросил разобрать какую-то небольшую стену, которая

“
Не воевал,
но всё увидел,
всё понял.
Душу народную
понял.
“

Скульптор Сергей Тимофеевич Конёнков в своей мастерской, 1947 год

мешала правильному восприятию ещё не созданной, но уже задуманной статуи. Седобородого гения уважали, перед ним трепетали и шли на любое его условие.

По большому счёту Конёнков задумал этот памятник ещё до того, как получил письмо от железнодорожников, – во время долгой поездки по России, когда он посетил и полуразрушенную Оптину пустынь, и десяток древних городов, в которых черпал вдохновение. Повсюду чувствовалось послевоенное разорение. Скульптор сетовал: наш народ перенёс такую войну, сломал хребет «силе тёмной», а достойных памятников победителям всё ещё нет... А ведь в истории не было большей жертвенности, большей доблести. Ещё не найден образ павшего бойца, под бомбёжками погибшего труженика... Образ невесты, потерявшей любимого, образ матери. Всё это сердцу художника нужно было выстрадать.

Открыли памятник 23 августа 1967 года в присутствии всего коллектива депо. Сотни родственников павших героев пришли на эту церемонию. Многие плакали. Ведь Конёнков воплотил в камне именно их образ – тех, кто не дождался, кто потерял отцов, братьев, сыновей, дочерей в годы войны. В этом памятнике – их боль. Художник разделил её с ними и воспел как священное, высокое чувство. В народе говорили: «Молодец Конёнков! Не воевал, но всё увидел, всё понял. Душу народную понял». И искусствоведы без споров признали этот памятник выдающимся произведением старейшего русского художника, настоящего мастера.

«В блоке белоснежного мрамора вырублена женщина, неотрывно смотрящая вдаль, и прильнувший к её ноге мальш. Пирамида обелиска несёт на своих гранях имена тех, кто погиб под бомбами и снарядами, вода составы по фронтовой дороге. Конёнковский памятник установлен среди стальных путей, semaфоров, тяговых электрических линий Белорусского вокзала» – так писал об этом памятнике Юрий Бычков, замечательный журналист, автор идеи Золотого кольца России и летописец жизни Конёнкова.

Депо имени Ильича действует и в наше время – всё там же, в ближайших окрестностях Белорусского вокзала. Основанное ещё в 1871 году, в последние годы оно превратилось во вполне современное предприятие, оборудованное по последнему слову техники, но и сохранившее обаяние старины. До сих пор осталось полукруглое здание боксов, в каждом из которых когда-то стояло по паровозу – веерное депо. Уцелело и эффектное кирпичное здание водонапорной башни. В наше время – раритет. Все эти постройки – из конёнковской эпохи. Как важно их сохранять, реставрировать, если это необходимо.

А памятник расположен как раз неподалёку от башни. Не на многолюдной площади, не на тесном перекрёстке – тут шумят только постоянно проходящие мимо поезда. Здесь не бывает городских толп – и всё-таки каждый день люди подходят к монументу, невольно склоняя головы. Это несуетное место. Так и должно быть. У подножия скульптуры лежит солдатская каска, в центре небольшого пьедестала высечена эмблема железнодорожников и надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины. Работникам Депо имени Ильича, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Они отдали жизни для Победы. И каждого из них в наши дни можно увидеть во время шествия Бессмертного полка и в замечательном музее депо, где трудятся многие ветераны железной дороги. Очень важно, что в ансамбле памятника есть каска – вполне реалистичная деталь военного времени. В ней – историческая правда, которая берёт за сердце и не отпускает.

Сергей Конёнков передал в камне главное: чистоту и величие подвига, который существует не только в нашей памяти, но и в вечности, в каком-то таинственном измерении. И этот памятник – несомненно, один из лучших в длинной череде монументов павшим на той войне. Настоящий шедевр! Неповторимый.

Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактора журнала «Историк»

75 ЛЕТ
1945-2020

Дороги Победы

Коридор бессмертия

Зимой 1943 г. всего за 17 дней была проложена железная дорога к блокадному Ленинграду. По тридцати трем километрам ее полотна в осажденный город в сутки приходило по 25–30 составов.

Открытое акционерное общество
«Российские железные дороги»
www.rzd.ru

Александр Вулых
Администратор

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ АФОРИЗМОВ

ЗавКЛАФом Николай КАЗАКОВ
kazakov-aforizm@mail.ru

- Желания нужно не загадывать, а исполнять.
Игорь Англер,
Москва
- Тормознуть можно эпоху, но не мгновение.
Юрий Базылев,
Запорожье, Украина
- Гнать самогон лучше всего в шею.
Борис Ковалерчик,
Гомель, Беларусь
- В жизни как в хоре — одни поют, другие подпевают.
Юрий Ковязин,
Каменск-Уральский,
Свердловская область
- Мало того что деньги не пахнут, так многим ещё и не светят...
Алексей Кувыкин,
Нижний Новгород
- Когда не могут найти истину в вине, начинают искать в водке.
Ашот Наданян,
Ереван, Армения
- Здоровье — единственная вещь, цена которой возрастает, когда она приходит в негодность.
Александр Петрович-Сыров,
Москва
- Когда в народе созревает недовольство, кто собирает урожай?
Сергей Пугачёв,
Санкт-Петербург
- Читать между строк легче, чем слышать между слов.
Сергей Сидоров,
Москва
- Поднять размер пенсии чиновники могут только на смех.
Андрей Соколов,
Санкт-Петербург

НЕ УЧИТЕ МЕНЯ ЖИТЬ!

Школьная пора

— Петров, сколько это может продолжаться?! Ты приходишь в школу только для того, чтобы написать на парте!

— Извините!
— Извините?! Тебе уже под сорок, а ты пробираешься в класс и малюешь, малюешь!.. Ну ладно бы выписывал теорему Пифагора или годы жизни Ивана Грозного!.. А то постоянно одно и то же: «Катка — дура! Катка — дура!»
— Катка — моя жена!
— Пиши дома на обоях! Почему ты пишешь об этом в школе?!

— Отсюда же всё пошло!
— И что ты пытаешься исправить?

— Ничего я не пытаюсь исправить — хочу предупредить подрастающие поколения.

— Петров, я тебя отпущу при одном условии: если ещё раз прорёвёшься в класс, напиши: «Машка — дура!»

— Машка у нас в классе не училась!

— Машка училась в нашем классе, это моя жена!

— А сами почему не напишете?

— Мой почерк вся школа знает — я же директор!

Анатолий Коломейский

ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Свадебная басня

В один прекрасный летний день
Влюбился в курицу олень,
И после третьей бурной ночи
Он нежно шепчет ей: «Короче,

Мне без тебя не жить ни дня,
Так выходи же за меня!»
Она, на миг закрыв глаза,
Сказала трепетно: «Я — за!»

А свить гнездо на много лет
Был призван свадебный банкет.
Приглашена родня оленья,
Четыре старших поколенья,

И птичий двор с округой всей:
Позвали кур, коров, гусей.
Какой там был чудесный пир!
Там каждый вдоволь ел и пил.

Там курица куриный суп
Преподнесла гостям на суд.
Ну а жених оленью сердце
Ей подарил, осыпав перцем.

Ну, пошалили там слегка:
Нюхнул цыплёнок табака,
А утки показать хотят
Всем танец маленьких утят.

Но свадьба кончилась. И вот
Унылых дней круговорот

Супругов, некогда любезных,
Неумолимо тянет в бездну.

Жена ворчит, что небогат,
И намекает на рога,
А как-то раз она со злом
Оленя назвала козлом.

Олень и сам не тот, что был:
Исчез куда-то прежний пыл.
Он говорит жене понуро:
«Защёлки клюв, больная дура!»

И вроде брак не сохранить —
Должна порваться эта нить.
Но всё, поверьте, впереди,
Не брак здесь важен, а кредит:

На шесть совместных долгих лет
Связал их праздничный банкет.

Юрий Литвяк

КВАЗИУНОФАНТАЗИЯ

АШИПКИ И ОЧЕПЯТКИ

Кословица.
Хитромумие.
Воспекатель.
Краснобан.
Аристократия.
Травнение.
Электричка.
Хвосторг.
Крахота.
Созмедие.
Бдилетант.
Алкогольф.
Жестогость.
Шевелизационный
выбор.
Дикобрат.
Пинтерес.
Мимикрыса.

Георгий Почуев

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ
ФОНД
КУЛЬТУРЫ

Номер подготовлен
с использованием
гранта, предоставленного
ООГО «Российский
фонд культуры»

С 2 по 6 сентября при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Правительства Москвы состоится 33-я Московская международная книжная ярмарка (ММКЯ). Впервые в своей истории она пройдёт в Центральном выставочном зале «Манеж».

ММКЯ-2020 станет первым в мире международным книжным событием, организованным «вживую» после снятия ограничительных мер в связи с эпидемией коронавируса, и ознаменует

выход из кризиса. Под эгидой Международной ассоциации издателей (IPA) с участием ведущих зарубежных профессионалов пройдёт конференция «Как книжная индустрия выходит из пандемии коронавируса: стратегии выживания и направления поддержки».

Благодаря сопроводительной онлайн-программе «посетить» ярмарку смогут эксперты и читатели из любой точки планеты. При этом традиционные форматы ярмарки (книжные презентации, круглые столы, дискуссии) сохранятся. Почётным гостем ММКЯ станет Республика Корея.

Подробности — на сайте mibf.info.

ДО ВСТРЕЧИ В «МАНЕЖЕ»!

Многоязыкая лира России

Проект «Многоязыкая лира России» осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. В этом выпуске представлена литература Мордовии.

ПОЭЗИЯ МОРДОВИИ

Начало всех путей

Алексей Громыгин

Родился в 1954 году в селе Татарский Шелдаис Беднодемьяновского района Пензенской области. Окончил Zubovo-Полянское педагогическое училище, филологический факультет МГУ имени Н.П. Огарёва и одновременно Литературный институт имени А.М. Горького (семинар Евгения Долматовского). Заместитель председателя Правления Союза писателей Республики Мордовия, заслуженный поэт, лауреат Государственной премии Республики Мордовия, кавалер золотой медали «Василий Шукшин», лауреат Международной премии «Имперская культура». Живёт в Саранске.

Троицкий собор

Седой собор.
Седая Русь...
Столетия...
Слой светлых
и сжигающих веков.
Седая Русь...
Бессмертье...
Лихолетье...
И тень волхвов.

И вот опять,
опять сюда идём мы —
В Собор,
К истокам праведных годин,
Презрев навязчивые аксиомы,
И молча свечку
держим у груди.

Нам ясен путь.
А время,
Словно вектор
К соборности,
к духовной чистоте...

Но что же я —
Лишь только смежу веки —
Вновь вижу,
Что Россия — на кресте?!

А может, это только
наважденье?
Иль — сердцу новый,
Праведный укор?
Дай силы мне!
Дай мне успокоенье,
Весельно осветляющий
Собор!

Сага о совести

Нынче время, конечно, поганое.
Скажет старый вам и молодой.
Ублажают народ мой
«Программами...»,
А в итоге —
Большой мордобой.

Я на время убогое сетую,
В лики старцев иконных
влюблён,

В Русь
Соборную,
Свечную,
Светлую
На руинах
Былинных времён.
Всё пройдёт?

Отшумит?
Образуется?
Не всеислен на ниве пырей?..

Только как тебе, Русь,
Образумиться
От лукавых поводырей?!

Песни звонкого лета отпеты,
Льётся грусть
в светлом шорохе звёзд...
И горят, чуть колышась
от ветра,
Золотые фонтаны берёз.

Осень! Осень...
Ты — невыразима!
Сколько красок,
раздумий и тайн.
Словно жизнь моя необратимо
Вдруг вступила
в последний свой тайм.

Ах, зачем я?
Минутная слабость...
Это всё, как и прежде, пройдёт.
И поверю я в светлую радость
И в подснежник,
что вновь расцветёт.

Будет счастьем аукаться эхо,
Зелень трав зашумит на земле.
Может, к маме в деревню
ухать?
Ей, наверно, ещё тяжелей...

Храм

Смотрю на храм,
И в сердце умиление...

Благоговею перед чистотой.
И тихо меркнут
разные сомненья,
И становлюсь
По-прежнему собой.

Смотрю на храм!
Всё это Божья милость.
Сморою на храм —
Начало всех путей...
О если б
Вся душа преобразилась
И обрела блаженство
и покой...

Этюд о детской улыбке

Поэт — это фокусник слова.
Пророк — это фокусник духа.
Порой это всё
Совместимо.
Порою — одна пантомима.

А жизнь улетает ранимо,
Гримасничая и кипит...
И это сопоставимо
С улыбкой, что дарит дитя?

А жизнь — и бетонно, и зыбко —
Держится лишь на улыбке!

Эликсир синева

Я — центр мироздания,
Как, впрочем, и вы...
Мне мало, мне мало,
Мне мало
Одной синева.

Такой я,
Собой не разгаданный ребус.
Под солнцем
Я — солнце!
Над солнцем
Я — небо...

И время, и вечность —
Всё это, конечно же, я
И, конечно же, вы...
Нам мало себя,
Нам мало одной синева!

И Музы, конечно, мне мало,
Мне мало, мне мало одной...

Но только лишь тени от муз
По ночам вновь блуждают
со мной.

Луна исчезает, и тени опять
растворяются все.

Я в небо смотрю
И хочу их увидеть вновь
в звёздной росе.

Да, жизнь — это круг,
А порою — ничтожный
яичный овал.

Душа вздрогнет вдруг!
Это я ей кипящий свой SOS
вновь надрывно послал...

Но будем с трагедией жизни
Публично, практично,
почти хаотично,
Цинично-комично — на «вы»...

Напиться бы, но
В продаже у жизни —
Один эликсир синева...

Триолеты

1.
Мы всё черствеи,
хоть ждём Мессию.
Мы всё черствеи.
Мы всё черствеи.
И наше завтра всё черней!
Мы всё черствеи,
хоть ждём Мессию.

Сердечный ум спасёт Россию,
Стынь городов и хворь полей.
Мы всё черствеи,
хоть ждём Мессию.
Мы всё черствеи.
Мы всё черствеи...

2.
Да вечно будет с нами
благодать!
Перемещайте ум свой
в сердце.
Жизнь — ведь симфония,
не скерцо!
Да вечно будет с нами
благодать...

Впитав всё небо, небом стать.
Сакральным старцем —
не сидельцем...
Да вечно будет с нами
благодать...
Перемещайте Ум свой
в Сердце!

Человек
Каждый день умирает —
С заходом солнца.

И с восходом —
Рождается вновь.

Кипящая музыка...
И лампадная
В общем-то Девочка
Снова танцует
Ламбаду!

Снова стынет
Седая зима...
И какая уж там бахрома,
Если стынть и в душе,
и везде —

Есть спасенье
Лишь в быстрой езде!
Но загнали моих лошадей
Где-то в семидесятых годах...

Стынь в душе.
Стынь в душе и — везде!
И от холода сникла звезда.

Даже в свете её — только стынть.
И простыла любимая вновь...
А душа ждёт тепла,
Красоты.
Ждёт любви...
Только где ты, Любовь?

У Любимой в глазах нет огня.
И в душе у ней —
тягостный мрак.

...Сяду вечером вновь у окна,
Буду долго смотреть
просто так.

Просветлею от мыслей благих,
Как от силы благого Креста.
Может быть,
среди снежинок нагих
Вдруг проступит опять
Красота.

Ромашка
В колыбели белой
Качала маленькое солнышко...
Смотрел и думал:
«Сколько же нужно
Нежности,
Чтобы быть
Матерью солнца!»

Положу на ладонь
Пирамиду Хеопса.
Рядом — ромашку.
Задумаюсь снова
о вечности древней...

Что же прочнее —
ромашка иль пирамида?
Ведь пирамиды не будет
в грядущих,

Далёких столетях.

А молодую ромашку
Новые вёсны
Подарят
влюблённой ладошке...

Проклятие Муму

Рассказ

Санди Саба

Родился в 1967 году в г. Саранске. Окончил филологический факультет Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва. Работал корректором, социологом, библиотекарем. Псевдонимом обязан герою романа Александра Грина «Золотая цепь» Санди Прюэлю. Любимый жанр – сказка, но работает также и в реалистической прозе. Публиковался в «Литературной России», сборниках Московской сакральной фантастики «Басткон», израильском журнале «Новый дом», немецком журнале «Зарубежные задворки», сборнике сказок «Гоголь-фэнтези» и др. Автор книг-фэнтези «Звёздная страна» и «Волшебная чаша гномов». Член Союза писателей России, член Союза журналистов России.

Подходит собака Баскервиль к Герасиму и говорит:
«А знаешь, Герасим, я не утонула!»

Из первой редакции рукописи «Муму», сгоревшей вместе со вторым томом «Мёртвых душ»:

– А что случилось с Муму? – спросила барыня.

– Она утонула! – ответил Герасим через сурдопереводчика.

Абзац, вычеркнутый цензурой.

– Борменталь, Борменталь, позовите доктора Борменталья! – стонал профессор Преображенский.

– Уже идёт, – суетились возле профессора Зинаида и Дарья Петровна.

Борменталь, быстро раздеваясь в прихожей, спросил шёпотом, что профессор не слышал:

– Что случилось?

– Ай, – махнула рукой Дарья Петровна, показывая жестом, что дела профессора очень плохи. – Вчера вечером к нему пришёл пациент. Кто-то из шишек... – Дарья Петровна показала указательным пальцем на небо. – В военном френче, в сапогах, в реглановом пальто. Говорил с кавказским акцентом. И кажется, сухорук был. А как вышел, Филипп Филиппыч и поплохело: сердечный приступ...

– Я хотела священника позвать, какое там... – пожаловалась Зина. – Говорит: «Никаких попов... Борменталь – мой поп...»

Иван Арнольдович прошёл к профессору. Филипп Филиппыч лежал на своём диване, прикрытый пледом.

– Вот и всё, доктор, – слабо улыбнулся он, увидев своего компаньона.

– Да что вы, Филипп Филиппыч, милейший, мы с вами ещё повоюем! – пытался подбодрить его Борменталь, но получилось у него это слишком кисло: опытным взглядом Борменталь видел, что профессор не жилец.

– Я хочу вам всё рассказать. Ведь это я виноват, что случилось с Россией, только я... – в глазах профессора Преображенского горел огонь агонии, он схватил руку своего ассистента и сжал так, что у Ивана Арнольдовича потемнело в глазах. – Если б не я...

– Ну что вы, Филипп Филиппыч... право слово, не наговаривайте на себя...

– Вы ничего не знаете... Ничего... Но вы должны... Всё началось шестьдесят лет тому назад. Я тогда только поступил на медицинский факультет, и мне несказанно повезло. Меня заметил сам хирург Пирогов и взял ассистентом. Это он открыл секрет гипофиза. Это его открытие. На самом деле Шариков не был первой собакой, на которой я производил такой опыт. Пирогов наказал мне найти какую-нибудь бродяжку для опытов. Стал рыскать: как назло, ни одной собаки рядом. И вот вижу: какой-то крестьянин садится в лодку, и собачка при нём с камнем на шее. Топить везёт. Цыганка рядом, кричит ему: «Мужичок, пошто животику тиранишь? Продай мне скотинку! Я тебе полтинник дам!» Тот в ответ мычит одно слово: «Абырвалг!» Другим словам, видать, не обучен. А та не отстаёт. И я тут как тут, мол, зачем топить, продай мне. Я больше цыганкиного дам. На рубле серебряном сторговались. Эх, лучше бы он утопил эту собаку...

Теперь уж ко мне эта цыганка подскочила и даже умолять стала: «Не делайте этого, барин... иначе проклятие Муму ляжет не только на вас, но и на всю Россию... Продайте её лучше мне, я знаю, как с ней обойтись...» Но я не послушался. Мне ж собака позарез нужна была, отдай я её цыганке, поди ищи новую. Послал я её по-шариковски, говорю: «Отвянь, с..а...» А она посмотрела на меня и как закричит: «Уходи из докторов! Твои собаки поглотят мир! На них проклятие!» Думал, пьяная или сумасшедшая. Это потом я узнал, что не цыганка это была вовсе, а сама Елена Блаватская, её видение было, что Муму уничтожит мир, вот она и хотела спасти мир от гибели. Да я не дал ей сделать доброе дело...

– Да в чём проклятье, милейший Филипп Филиппыч? – не понимал Борменталь.

– Слушайте, Иван Арнольдович, и не перебивайте... Так вот, Пирогов взял у Муму анализы да и обомлел: «У вас, голубчик, прямо лёгкая рука. Очень, очень редкая собака...» Сейчас долго объяснять, Иван Арнольдович, но у Муму... Словом, её организм мог не просто приспособиться к любому человеку. Но мог копировать его до мелочей. Пирогов, умнейший человек, тогда очень сильно спорил с британским профессором Дарвиным по поводу происхождения человека. «Британские учёные доказали!» – смеялся Пирогов. Пирогов считал, что человек мог прозойти и от собаки. Помню, он дал почитать мне их переписку, я ещё горячий был, крикнул: «Да не согласен я!» Пирогов поинтересовался: «С кем именно?» – «С обоими, – говорю, – надо взять ваши теории и поделить пополам!» У меня была своя гипотеза. Пирогов притащил откуда-то собаку редкой породы «водолаз»... Муму дала потомство, четырёх щенков, кобелей. Помню, рожала она их тяжело: щенки норовили вылезти из утробы матери все скопом... Мы заморозили всех, решил, что как только будет подходящий реципиент, то мы тут же пересадим его гипофиз любой из собак. И через три дня её нельзя будет отличить от человека-донора.

– А Муму...
– Муму мы не стали замораживать, потому что буквально через год подвернулся подходящий случай. У петербургского губернатора Перовского тяжело заболела дочь, это был скоротечный

туберкулёз. Обратились к Пирогову, губернатор на коленях стоял, он очень любил свою дочь.

– И вы... пересадили её гипофиз Муму?

– Да... Из Муму получилась точная копия Сонечки... Эксперимент превзошёл все наши ожидания. Муму унаследовала не только физиологические особенности девочки, но самое главное – память. Выходит, что мы научились пересаживать душу. Только...

– Что только?

– Всё же девочка унаследовала от Муму собачий характер, росла очень злая, рассорилась с родителями. И чем это закончилось для Муму, простите, Сонечки? Виселицей. Вот и не знаешь, что лучше или хуже: утопиться от Герасима или повеситься от Муму...

– Муму убила государя-императора?

– Она хотела отомстить барыне... Это я виноват.

– Ну что вы, Филипп Филиппыч, это ж просто совпадение, вы к этому не имеете никакого отношения. Губернатору надо было воспитывать лучше свою дочь.

– Если дочь – с..а, тут воспитывай не воспитывай, всё одно. Случилось так, как случилось, милейший мой Иван Арнольдович. Софья Перовская убила государя и изменила всю историю России.

– Не вините себя, Филипп Филиппыч... Она ведь не одна была. Вы берёте на себя не свою вину.

– Я должен был знать, должен был предвидеть... Я ведь считал, что Муму подосознательно мстила царскому режиму и Герасиму за то, что её хотели утопить. Это была неосознанная месть. И эта месть перешла в кровь и плоть её щенят.

– Вы...

– Да-да, каждый нашёл своё тело. Помнится, после смерти Пирогова и казни Перовской я уехал подальше от столиц. Поддался на уговоры Николая Михайловича Пржевальского, по-

ехал врачом в его экспедицию. Уже после экспедиции мы остановились в небольшом грузинском городке. Сейчас я вам открою страшную тайну, голубчик. Николай Михайлович сожительствовал с местной грузинкой и прижил сына, но своё отцовство тщательно скрывал: у грузинки был очень свирепый муж, вечно пьяный местный сапожник, он поколачивал жену иногда просто так, а если бы узнал, что она ему неверна, представляете, что мог бы натворить?! И вот однажды Сосо...

– Простите, кто, профессор?

– Ах да, я не сказал, Сосо – Иосиф – это сын Пржевальского и этой грузинки. И вот однажды Сосо попал под арбу и сломал себе шею, сделать было ничего нельзя. А я всегда возил с собой Кобу, первого щенка... Вернее, Колбу, но Николаю Михайловичу не нравилась эта кличка, и он переименовал её на грузинский лад. Колба-Коба хранился у меня в физиологическом растворе. И так мне стало жалко Николая Михайловича, ведь у него больше детей не было и не могло быть после... Впрочем, это уже неважно... И тогда пошёл в ход первый щенок Муму – Коба. Коба был очень похож на кавказскую овчарку, видно, бабушка Муму согрешила когда-то с овчаркой, всё время тьявкала и пыталась укусить всех, кто до него дотронется. Однажды раскровянил мне палец. Одним словом, я привил Кобе гипофиз Сосо. К сожалению, полного соответствия не получилось, а всё из-за того, что ещё щенком Коба повредил себе переднюю левую лапу и прихрамывал. И всё же, считаю, эксперимент удался – Коба отделился сухолапостью, простите, сухорукостью... Джугашвили мне потом...

– Как вы сказали Филипп Филиппыч?

– Джугашвили... да-да...

– Эх, Филипп Филиппыч... Скажите, а Троцкого и Ленина вы тоже случайно того, не препарировали?

– Нет! – почти выкрикнул Филипп Филиппыч. – На мне этого греха нет!

Не могу же я препарировать всех революционеров. Но Иосиф Джугашвили — с...н сын этой самой Муму. Я так жалею, что спас эту суку, не спас бы я её, глядишь, декабристы бы не разбудили народовольцев и Перовскую, а Коба так и остался бы кобелём... Зачем, зачем тогда я пожалел эту суку? Впрочем, не все революционеры. Джек — не революционер...

— А что за Джек?

— Второй щенок Муму. Впрочем, лучше бы он стал революционером... После смерти Николая Михайловича я уехал в Англию по приглашению Кембриджского университета. Однажды препарировал одного бродягу и с удивлением обнаружил, что его гипофиз в идеальном состоянии. И у него совместимость с одним из щенков Муму — с Джеком. Джек был важным, как аристократ (бабушка Муму, судя по всему, грешила со всеми породистыми кобелями), но был слаб до сучек, бросался на любую и даже пытался загрызть. С моей стороны это было чистое хулиганство, и я на свой страх и риск пересадила гипофиз того бродяги Джеку. Но совсем забыл, что дело имею с бродягой, — на третий день, как только трансформация закончилась, он сбежал и начал делать нехорошие дела по всему Лондону...

— Джек-Потрошитель! — догадался Борменталь.

— Он! Я собственной рукой создал монстра и убийцу! И сын Муму стал мстить всему миру за то, что Герасим чуть не утопил его мать. Он и ловил несчастных возле Темзы. Но, к счастью, нам удалось исправить эту ошибку...

— Нам?

— Да, мне очень сильно помог доктор Конан-Дойль. Может быть, знаете, он известен миру своими детективами. Как мы его ловили — отдельная история. Я боялся огласки, поэтому мы не обращались к услугам Скотленд-Ярда. Нам удалось заманить Джека в ловушку и прекратить эксперимент. Артур пообещал мне сохранить дело в тайне и сдержал слово. Газетчики у них похлеще наших. Как мне говорил Артур: «Не читайте на ночь английских газет, спать не будете, лучше делать это утром и на трезвую голову!»

— А Шариков был четвёртым экспериментом?

— Пятым... Но он не из помёта Муму... Мне хотелось проверить, только ли Муму обладала таким редким свойством.

— И что же?

— Оказалось, что из любого кобеля или суки можно создать человека. Всё же Дарвин ошибался: не только обезьяны. Сами понимаете, «британские учёные доказали», британские учёные есть британские учёные, а фокус с пересадкой яичников обезьяны придумал всё-таки я, а не какие-то британские учёные, эти британцы только обезьянничать и могут, — Филипп Филиппыч, рассказывая, даже немного оправился и нашёл силы передразнить Чарльза Дарвина.

— А кто же стал четвёртым?

— Потом, как вы знаете, я практиковал в Германии. Однажды ко мне поступил один немецкий художник, фамилию его я не помню, у него было тяжёлое заболевание лёгких. Помню, у меня оставалось две замороженных собаки. Хирург Пирогов крепко знал своё дело, их тела хорошо сохранились, и я долго выбирал, кого использовать. Кинул монетку — выбор пал на Адика. Адик, доложу я вам, милейший Иван Арнольдович, злой был, почти как Коба, даже хуже. Бабушка Муму согрешила ещё и с бультерьером. Если Коба бросался только на тех, кто подходил к нему, то Адик на всех смотрел добрыми глазёнками, но сто-

ило только отвернуться, хватал человека за что придётся мёртвой хваткой. Не собака, а сущий Ад. И тывкал жутко противным лаем.

— И что же с ним случилось? Он стал монстром, как Джек?

— Политиком. Вот вчера я читаю на ночь газету «Правда»: в Германии назначили нового канцлера. Посмотрел его фото. И знаете, кто он? Да-да... Этот самый Адольф... Чует моё сердце, натворит он ещё дел. Собакой-то он кусал всех, а тут такие возможности. Проклятие Муму ещё скажется... Так что, милейший Иван Арнольдович, теперь вы знаете всё! А всю эту чушь про клозеты выкиньте из головы...

— А вчера к вам приходил один из щенков Муму, сухоплый Сосо...

— Да, требовал, чтобы я ему отдал последнего щенка... Но я не отдал...

— Подождите, Филипп Филиппыч, вы же говорили, что все щенки нашли тело... Если Шариков не с...н сын Муму, то где же четвёртый с...н сын?

— Вот об этом я и хотел вас попросить, доктор Борменталь, — высказавшись, профессор Преображенский ослабел, силы покидали его. — В моей лаборатории остался последний щенок Муму. Он по характеру — самый спокойный из них. Он всё время гавкал, но никого не кусал. Мы даже привыкли: ну гавкает и гавкает, как речь говорит... Я уверен на все сто: от него вреда не будет, но бережёного Бог бережёт. Поклянитесь мне, Иван Арнольдович, что никогда, слышите, никогда не используете его! Лучше выкиньте его на помойку. Поклянитесь мне, что никогда, слышите, никогда не будете пересаживать человеческий гипофиз всяким кобелям и сукам...

— Клянусь! — отводя глаза в сторону, поклялся Иван Арнольдович.

— Зина, Зина! — закричал Филипп Филиппыч. — Дайте мне последний номер «Правды», хочу почитать на ночь...

«Да, совсем старик из ума выжил, но недолго ему осталось...» — подумал про себя Борменталь.

К вечеру профессор Преображенский скончался. Его последним словом было: «Абырвалг!»

А через два дня по русскому обычаю его схоронили. По завещанию, всё свое состояние профессор Преображенский оставил своему верному ассистенту.

А уже вечером доктор Борменталь собирал вещи:

— Зина, я срочно уезжаю...

— Надолго? Куда?

— В село Привольное...

— Это где? — опешила Зина.

— Северный Кавказ. Там появился пациент, который идеально подходит нашему щенку.

— Но вы же обещали Филипп Филиппычу, что не станете размораживать последнего щенка.

— Зина, я должен доказать, что я как ученик не хуже своего учителя...

— Но проклятие Муму...

— Это всё воспалённый бред профессора. Я должен доказать, что я достойный его ученик.

Доктор Борменталь подошёл к прозрачному контейнеру, в котором хранился последний щенок Муму. Маленький, пушистый, белый, только с небольшой рыже-багровой отметиной во лбу. За эту отметину профессор Преображенский и назвал его Кляксой.

— На Кубани комбайном зарезало маленького мальчика. Он ровно тот, кто нам нужен. Клякса подходит ему идеально. Крестьянский сын, ну что он может натворить?

— А как зовут мальчика? — поинтересовалась Зина.

— Миша Горбачёв. ■

ПОЭЗИЯ МОРДОВИИ

Неба цветущий пион

Татьяна Маланчева

Поэт, переводчик. Родилась в 1993 году в г. Саранске. Студентка 6-го курса филологического факультета МГПИ имени М.Е. Евсевьева. Окончила Саранский промышленно-экономический колледж по специальности «менеджмент». Печатается

в периодических изданиях, журналах «Чилисема», «Мокша», «Странник», «Народное образование Республики Мордовия», газете «Эрзянь правда». Член Союза писателей России, лауреат премии Главы Республики Мордовия, лауреат литературной премии им. А.Я. Дорогойченко за переводы на русский язык эрзянских и мокшанских поэтов. Автор шести книг: «Небесный разговор», «Свиристели», «Переводы поэтов Мордовии», «Голубь мира», «Скрижали», «Ночь, словно синяя слива». Постоянная участница семинаров молодых писателей, проводимых Союзом писателей Республики Мордовия. С 2019 года — руководитель Народной литературной студии «Пегас» и литературный консультант СП РМ.

Посвящается 75-летию Великой Победы

Земля пылала ранами бойцов...
Шаталась, сотрясалась и стонала...
Не все своих увидели отцов...
Война — не колыбель, она — не мама!

Он бьёт врага — отец и славный муж,
По пояс в грязи он огнём сражает!
А где-то там, вдали от смертных стуж,
Вдали от фронта милая рождает...

И грязь, и кровь, и смерть,
и снова жизнь...
Перемешалось всё, и всё не к месту!..
Отлучка, поезд... Милая, держись!
Он едет, наш герой,
встречай к приезду!!!

Отец впервые в руки сына взял,
И на мгновенье фронта свист забылся:
«Пусть будет Сашкой!» — он жене сказал
И вновь на поле боя очутился.

И вновь свистели пули, грохот был.
Но вдруг затихло всё и всё заглохло.
Дитя проснулось и что было сил
Ревело страшно, тошно, одиноко!

И сердце что-то знало наперёд
Сквозь ожидания весточки от мужа...
А Сашка всё орёт, орёт, орёт
Надрывно, непрерывно, словно стужа.

Мой дядя — моряк

Посвящается моему дяде
Захарову Эдуарду Николаевичу,
капитану 1-го ранга

Кто море увидел однажды,
Тот стал океаном в душе!
Мой дядя простой и отважный —
Моряк! Тем велик он уже!

Он разные песни морские
Под музыку ветра слышал...
Душа подпевала стихии,
Он истину в море искал!
Он с ним породнился навеки,
Он с ним лучше многих знаком!
Мой дядя — моряк, и, наверно,
Он духом как наш Ушаков!..

Вы только представьте, полмира,
Полмира по морю прошёл!!!

Бывало, что море штормило,
Он истину всё же нашёл!

Весёлый и добрый мой дядя —
Моряк! И я этим горжусь!
Он чувствовал море, не глядя!..
И я в него не нагляжусь...

Я знаю, ты помнишь, как пела
Волна твоему кораблю!..
Ах, дядя, лишь даже за это
Я синее море люблю!..

Хокку

Алое небо...
Будто цветущий пион
Рассвет молодой!

Танка о красоте

Красота души
Различна в проявленьях...
Это — Божий свет.

Если мысли благие,
Красота есть молчанье...

Сонет

Полуночные стихи...
О чём пишу я в это время?
Они особенно легки...
Пишу я... о тебе, наверно.

О тайне полускрытых чувств,
Она для нас — вуаль ночная...
В её глазах есть радость, грусть,
А взгляд, как будто обнимая,

Зовёт мерцаньем звёзд своих.
Созвучье чувств, конечно, тайна...
Полупонятных, полу — нет.

О чём мой полуночный стих?
Сказать по правде — я не знаю...
Пишу, наверно, о тебе...

Карандаш

Карандаш гуляет по бумаге,
С тёплым скрипом кружево плетёт...
Он выводит символы и знаки,
Верною тропой своей идёт.

Карандаш споткнуться не боится,
Он уверен в действиях своих:
Вот с листа летит куда-то птица,
Чью-то душу греет новый стих...

Вновь подточишь карандаш умелый —
Он опять хорошее творит!
Карандаш — он скромный,
хоть и смелый...

О себе совсем не говорит.

Предвосхищающая грусть

Андрей Артёмов.
По России хожу босиком: Стихотворения.

— М.: Издательство «У Никитских ворот», 2020.

— 320 с. —
(101 поэт XXI века).

В новый сборник Андрея Артёмова, поэта, родившегося в Саранске, вошли стихи, написанные им за почти 30 лет. Стихотворения расположены в хронологическом порядке, а не объединены в тематические разделы. Благодаря этому получилась не просто книга, а своего рода личный дневник, где в стихах «зашифрованы» несколько десятилетий обычной человеческой жизни со сменяющимися друг друга событиями, повторяющимися мыслями, к которым возвращаешься вновь и вновь, тщетно пытаясь «додумать» их до конца; с неразрешимыми вечными, «проклятыми» вопросами...

Артёмов — тонкий лирик. Его взгляд обращён внутрь, в центре его внимания — глубоко личные переживания, ощущения. Эта сокровенная внутренняя жизнь оказывается для поэта важнее «внешней», повседневной. Ей подчинено всё. И даже описания природы, состояний окружающего мира служат в первую очередь для передачи состояния души:

*Осенний день уныло догорал...
Листья деревьев ветер обобрал —
Лишь удержались ягоды рябины.
Они горят! Угаснут ли к утру?..
Последних дней осенние картины,
Где голые деревья на ветру
Стоят, не радуют меня никоим образом:
Уж холод, и предзимняя хандра,
И долгие сырые вечера...
Заняться чем?.. Одно осталось только:
Ложиться спать — проспать до утра.*

Или:

*Листва кружится — радость глазу!
Но с ветки сорванный листок
(Не думал я о том ни разу)
Беспомощен и одинок.*

И далее следует уже прямое сравнение: «С листком оторванным я сходен». Это стихотворение отсылает нас к стихотворению Михаила Лермонтова «Листок», в котором так пронзительно звучит ощущение отчуждённости, оторванности, одиночества в толпе. Эти чувства, эти настроения знакомы и Андрею Артёмову: «В пустоте земного бытия / Долго я блуждал и одиноко».

Его поэзии свойственна некоторая меланхоличность, острое ощущение мимолётности, недолговечности счастья и предчувствие грусти, которая всегда приходит ему на смену с неизбежностью наступающей после лета осени («Так счастливы я, сердечное волнение / Во мне уже предвосхищает грусть», «Я к несчастью шёл, / Как счастливый дурак»).

Отсюда это вечное желание убежать, исчезнуть, вырваться на волю из душного и тесного земного существования. Этот мотив рефреном повторяется во многих стихах сборника: «Мне мало места не земле, / А некуда сорваться», «Лежат на облаках, воображая, / Что нет Земли, что только небо есть»...

Поэт постоянно обращает взгляд к небу, которое обещает столь необходимые ему простор и свободу. Часто появляются в стихах образы небесных тел, которые буквально околдовывают лирического героя. Луна и звёзды становятся в поэзии Артёмова то молчаливыми соглядатаями, то верными спутниками блуждающих в потёмках людей.

*Половинка луны,
Как прищуренный глаз,
Видит всё с вышины,
Что творится у нас.*

Или:

*В летнюю ночь тишина
Звуками тайными дышит,
Только немая луна
Тайные звуки не слышит.*

Острое ощущение чьего-то присутствия в небесах заставляет поэта то «оживлять» ночные светила, то искать Бога, который видится ему добрым и заботливым, что резко контрастирует с мотивом покинутости и вселенского одиночества:

*...Вись, ты меня позови!
Чьи-то незримые руки
Нежат меня из любви.*

Но, кажется, даже огромного неба недостаточно лирическому герою, чтобы утолить его жажду воли: «И даже там свободы нет, / И даже в бездне теснота...»

Быть может, это врождённое мироощущение, которое стало причиной обращения к поэзии, а может, напротив, поэзия привела все эти сложные чувства за собой... Недаром же в стихах Артёмова возникает образ поэтического дара как сладостного проклятия:

*Писать стихи — проклятая работа:
В душе, в уме тревожная забота,
И вместе с тем такая благодать,
Когда находишь, что и как сказать.*

К теме поэзии автор возвращается неоднократно. Вслед за классиками он задаётся вопросами о предназначении поэта, о высшем смысле художественного слова. И находит ответ для себя: главная ценность поэзии в том, что она пробуждает людей ото сна, оживляет почти отмершие чувства, учит состраданию. А для этого никакого жара души не жаль...

*Рисуй, что мило сердцу моему!
Гори, пылай моё воображенье!
Открой другим, моё произведение,
Всё то, что мне известно одному...
Читай, читай, мой друг, труды поэта!
(Он будет благодарен всем за это.)
Его труды вне времени живут...
Гори, пылай, моё воображенье!
И в ком-нибудь (живое провиденье!)
Стихи вновь в сердце чувства разожгут.*

Творческие муки, метания, сомнения — для всего нашлось место на страницах его «поэтического дневника». В этой внутренней борьбе — много силы и страсти, подкупающей искренности. В одном стихотворении звучит от строчки к строчке крепнущая уверенность в собственном предназначении, лирический герой заявляет во всеуслышанье: он — поэт. Но эта уверенность, однако, не мешает относиться к своим произведениям со всей строгостью. И вот он уже выносит себе приговор:

*Дрожащая рука коварно
Предать решила рукопись огню:
Стихи написаны бездарно.*

Это уже не просто отсылка к классике, а воспроизведение некоего архетипа: художник, уничтожающий своё творение. Этот глубоко трагический образ привлекал многих авторов на протяжении веков. Но для Артёмова это не литературный сюжет, а личная драма. В стихотворении при помощи простых и довольно сдержанных средств выразительности создаётся зримый образ:

*Как белый лист, чернея, тает,
Как строки синие стихов
Темнеют: жар их выжигает,
Как серым дымом увядает
Душа поэта — строки слов.*

Быть может, именно эта сдержанность позволяет нам прочувствовать боль лирического героя, понять, что это не игра на публику, не кокетство, а подлинное сильное переживание (сам поэт пишет об этом так: «К чему в стихах всё образно лукавить? / Изящный образ скользок, как змея»). Однако силой творчества поражение превращается в победу, и сцена сожжения рукописи ложится в основу нового стихотворения. А значит, всё не зря.

Есть в сборнике и стихи о родине — очень мягкие, лишённые пафоса. Любовь к России и беспокойство о её судьбе лирический герой переживает как нечто глубоко личное — эти чувства не выставляются напоказ. Например, в стихотворении, давшем название сборнику, возникает такой образ: «По России хожу, как дитя / Босиком уже ходит по дому», полный тихой нежности. А в другом произведении, размышляя об уделе родной страны, лирический герой замечает:

*Много раз прощал Господь России.
Чаще всех других она была
Им наказана...*

Перекликается с темой родины и обращение поэта к русскому фольклору, к древним верованиям наших предков:

*Скоро, добрый домовой,
Я жилище поменяю...
Не грусти: тебя с собой
Я возьму — я обещаю.*

*Ты себе на месте сам
Уголок найдёшь уютный...*

Затрагивает автор и важную, актуальную тему сохранения русского языка. В конечном итоге именно он объединяет нас и в глобальном смысле — являясь основой нашей культуры, нации, и в бытовом — помогая нам слышать и понимать друг друга, выражать свои чувства. А для поэта язык, на котором он говорит и пишет, приобретает почти сакральное значение. Это не только его рабочий инструмент, но его дом, его мир, без которого — и вне которого — он просто не может существовать.

А потому заклочённый в строках призыв звучит с особой горечью: «Друзья! Вы речь свою живую / Не променяйте на чужую; / Прошу вас очень: предков дар / Не унесите на базар».

Несмотря на то что этой теме посвящено всего одно стихотворение в сборнике, поэт, очевидно, принадлежит к разумным борцам за чистоту русского языка: в его стихах не встретишь ненужных иноязычных заимствований,

зато много слов, которые сегодня уже перешли в разряд «устаревших». Поэт не боится выглядеть старомодным, используя лексику так называемого высокого стиля: очи, дева, столь, изнемогать, кончина... Это заслуживает уважения: не желая заигрывать с «искушённой» публикой, не пытаюсь подстраиваться под изменчивую моду, поэт сохраняет верность классической традиции во всём — в том числе и верность языку Пушкина.

Интересно, что при всей склонности Андрея Артёмова к созерцательности в книге мало пейзажной лирики. В основном это произведения элегического характера, в которых природа выступает только фоном, декорацией для размышлений и переживаний. Исключением становятся «кавказские» стихи. Горы влекут лирического героя почти с той же силой, что и небо: может, как раз потому, что они — «посредники небес с равниной». Он выписывает ландшафт во всех деталях, стараясь заразить читателя своей очарованностью:

*Не смолкает течение горной
Неустанно кипящей реки,
Небосвод точно сетью узорной
Разукрашен — блестят огоньки.*

*...Осторожно в горах Дагестана
Несмолкаемо шепчется тишь...
А под утро за слоем тумана
Ничего, как в ночи, не узришь.*

В этих древних пейзажах поэта привлекает «дикая красота», контрастные сочетания прекрасной растительности и мёртвого камня, палящего зноя и ледяной воды в источнике. Горы и становятся для лирического героя тем убежищем и приютом, который он долго и тщетно искал. «Вершины гор меня влекут и манят, / Где буду счастлив я своим покоем».

И этот мотив обретённого пристанища, найденной чистой радости делает неисцелимую грусть поэта светлой. Как бы ни была трудна жизнь, каким бы тёмным и холодным ни казался порой мир, всегда есть место надежде. Поэт уверен: рано или поздно непростой путь, который проходит каждый из нас, приведёт к счастью — высшему, первозданному, и оно гораздо прочнее и надёжнее мимолётного земного счастья.

Главное — продолжать путь.

*Чёрт везде,
Бог повсюду...
Рад звезде,
Точно чуду,
Если та
В выси звёздной,
Как мечта,
Стоит слёзной
И тоски,
И разлуки.
Но руки
Лишь из скуки
Не тяни
Вверх высоко.
В наши дни
Мир жесток
И со злом
Всё играет,
И добром
Попрекает...
Чёрт везде,
Бог повсюду —
И в беде
Верю чуду.*

Миля Яковлева